

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2024 г., том 31, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

Слободин С.Б., Зеленская А.Ю. Новые данные о распространении сумнагинской культуры на Северо-Востоке Сибири.	5
Коваленко С.В. Неолитическое поселение осиноозерской культуры на горе Шапка в Западном Приамурье	15
Шавкунов В.Э. Сушэни в археологии железного века Восточной Маньчжурии и Приморского края	25
Стоякин М.А. Буддийская культовая архитектура периода Когурё.	30
Ахметов В.В. Особенности погребальной обрядности бохайцев (на материалах могильника Людиншань)	39

ИСТОРИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЯКУТИЕЙ

Васильев А.Д. Инородческое население в представлениях якутского областного начальника (1820–1830-е гг.)	45
Архипова А.И. Ревизионная деятельность генерал-губернаторов Якутской области (в середине XIX – начале XX в.)	52
Саввинов П.О. Деятельность органов городского самоуправления Якутска в годы продовольственного кризиса в период революции 1917 г.	59

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Прохоров И.Р. Участие сибирского казачества в реализации Устава о сибирских киргизах в 20–40-е гг. XIX в.	68
Чувилова И.В. Коллекционирование в среде русского провинциального духовенства первой половины XIX в.	74
Михайленко Е.И. Институт чиновников особых поручений как инструмент административной политики в Западно-Сибирском и Степном генерал-губернаторствах во второй половине XIX в.	83
Манвелов Н.В. Отчет о ревизии Архангельского военного порта в 1870 г.	91
Кружалина А.А. «Видный член социал-демократической партии В.Е. Мандельберг»: неизвестные факты об участии в избирательных кампаниях 1907 г.	98
Фельдман М.А. Ударничество в период «мини-реформ»: от апогея к забвению (1931–1933 гг.)	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дергилева Т.В. Сотрудничество библиотек учреждений науки Сибири в XXI в.	111
Томилов Н.А. Три работы Б.А. Коникова по истории Российской археологии	117
Поздравляем с юбилеем Александра Алексеевича Николаева!	120

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, профессор *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук, профессор *А.С. Зувев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН, профессор *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреев*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук, профессор *А.В. Горбатов*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, канд. ист. наук *В.В. Журавлев*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р ист. наук, профессор *М.К. Чуркин*, д-р ист. наук *Д.Н. Шевелев*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 29.03.24. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 53.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2024, vol. 31, N 1

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF NORTHEAST ASIA

Slobodin S.B., Zelenskaya A.Yu. New Data on the Spread of the Sumnagin Culture in the North-East of Siberia	5
Kovalenko S.V. The Neolithic Settlement of the Osinozerskaya Culture on Mount Shapka in the Western Priamurye	15
Shavkunov V.E. The Sushen in the Archaeology of the Iron Age of Eastern Manchuria and Primorsky Region	25
Stoyakin M.A. Buddhist Religious Architecture of the Koguryo Period	30
Akhmetov V.V. Features of the Funeral Rites of Bohai People (Based on Materials from the Ludingshan Burial Ground)	39

THE HISTORY OF THE ADMINISTRATION OF YAKUTIA

Vasiliev A.D. Indigenous Population in the Views of the Yakut Regional Head (1820s–1830s)	45
Arkhipova A.I. Revision Activities of the Governors-General of the Yakut Region in the mid-19th – early 20th Centuries	52
Savinov P.O. Activities of Yakutsk Urban Self-Government Bodies During the Food Crisis of the Revolution of 1917	59

NATIONAL AND UNIVERSAL HISTORY

Prokhorov I.R. The Participation of the Siberian Cossacks in the Implementation of the “Charter on the Siberian Kyrgyz” in the 20–40s of the XIX Century	68
Chuvilova I.V. Collecting Among the Russian Provincial Clergy of the First Half of the XIX Century	74
Mikhailenko E.I. Officials of Special Assignments as an Instrument of Administrative Policy in the West Siberian and Steppe Governorships in the Second Half of the XIX Century	83
Manvelov N.V. Report on the Inspection of the Arkhangelsk Military Port in 1870	91
Kruzhalina A.A. «A Prominent Member of the Social Democratic Party V.E. Mandelberg»: Unknown Facts About Participation in the Election Campaigns of 1907	98
Feldman M.A. Shock Work Movement in the Period of “Mini-reforms”: From Apogee to Oblivion (1931–1933)	105

SCIENTIFIC LIFE

Dergileva T.V. Cooperation of Libraries of Siberian Scientific Institutions in the XXI Century	111
Tomilov N.A. Three Works by B.A. Konikov on the History of Russian Archeology	117
Congratulations on the anniversary of A. A. Nikolaev!	120

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Doninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *M.K. Churkin*, Doctor of historical Sciences, Professor *A.V. Gorbatov*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences *D.N. Shevelev*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*, Candidate of historical Sciences *V.V. Zhuravlev*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090
Russian Federation
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russian Federation

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ

DOI: 10.15372/HSS20240101

УДК 903 (571.6)

EDN: GWDZHN

С.Б. СЛОБОДИН, А.Ю. ЗЕЛЕНСКАЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СУМНАГИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СИБИРИ

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило ДВО РАН, г. Магадан,
РФ, 685000, г. Магадан, ул. Портовая, 16

Включение долины Колымы в ареал сумнагинской культуры, к территории которой сейчас относят практически весь Северо-Восток Сибири, до сих пор происходило гипотетически, на основе технико-типологического анализа имеющихся материалов и сопоставления их с датированными комплексами этой культуры за пределами бассейна Колымы – как правило, Якутии или в лучшем случае на границе с бассейном р. Колымы. Благодаря планомерным археологическим исследованиям Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) ДВО РАН, на Верхней Колыме была открыта археологическая стоянка Бурхала, где выявлен первый в долине р. Колымы стратифицированный, чистый, без примеси материалов других культур, однокомпонентный комплекс каменных орудий сумнагинской культуры. По древесному углю, извлеченному из культурного слоя вместе с артефактами, был определен радиоуглеродный (^{14}C) возраст стоянки – 9,3 тыс. л.н.

Ключевые слова: Верхняя Колыма, мезолит, Северо-Восток Азии, ранний голоцен, сумнагинская, сибердиковская культуры, конический нуклеус, микропластинки, угловой резец.

S.B. SLOBODIN, A.YU. ZELENSKAYA

NEW DATA ON THE SPREAD OF THE SUMNAGIN CULTURE IN THE NORTH-EAST OF SIBERIA

North-East Interdisciplinary Science Research Institute
of the Russian Academy of Sciences,
16, Portovaya str., Magadan, 685000, Russian Federation

Until now, only a few units of single-component, reliably dated and unmixed Early Holocene sites of the Sumnagin culture are known outside the Aldan River valley in Yakutia, where it was identified by Yu.A. Mochanov in 1966. Moreover, N.N. Dikov questioned both the very fact of the presence of the Sumnagin culture in the Kolyma River valley and its further spread to the east. This was justified by the existence in the Kolyma Valley of other early Holocene cultures (Siberdik and Maltan), identified by N.N. Dikov and “opposing”, in his opinion, Sumnagin

Сергей Борисович Слободин – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, e-mail: sslobodin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7846-6340>.

Алиса Юрьевна Зеленская – научный сотрудник, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, e-mail: zelenskaya.mgd@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7846-6340>.

Sergei B. Slobodin – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, North-East Interdisciplinary Science Research Institute FEB RAS, Magadan.

Alisa Yu. Zelenskaya – Researcher, North-East Interdisciplinary Science Research Institute FEB RAS, Magadan.

culture. The question of the spread of the Sumnagin culture to Kolyma has been discussed theoretically for several decades, due to the lack of reliable data there, with the exception of some surface finds attributed to this culture. Only in 2017, as a result of systematic long-term field research in Kolyma by the Upper Kolyma detachment of the North-Eastern Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, the Burkhalta site was discovered, which provided the first stratified, pure, single-component complex of stone tools of the Sumnagin culture in the valley of this river, without admixture of materials from other cultures. The site was located on the pass of the left tributaries of the Kolyma, at an altitude of more than 1000 m. Its age, according to the results of radiocarbon dating of charcoal collected in the cultural layer of the site in association with stone artifacts, was 9300 14C B, which correlates with the earliest sites of this culture on the Aldan River. In Yakutia, sites on the passes (with the exception of sites on the Darpir Pass when crossing into the Kolyma basin from the Indigirka River), especially from the early Holocene period, are still unknown. The discovery and study of the Burkhalta site in 2017–2020 in the upper reaches of the Kolyma made it possible not only to determine the nature of one of the stages of human exploration of the Kolyma River valley in the early Holocene, but also to obtain a final solution to the problem of exploration of the Kolyma River valley by Sumnagin culture bearers. The research allowed us to determine the search for archaeological sites in the passes from the Lena River basin to the valleys of the Yana, Indigirka and the rivers of the Okhotsk basin as a promising direction.

Key words: Upper Kolyma, Mesolithic, Northeast Asia, early Holocene, Sumnagin culture, Siberdik culture, conical core, microblades, angled burin.

ВВЕДЕНИЕ

Северо-Восток Сибири простирается на более чем 2,5 млн км² к востоку от долины р. Лены и нижнего течения Алдана до Берингова пролива. Формирование базы данных памятников палеолита и мезолита на этой территории происходит крайне медленно. За 77 лет, прошедших с первой экспедиции А.П. Окладникова 1947 г. на Колыму, к настоящему времени известно не более 10 мезолитических стоянок, а стратифицированных и датированных по ¹⁴C – еще меньше.

Суровые климатические и сложные геоморфологические условия этой территории на рубеже плейстоцена и голоцена, угнетенные процессы почвообразования, мерзлота и солифлюкционные явления осложняют процесс погребения рыхлыми отложениями культурных остатков на местах стоянок древнего человека, тем более с сохранением органики для их датирования. Причем, если палеолитические материалы имеют ряд маркеров (таких, как клиновидные нуклеусы, лыжевидные сколы), позволяющих вычлени их из смешанных комплексов, то артефакты сумнагинской культуры полностью «растворяются» в смешанных с неолитическими предметами комплексах. Даже в более благоприятных в ландшафтном отношении районах средней Лены и Центральной Якутии «подавляющее большинство памятников имеют смешанные культурные слои, <...> где выделение мезолитического инвентаря затруднено» [Дьяконов, 2017].

ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕГОЛОЦЕНОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СИБИРИ

А.П. Окладников после своей экспедиции по Колыме довольно pessimистично оценивал археологическую перспективу этого региона, отмечая, что в верховьях Колымы практически полностью отсутствовали следы «древней человеческой культуры», а «стоянки древнего субарктического неолита Северной Азии обрываются в долине Колымы вместе с узкой полосой лесотундры» [1947, с. 178, 179].

Начатые в 1960-х гг. исследования на Алдане привели к открытию в его верховьях (59–60° с.ш.) стратифицированных стоянок Белькачи I, Дюктай, Сумнагин,

Усть-Тимптон, Верхне-Троицкая, Билир, Усть-Миль и выделению на их материалах раннеголоценовой сумнагинской культуры Якутии [Мочанов, 1969].

Набор каменных орудий этой культуры представлен нуклеусами конической и призматической форм, ретушированными по краю микропластинками, скребками (концевыми на пластинках и отщепках), угловыми (боковыми) резцами на пластинках, двусторонне оббитыми теслами овальной формы и, возможно, полидрическими резцами. Время существования этой культуры, согласно серии датировок по ¹⁴C, определяется в хронологических рамках от 10,5 до 6,2 тыс. л.н. [История Якутии, 2020].

Хотя сумнагинская культура обладает всеми чертами, присущими мезолитическим культурам раннего голоцена Северо-Восточной Сибири [История Якутии, 2020], Ю.А. Мочанов [1969] датирует ее не мезолитом, а «голоценовым палеолитом», ссылаясь на рассуждения А.Н. Рогачева [1962, с. 10] о преемственности палеолитических и мезолитических культур в центральной части Русской равнины. Аргументация Ю.А. Мочанова [1969] в пользу этого тезиса крайне противоречива и в целом искажает главную идею гипотезы А.Н. Рогачева, который предлагал этот термин для надежно датированных поздним плейстоценом – ранним голоценом стоянок, имеющих сходные (если не идентичные) технико-типологические характеристики (ТТХ) орудийных комплексов. Но отличие позднеплейстоценовой ушковской палеолитической культуры от раннеголоценовой сумнагинской на Северо-Востоке Азии было очевидно уже в 1965 г. [Диков, 1965], что позже отметил и сам Ю.А. Мочанов [1977] на материалах дюктайской культуры. Поэтому термин «голоценовый палеолит» для сумнагинской культуры не был принят археологами [История Якутии, 2020; Диков, 1979; Алексеев, 1987; Кирьяк, 1993; Слободин, 1999].

За пределами верхнего течения р. Алдана памятники сумнагинской культуры в Якутии редки и слабо датированы. В Центральной и Северо-Западной Якутии в качестве опорных памятников сумнагинской мезолитической культуры рассматриваются стоянки Ферменное Озеро [Дьяконов, 2017], Сиктях II и Якут-

ский Тюбелях [Аргунов, 1990], идентифицированные только на основе ТТХ их комплексов. Последний расположен уже на 72° с.ш.

Обследование долины р. Колымы в 1970 г. привело к открытию в ее устье, на правом берегу (68,4 с.ш.), стоянок Пантелеиха I–VIII, Пирс, в смешанных с неолитическими находками комплексах, к которым на основе их ТТХ к сумнагинской культуре были отнесены нуклеусы конического и призматического типов, микропластинки с ретушью, скребки концевые на пластинках и отщепах. Это позволило Ю.А. Мочанову [1977] включить в ареал сумнагинской культуры территории Колымы, Чукотки и даже Камчатки.

В 1971–1978 гг. Н.Н. Диков в верховьях р. Колымы на тех же широтах, что и в долине р. Алдан, обследовал стоянки Сибердик и Конго (61° с.ш.), а на правом притоке Колымы – стоянку Малтан (60,5° с.ш.) и на их материалах выделил сибердиковскую культуру, датированную ^{14}C возрастом 9470–8200 л.н., и как ее финальный этап – малтанскую культуру возрастом 7490 ± 70 л.н. [Диков, 1979]. На основе изучения материалов этих стоянок Н.Н. Диков сделал вывод, что на Верхней Колыме в раннем голоцене помимо сибердиковской существовала культура малтан «с бифасами, скребловидно-тесловидными орудиями и призматическими нуклеусами, существенно отличающаяся от мезолитической сумнагинской и служившая ей там заслоном на пути к Америке» [Диков, 1979, с. 192].

В качестве контраргумента против этого заключения было высказано предположение, что в смешанных материалах стоянок Конго, Сибердик и Малтан «присутствуют изделия сумнагинской <...> культуры» [Мочанов и др., 1980].

В 1980–1990-х гг. на Колыме и Чукотке были выявлены стоянки с пластинчатыми черешковыми наконечниками и бифасами, выделенными в уолбинскую культурную традицию [Слободин, 1999, 2018; Кирьяк, 2005].

В целом сибердик-малтанский и уолбинский комплексы, с одной стороны, и сумнагинской культуры – с другой, кардинально различаются: в первых имеются бифасиальные орудия и наконечники, которые отсутствуют в сумнагинской культуре; вместе с тем в комплексах всех этих культур присутствуют ножевидные пластинки и конические нуклеусы.

Вопрос о распространении сумнагинской культуры на Колыму дискутировался на протяжении нескольких десятилетий [Мочанов, Федосеева, 2013; Диков, 1979, 1993, 1996; Кирьяк, 1993, 2005, Кашин, 2003]. В ходе дополнительных исследований определилась ситуация с «мезолитом» на стоянке Малтан, в орудийном комплексе которой при повторном изучении были найдены пришлифованные наконечники и получена уточненная дата для нижнего слоя – 4012 ± 102 (DRI-3286), что исключает ее из круга раннеголоценовых памятников [Слободин, 1999; Питулько, 2003].

К сумнагинской культуре явно или косвенно были отнесены на Чукотке стоянки Тытыль I–IV [Ки-

рьяк, 1993, 2005], Челкун IV, Путурак [Диков, 1993], Найван [Гусев, 2006], а на Новосибирских островах – Жоховская [Питулько и др., 2012]. Анализ материалов этих стоянок показал, что каждая из них имеет свою специфику по сравнению с классическими комплексами этой культуры в долине Алдана. На Жоховской стоянке – это трехгранный наконечник и шлифованные тесла при почти полном отсутствии концевых скребков; на стоянке Тытыль уникальный рукояточный скребок, торцевые нуклеусы; на стоянке Путурак отсутствуют резцы.

Однако на Колыме выразительных памятников сумнагинской культуры до начала 2000-х гг. не было найдено, несмотря на проводившиеся там работы [Слободин, 1999, 2001; Кашин, 2013; Кистенев, 1990]. Дилемма противостояния сумнагинской и сибердиковской культуры на Колыме оставалась неразрешимой.

Новых памятников сибердиковской культуры на Колыме также найдено не было. Она остается верхнеколымским «эндемиком». Что касается датировки сибердиковской культуры и интерпретации ее орудийного комплекса как гомогенного, то по этому поводу были высказаны критические замечания [Слободин, 1999]. Кроме того, было отмечено сходство «палеолитического» и «неолитического» комплексов сибердиковской культуры [Хлобыстин, 1998, с. 26], что еще больше осложнило выделение инситу раннеголоценового компонента.

Ранее уже были получены определенные сведения о возможном распространении сумнагинской культуры на Колыму, о чем могли бы свидетельствовать такие стоянки этой культуры, как Буюнда III, Уртычук IV, Азамат, открытые в верховьях ее правых притоков, на Охотско-Колымском нагорье [Слободин, 1999]. Носители этой культуры могли пройти туда с Алдана по долинам рек Мая и Улья и далее по Континентальному (Северному) Приохотью, где найдены стоянки указанной культуры – Амка [Мочанов, 1977] и БМА-3 [Воробей, 2007].

Наиболее выразительный комплекс сумнагинской культуры на Охотско-Колымском нагорье исследован на стоянке Буюнда III [Слободин, 1999]. Здесь на глубине до 70 см раскопана жилая площадка с очагом, вокруг которого было выявлено более 3 тыс. артефактов, в том числе мелкие отщепы, призматические нуклеусы, ребристые сколы, микропластинки, включая ретушированные (вкладыши), сколы подправки отжимных площадок (core tablet), резцы и концевые скребки на (микро) пластинах, бифасиально оббитое тесло овальной формы. По древесному углю ^{14}C из очага получены даты 7510–8135 л.н. и дата AMS 7620 ± 75 л.н. (ETX-17065).

Но в долине Колымы и тем более в ее верховьях «чистые» датированные памятники сумнагинской культуры до недавних пор были неизвестны, и сказать о времени ее появления здесь было невозможно. Вопрос о распространении сумнагинской культуры на Колыме оставался по большей мере чисто теоретическим.

Открытие в 2017 г. на Верхней Колыме стоянки Бурхала и дальнейшее ее исследование позволили охарактеризовать один из этапов освоения людьми долины р. Колымы в раннем голоцене и окончательно определиться в вопросе распространения сумнагинской культуры в долине р. Колымы.

СТОЯНКА БУРХАЛА

Стоянка Бурхала открыта в Сусуманском районе Магаданской области в верховьях рек Сусуман и Левая Бурхала, примерно в 800 м к юго-западу от перевала Бурхала, на высоте около 1000 м над ур. моря. Ее координаты: N – 62°41' 46"; E – 148°49' 30". Перевал расположен в системе горы Морджот с высотами 1850–2149 м. На склонах горы берут свое начало главные реки левобережья Колымы – Сусуман, Дебин, Берелех. На перевале отмечено лиственничное редколесье с зарослями кустарниковых берез и стланика.

Стоянка частично (на площади около 6–8 м²) повреждена грунтовой дорогой, редко используемой, заканчивающейся через 100 м тупиком. На ее поверхности выявлено скопление подъемного материала. В стороне от края дороги, на неразрушенной части стоянки у места сбора подъемного материала, был заложен раскоп площадью 5,5 м².

По западной стенке раскопа определена стратиграфия стоянки (дана мощность слоев):

- 1) дерн, почвенно-растительный слой – 1–3 см;
- 2) супесь серая, местами гумусированная – 5–6,5 см;
- 3) углистые линзы по эпигенетическим морозобойным трещинам – 0–21,5 см;
- 4) супесь оранжевая с щебенкой – 4–6 см;
- 5) условный материк – суглинок темно-рыжий с щебенкой – более 11 см.

По разрезу рыхлых отложений стоянки фиксируются следы криогенных процессов – в виде морозобойных трещин, разорвавших культурный слой. В дальнейшем в процессе оттаивания происходило перемещение в эти трещины части культурного слоя, содержащего каменные изделия (отщепы, микропластинки, орудия) и следы углистости [Зеленская, 2019, 2020]¹. На не потревоженных морозобойным растрескиванием участках стоянки находки фиксировались в основании серой супеси и кровле светло-оранжевой супеси. Особенности формирования «земляных жил» с углистостью и артефактами свидетельствуют, что это происходило в процессе их образования, как и на стоянках сумнагинской культуры на Алдане начала голоцена [Мочанов, 1977].

¹ Зеленская А.Ю., 2019. Отчет по теме «Археологические разведки в Тенькинском, Сусуманском, Хасынском и Ягоднинском ГО Магаданской области в 2018 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Т. I. II. С. 153 – 156.

Зеленская А.Ю., 2020. Отчет об археологической разведке на стоянках Иганджа, Неглинка, Малтан, Басандра, Бурхала на территории Тенькинского, Хасынского, Сусуманского и Северо-Эвенского ГО и ГО г. Магадан Магаданской области в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Т. I, II.

Каменный (окремнелый туф и кремь) инвентарь стоянки представлен нуклеусами, отщепами, пластинами, пластинками, микропластинками и орудиями (скребок, ретушированные микропластинки, резцы, тесловидное и длотовидное орудия) (рис. 1).

Отщепы (250 экз.) в основном мелкие, средних и крупных – 33 экз. Это указывает, что на стоянке шел процесс доработки заготовок или более-менее готовых орудий (нуклеусов, крупных пластин), изготовленных вне стоянки.

Нуклеусы конической и уплощенно-конической формы. Заготовки и отходы их производства на стоянке отсутствуют. Технические (ребристые) сколы подготовки фронта нуклеуса представлены только 2 экз. (рис. 1. 17). Спектр использованных для изготовления ножевидных пластинок кремнистых пород указывает, что на стоянке обработано по меньшей мере 5 нуклеусов.

Целый нуклеус уплощенно-конической формы сделан из светло-желтого кремнистого сланца, имеет размеры 5,1 x 2,8 x 16,5 см. Выпуклый рабочий фронт, несущий на себе негативы по меньшей мере 10 снятий, расположен на одной из широких плоскостей орудия и занимает более половины периметра его окружности (рис. 1. 1). Половина площади контрфронта нуклеуса занята корковой поверхностью (плоскость кливажа) плитчатого кремня, использовавшегося для его изготовления. Ударная площадка нуклеуса ровная, усеченно-овальной формы, со следами ее подправки короткими сколами со стороны фронта.

На одном из самых крупных сколов подправки (от другого нуклеуса) представлен фрагмент рабочего фронта с негативами двух снятых с него ножевидных пластинок шириной до 3 мм и контрфронта с галечной плоскостью кливажа кремневой плитчатой отдельности. Этот скол подправки площадки нуклеуса был переоформлен в тесло. Сколов подправки, представленных полностью сколотыми ударными площадками (core tablet), в коллекции не обнаружено.

Найденные крупные пластины снимались с крупных пластинчатых нуклеусов. На стоянке такие нуклеусы пока не найдены; возможно, сюда были принесены уже готовые пластины, сколотые в другом месте. Одна такая пластина из кремня (фрагмент ее проксимальной части) размерами 4,4 x 2,5 x 8,6 см имеет трехгранную спинку и трапециевидное поперечное сечение (рис. 1. 9). На кромке нефасетированной (гладкой) отжимной площадки пластины (талон) видны следы интенсивной «зачистки» карниза, предвещающей ее скалывание.

Ножевидные пластинки (в основном фрагментированные) и после ремонта составляют вторую по количеству группу находок. Это преимущественно микропластинки и ножевидные пластинки шириной 0,4 – 1,2 см. Пластины и крупные пластинки представлены единичными экземплярами. Целые пластинки практически отсутствуют. Археологически целые достигают длины 4–5 см. На фронте целого нуклеуса фиксируются негативы пластинок длиной до 5,1 см. Большинство пластинок включают фрагменты дистальных,

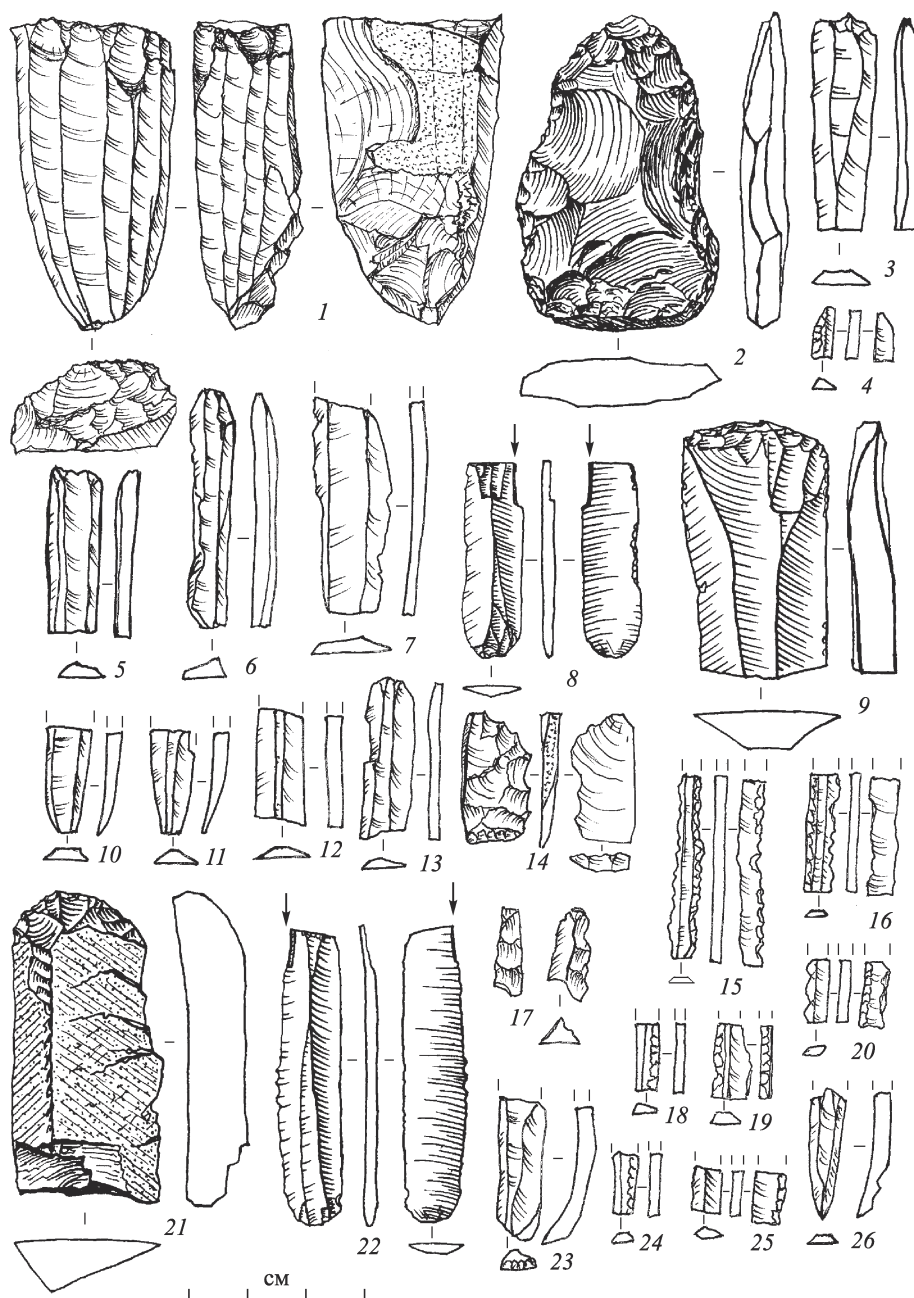

Рис. 1. Каменные орудия стоянки Бурхала: 1 – нуклеус; 2 – тесловидное орудие; 3–7, 10–13, 15, 16, 18–20, 23–26 – микропластинки; 8, 22 – резцы; 9 – пластина; 14 – долотовидное орудие (стамеска); 17 – ребристый скол; 21 – концевой скребок.

Fig. 1. Stone tools from the Burkhala site: 1 – core; 2 – adze-shaped tool; 3–7, 10–13, 15, 16, 18–20, 23–26 – microblades; 8, 22 – burins; 9 – blade; 14 – chisel-shaped tool; 17 – ribbed blade; 21 – end scraper.

медиальных и проксимальных частей (рис. 1. 3, 5–7, 10–13, 24, 26).

Выделяются пластинки с двух-, трех- и четырехгранной огранкой их дорсальной плоскости. У многих пластинок/микропластинок продольные края выщерблены, что свидетельствует об использовании их в качестве вкладышей-лезвий составных костяных и роговых вкладышевых орудий.

Намеренно ретушированных вкладышей по одному (5 экз.) и по обоим (8 экз.) краям с дорсальной и вентральной сторон всего 13 экз. (рис. 1. 15, 16, 18–20, 24, 25). Их ширина 0,3–0,5 см, длина до 2,1 см (реконструированные пластинки достигают 3,1 см в длину), толщиной – 0,1 см. Выделяется притупляющая и приостряющая в основном односторонняя ретушь. Притупляющая ретушь, удаляющая

тонкую кромку края пластинки, очень крутая, почти вертикальная, наносилась под углом около 90°, таким образом ее ширина приводилась в соответствие с глубиной паза костяного вкладыша. У одного из вкладышей (устанавливаемого крайним к острию орудия) край намеренно (ретушью) скошен к торцу, обеспечивая, таким образом, плавный переход от костяной/роговой обоймы орудия к составленному из вкладышей лезвию (рис. 1. 4).

Имеется достаточно много примеров ретушированных микропластинок на стоянках раннего голоцена в Якутии [Мочанов, 1977], в других регионах Сибири и в Восточной Европе [Мезолит СССР, 1989], где они идентифицируются как каменные вкладышевые лезвия составных орудий.

На мезолитической стоянке Усть-Белая, расположенной в Прибайкалье (на Ангаре), найдены костяные орудия со вставленными в вырезанные у них пазы вкладышами из микропластинок «с ретушью по одному краю (чаще по брюшку), вкладыши с ретушированным краем и одним концом (часто с противоположащей ретушью) и орудия с двумя ретушированными краями и затупленным концом» [Мезолит СССР, 1989].

В Таймырском Заполярье, на мезолитической стоянке Тагенар VI обнаружены микропластинки, обработанные по краю «мелкой, небрежно нанесенной ретушью, <которые> могли использоваться как вкладыши составных орудий», в том числе как вкладыши «с притупленной спинкой, отструганной крутой, очень тщательной мелкофасеточной ретушью» [Хлобыстин, 1998, с. 39].

Западнее, на раннеголоценовых стоянках европейского Северо-Востока Чердыб-2, пункты 2 и 6 отмечается «наличие на всех раскопанных пунктах пластинок с притупленным краем» [Волокитин, Волокитина, 2021, с. 127]. В то же время на стоянке Жохово «среди вкладышей, найденных *in situ* в пазах <костяных> орудий, где они формируют составные лезвия, ретушированные экземпляры не обнаружены» [Питулько и др., 2012].

Резцы со стоянки Бурхала являются типичными для мезолитических стоянок Сибири. Выполнены они на усеченных проксимальных фрагментах ножевидных пластинок, трехгранных в поперечном сечении, имеют резцовый скол, нанесенный с дистального торца вдоль одного из краев. Два из них, размерами 5,2 x 1,1 x 0,2 см и 3,5 x 1,1 x 0,2 см, отличаются весьма специфической технико-типологической особенностью – подтеской с торца вдоль центральной грани пластинки. Таким образом достигалось утончение пластинки до 0,1 см (при средней толщине головки резца в 0,2 см) и соответствие ширине резцовой кромки (рис. 1. 8, 22).

Данный прием не известен в мезолите Северо-Востока Азии [Мочанов, 1977; Диков, 1979, 1993] и Европы [Мезолит СССР, 1989]. Но он отмечен как прием подработки резцовой кромки трансверсальных резцов в палеолите Сибири [Ветров, 1995, с. 34]. На мезолити-

ческой стоянке Чердыб-2 (пункт 6) европейского Северо-Востока такое оформление имеется, как и на стоянке Бурхала, на угловом резце, сделанном на пластине [Волокитин, Волокитина, 2021, с. 126].

Концевой скребок выполнен на трехгранном в поперечном сечении кремневом сколе. Проксимальная часть скола с ударным бугорком усечена. Его дорсальная плоскость представляет собой естественную (галечную) поверхность коррадированной плитчатой отдельности, а вентральная – ровную необработанную поверхность скола (рис. 1. 21). Орудие в поперечном сечении подтреугольное, с высокой спинкой с размерами 5,5 x 2,5 x 1,0 см. Лезвие скребка (рабочий край орудия) дугообразно-выпуклое, скошено слева направо, выполнено на дистальном конце пластинчатого скола и обработано крутой пологой (местами – ступенчатой) регулярной ретушью, нанесенной с брюшка на спинку. Кромка лезвия со стороны спинки подправлена мелкой краевой ретушью, имеет видимые следы заложения от работы.

Подобные скребки, покрытые «галечной» коркой по дорсальной поверхности, найдены на Алдане на стоянке Усть-Тимптон, в слое IVa, и на стоянке Белькачи I, в слоях XIV, XIX [Мочанов, 1977]. Аналогичного облика скребки обнаружены и на опорном для долины р. Лены памятнике сумнагинской культуры – стоянке Ферменное озеро [Дьяконов, 2017].

Тесловидное орудие (рис. 1. 2) изготовлено из слабокремневого, трещиноватого туфа, на сколе подовальной (грушевидной) в плане формы и уплощенно-линзовидным продольным и поперечным сечениями. Его размеры – 5,5 x 3,5 x 0,8 см. Имеет бифасиальную обработку по краям и полностью по одной плоской поверхности, по другой – частичную. На поверхности изделия фиксируются участки чешуйчатого отшелушивания. На зауженном конце орудия видны следы забитости, образовавшиеся, видимо, в процессе его использования.

Долотовидное орудие, предназначенное для использования в качестве стамески, переформлено из скола при подправке отжимной площадки нуклеуса размерами 1,91 x 1,03 x 0,21 см (рис. 1. 14). Прямое, шириной 0,83 см лезвие орудия оформлено с его дорсальной стороны мелкой стелящейся ретушью на дистальном конце. При 11-кратном увеличении и более отчетливо видна сильная залощенность ретушированного края лезвия. Прямое лезвие и подпрямоугольная форма орудия позволяют предполагать его использование в качестве стамески или вкладышевого долота для оформления (выборки, зачистки) гнезд и небольших пазов или отверстий в деревянных или роговых изделиях.

Определенный интерес в связи с появлением (или сохранением) в мезолите Колымы различных технологических приемов обработки камня представляет трехгранный в поперечном сечении резцовый кремневый скол с размерами 2,2 x 0,4 x 0,15 см. Он имеет характеристики «трансверсального» скола с ретушированного (утилизированного) дистального конца пластины

или пластинчатого отцепа, использовавшегося в качестве скребка.

Ранее по результатам технико-типологического анализа орудийного набора стоянки Бурхала было высказано предположение о соответствии его технико-типологическим характеристикам орудий сумнагинской культуры Якутии и указан возраст этого комплекса – более 7 тыс. лет [Зеленская, Слободин, 2021]. Взятые из углистых линз, в сопровождении с каменными орудиями, образцы древесного угля позволили получить по ^{14}C точный возраст стоянки – 9300 ± 180 л.н. (МАГ-2262), что соответствует времени существования сумнагинской культуры.

Основываясь на дате 10740 ± 100 л.н. (ЛЕ-861), полученной для V культурного слоя, и датах в период $10340 - 10650$ л.н. (ЛЕ-862, 898) для нижележащего VI культурного слоя стоянки Усть-Тимптон, нижний предел возраста сумнагинской культуры исследователи определяют в 10,5 тыс. л.н. [Мочанов 1977, с. 186; Мочанов, Федосеева, 2013, т. II, с. 126]. Однако три другие даты для V культурного слоя той же стоянки указывают на формирование этого слоя в период 9000 ± 100 л.н. (ЛЕ-832) – 9460 ± 90 л.н. (ЛЕ-896) по ^{14}C [Мочанов 1977; Мочанов, Федосеева, 2013, т. II, с. 131]. Кроме того, образцы угля из кровли отложений культурного слоя VI показали его возраст по ^{14}C в пределах 10130 ± 100 л.н. (ЛЕ-897) и 10300 ± 50 л.н. (ЛЕ-920) [Мочанов, 1977, с. 150]. Все это указывает на то, что дату ЛЕ-861 следует исключить из ряда дат, определяющих возраст V культурного слоя.

Не менее важным для такого вывода является и замечание, что артефакты, полученные из основания слоя V и из слоя VI, «относятся к заключительной стадии дюктайской культуры» [Мочанов 1977, с. 191; Mochanov, Fedoseeva, 1996, p. 201]. Все это в совокупности указывает, что полученная по ^{14}C для орудийного комплекса стоянки Бурхала дата 9300 ± 180 л.н. определяет начальный период существования сумнагинской культуры на Колыме, даже в сравнении с возрастом ранних комплексов сумнагинской культуры в долине р. Алдан [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 126].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные исследования стоянки Бурхала позволили получить достаточно полный по набору орудий и гомогенный по своему содержанию культурный комплекс, залегающий в стратифицированных, хотя и нарушенных криотурбацией отложениях, относящихся, как показало датирование по ^{14}C выявленного в культурном слое стоянки древесного угля, к раннему голоцену.

Детальный анализ найденных в ходе раскопок стоянки Бурхала материалов и полученных по ^{14}C датировок (по древесному углю из культурного слоя) дает достаточно веские основания для отнесения ее к мезолитической раннеголоценовой сумнагинской

культуре Якутии в ее «алданском» варианте [Мочанов, 1977; История Якутии, 2020].

При этом нами не исключается возможность эволюции орудийного комплекса этой культуры, на что, возможно, указывают результаты исследований памятников сумнагинской культуры на Чукотке [Кирияк, 1993, 2005; Диков, 1993], Новосибирских островах [Питулько, 2004, 2022], Охотско-Колымском нагорье [Слободин, 1999].

Орудийный комплекс стоянки Бурхала включает практически полный набор артефактов, представленных на большинстве памятников сумнагинской культуры, распространившейся на Северо-Востоке Азии в раннем голоцене – 9,5–6,2 тыс. л.н.; он характеризуется как цельный археологический культурный комплекс.

Стоянка Бурхала расположена на высоком (по меркам Колымы) перевале – около 1000 м над ур. моря, между двумя крупными речными системами в бассейне р. Колымы: Берелех (с притоком Сусуман) и Детрин (с притоком Бурхала). Хотя стоянка находится в гористой местности и на склонах сопок немало обнажений с выходами горных пород, каких-либо значимых месторождений (кремнистых, кварцевых) для изготовления каменных орудий в окрестностях стоянки не обнаружено. Находки на стоянке также указывают, что она не являлась мастерской. Все это в совокупности указывает на использование стоянки в качестве охотничьего лагеря, чему соответствуют и найденные на ней каменные орудия – минимальный набор для оснастки и ремонта охотничьего снаряжения. Расположение стоянки на Бурхалинском перевале благоприятствовало организации охотничьего лагеря, поскольку через такие перевалы на Охотско-Колымском нагорье осуществлялись миграции животных (олений, лосей), переходящих из долин рек Охотского бассейна на реки Колымского бассейна, и обратно.

Достаточно много стоянок на Охотско-Колымском нагорье находятся на подобных перевалах, часть из них датируется раннеголоценовым временем [Слободин, 1999, 2001]. На территории Якутии стоянок на перевалах, кроме стоянок на перевале Дарпир [Слободин, Зеленская, 2022], пока не обнаружено. Суровые климатические условия в зимний период (мороз, сильные ветра) на перевале высотой в 1000 м над ур. моря, отсутствие достаточных запасов растительности для обогрева жилья указывают, что эксплуатация стоянки могла происходить только с весны до осени – в период миграций животных к сезонным пастбищам.

Отсутствуют в орудийном комплексе стоянки Бурхала и такие изделия, как «полиэдрические резцы», наличие которых отмечено в IV сумнагинском слое стоянки Усть-Тимптон [Мочанов, 1977, табл. 54, 59]. На большинстве памятников сумнагинской культуры они не встречены, хотя их наличие возможно на стоянках сумнагинской культуры на Чукотке [Кирияк,

2005]. На стоянках, где они найдены, имеются проблемы с датированием и с описанием стратиграфии слоев, их содержащих.

На стоянке Бурхала, как и на других стоянках сумнагинской культуры, отсутствует и такой тип орудий, как пластинчатые черешковые наконечники. В некоторых публикациях при описании отдельных находок, встреченных в смешанных комплексах (например, со стоянки Чюльбу с керамикой и шлифованными украшениями), высказывается предположение об использовании сумнагинцами пластинчатых черешковых наконечников [Мочанов, 1977; Мочанов, Федосеева, 2013, т. II, с. 140–141]. Ранее такая возможность исключалась [Мочанов, 1969, 1973].

Предположение Ю.А. Мочанова (1977) «о возможном употреблении наконечников стрел сумнагинцами в IX – X тыс. до н.э. до сих пор остается только предположением» [Алексеев и др., 1988, с. 7] все еще актуально. По мнению В.А. Кашина (2013), это актуально и для стоянок Средней Колымы, где пластинчатые черешковые наконечники в комплексах сумнагинской культуры не найдены.

Открытые и раскопанные на Верхней Колыме стоянки с пластинчатыми черешковыми наконечниками выделены в самостоятельную уолбинскую традицию [Слободин, 2018] и не рассматриваются нами в контексте сумнагинской культуры.

На Верхней Колыме сумнагинская культура представлена пока единственной датированной по ^{14}C стоянкой Бурхала. Она является пока единственной стоянкой сумнагинской культуры на левом берегу Колымы. Открытые Ю.А. Мочановым [1977; Кистенев, 1990] в устье Колымы памятники предположительно сумнагинской культуры расположены на ее правом берегу.

Среди известных к настоящему времени мезолитических памятников Севера Дальнего Востока (Чукотки, Колымы и Камчатки) [Слободин, Андерсон, Глушкова, Ложкин, 2014, табл. 3.1.1., 3.1.3.] стоянка Бурхала является древнейшей.

Для стоянки Найван, расположенной на Чукотском полуострове, комплекс которой был идентифицирован как сумнагинский [Гусев, 2006], был получен ряд ^{14}C датировок – от 6990 ± 320 л.н. (ГИН-10474) до 9000 ± 500 л.н. (JE-5509), допускающий ее возраст более 9 тыс. лет, статистическая погрешность довольно значительная – 500 лет. Такая погрешность в датировке дает повод считать, что «приблизительно 8000 л.н. является минимально приемлемым предположением о возрасте стоянки Найван» [Питулько, 2003, с. 104].

Для Верхней Колымы комплекс стоянки Бурхала является древнейшим после «раннего этапа» палеолитической сибирдиковской культуры, датированной по углю со стоянок Конго возрастом 9470 ± 530 л.н. (Крил-314) и Сибирдик, возрастом 9700 ± 500 л.н. (МАГ-1019) по ^{14}C , так же с большей статистической погрешностью [Диков, 1979, 1996].

Сведений об ареалах сумнагинской и сибирдиковской культур на Верхней Колыме, последователь-

ности их существования, возможных контактах их носителей пока нет. Но если первая уже выявлена, помимо Колымы, на Чукотке [Диков, 1993; Кирьяк, 1993, 2005; Гусев, 2006], Охотском побережье [Воробей, 2007], Охотско-Колымском нагорье [Слободин, 1999] и на Новосибирских островах [Питулько, 2004], то последняя за пределами Верхней Колымы еще не известна.

Полученные и проанализированные материалы со стоянки Бурхала позволяют окончательно поставить точку в дискуссии о возможном продвижении носителей сумнагинской культуры с Алдана на Колыму (включая и Верхнюю Колыму) и о противостоянии ей сибирдиковской и малтанской культур [Мочанов, 1977; Диков, 1979].

Сумнагинская культура, получившая развитие в бассейне р. Алдан, как показывают материалы стоянки Бурхала, распространилась на Колыму. Далее, к югу от Колымы, памятники этой традиции фиксируются на Охотско-Колымском нагорье [Слободин, 1999; Слободин и др., 2014], Охотском побережье [Воробей, 2007] и к востоку – на Чукотском полуострове, где она представлена на стоянках Найван и Челкун IV. На Камчатке присутствие этой культуры не отмечено [Диков, 1979; Слободин, 2018].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н. Каменный век Олекмы. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 125 с.
- Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Черосов Н.М. Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета // Археология Якутии. Якутск, 1988. С. 5–15.
- Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. Новосибирск, 1990. 213 с.
- Ветров В.М. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры (опыт типологии) // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 30–44.
- Волокитин А.В. Волокитина Н.А. Мезолитические стоянки Чердыб-1 и Чердыб-2 на р. Вычегда // Вестн. гуманитарного образования. 2021. № 2 (22). С. 114–130.
- Воробей И.Е. Выход древних охотников к морскому побережью: проблема или фигура речи? // Университет в регионе: наука, образование, культура. СМУ. Магадан, 2007. С. 148–150.
- Гусев С.В. Исследование раннеголоценовых очагов на стоянке Найван Восточная Чукотка // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 17–21.
- Диков Н.Н. Открытие палеолита на Северо-Востоке Сибири // Вопр. истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965. Вып. 2. С. 5–6.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб: Наука, 1993. 304 с.
- Диков Н.Н. Археологическое прошлое обитателей Северо-Востока Азии // Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 13–31.
- Дьяконов В.М. Мезолитическая стоянка Ферменное озеро – опорный памятник сумнагинской культуры в Центральной Якутии // V (XXI) Всерос. археол. съезд: сб. науч. тр. / отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 34–39.
- Зеленская А.Ю., Слободин С.Б. Новые данные по археологии Верхней Колымы // X Крушановские чтения «Итоги и перспективы

развития исторической науки на Дальнем Востоке». Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 249–257.

История Якутии. Новосибирск: Наука. 2020. Т. I. 536 с.

Кашин В.А. Палеолит Северо-Восточной Азии: история и итоги исследований. 1940–1980 гг. Новосибирск: Наука, 2003. 235 с.

Кашин В.А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.

Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. 224 с.

Кирьяк М.А. Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.

Кистенев С.П. Каменный век бассейна Нижней Колымы: автореф. дисс. канд. ист. наук. Якутск, 1990. 22 с.

Мезолит СССР / под ред. Л.В. Кольцова. М.: Наука, 1989. 351 с.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 254 с.

Мочанов Ю.А. Северо-Восточная Азия в XI – V тыс. до н.э. (сумнагинская культуры) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 29–43.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Кистенев С.П., Эртюков В.И. Работы Приленской археологической экспедиции (ПАЭ) на Чукотке и в Северном Приохотье // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980. С. 58–59.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописменной истории Якутии. Якутск, 2013. Т. 2. 489 с.

Окладников А.П. Древние культуры Северо-Восточной Азии по данным археологических исследований в 1946 г. в Колымском крае // Вестн. древней истории. 1947. № 1. С. 176–182.

Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: ГЕОС, 2003. С. 99–151.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Иванова В.В., Гиря Е.Ю. Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000–2005 гг.) // Stratum plus. 2012. № 1. С. 211–256.

Рогачев А.Н. Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины // КСИА, 1962. вып. 92. С. 3–11.

Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 246 с.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.

Слободин С.Б. Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии // Российская археология. 2018. № 3. С. 58–74.

Слободин С.Б., Андерсон П.М., Глушкова О.Ю., Ложкин А.В. Западная Берингия (Северо-Восток Азии) // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: атлас-монография. М.: ГЕОС, 2014. С. 209–257.

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб.: Дм. Буланин, 1998. 341 с.

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. Ust-Timpton (strata Vb-X) // American Beginnings. The Univ. of Chicago Press. Chicago; London, 1996. P. 199–226.

REFERENCE

Bravina R.I., Romanova E.N. (eds.) (2020). History of Yakutia: [collective monogr.]; in 3 vols. Novosibirsk, Nauka, vol. 1, 536 p. (In Russ.)

Alekseev A.N. (1987). The Stone Age of Olekma River. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 127 p. (In Russ.)

Alekseev A.N., Kochmar N.N., Cherosov N.M. (1988). The main results and research objectives of the archaeological expedition of the

Yakutsk University. *Arkheologiya Yakutii: sb. nauch. tr.* Yakutsk, pp. 5–15. (In Russ.)

Argunov V.G. (1990). The Stone Age of North-Western Yakutia. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie, 213 p. (In Russ.)

Dikov N.N. (1979). Ancient cultures of North-Eastern Asia (Asia at the juncture with America in antiquity). Moscow, Nauka, 352 p. (In Russ.)

Dikov N.N. (1996). Archaeological past of the inhabitants of the North-East of Asia. *Severo-Vostok Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: novye ekskursy v istoriyu.* Magadan, pp. 13–31. (In Russ.)

Dikov N.N. (1993). Asia at the juncture with America in antiquity: the Stone Age of the Chukotka Peninsula. Saint Petersburg, Nauka, 304 p. (In Russ.)

Dikov N.N. (1965). Discovery of the Paleolithic in the North-East of Siberia. *Voprosy istorii sovetskogo Dal'nego Vostoka.* Vladivostok, iss. 2, pp. 5–6. (In Russ.)

Dyakonov V.M. (2017). Mesolithic site Fermennoe Ozero – a basic monument of the Sumnagin culture in Central Yakutia. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe: sb. nauch. st.* Barnaul, vol. 1, pp. 34–39. (In Russ.)

Gusev S.V. (2006). Study of early Holocene foci at the Naivan site, Eastern Chukotka. *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka.* Magadan, pp. 17–21. (In Russ.)

Kashin V.A. (2013). The Neolithic of the Middle Kolyma. Novosibirsk, Nauka, 224 p. (In Russ.)

Khlobystin L.P. (1998). The ancient history of Taimyr Arctic and issues of the formation of North Eurasian cultures. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin, 341 p. (In Russ.)

Kashin V.A. (2003). The Paleolithic of North-Eastern Asia: history and research results. 1940–1980. Novosibirsk, Nauka, 235 p. (In Russ.)

Kir'yak M.A. (1993). The archeology of Western Chukotka: in connection with the Yukaghir problem. Moscow, Nauka, 222 p. (In Russ.)

Kir'yak M.A. (2005). The Stone Age of Chukotka: (new materials). Magadan, Kordis, 254 p. (In Russ.)

Kistenev S.P. (1990). The Stone Age of the Lower Kolyma basin: Cand. hist. sci. diss. abstr. Yakutsk, 22 p. (In Russ.)

Kol'tsov L.V. (ed.) (1989). The Mesolithic of the USSR. Moscow, Nauka, 351 p. (In Russ.)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. (2013). Essays on the preliterate history of Yakutia. The Stone Age. In 2 vols. Vol. 2. Yakutsk, 489 p. (In Russ.)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., Kistenev S.P., Ertuykov V.I. (1980). Works of the Prilensky Archaeological Expedition (PAE) in Chukotka and the Northern Priokhotye. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Tsentral'noy Azii.* Irkutsk, pp. 58–59. (In Russ.)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. (1996). Ust-Timpton (strata Vb–X). *American beginnings: the prehistory and palaeoecology of Beringia.* Chicago, pp. 199–226. (In Russ.)

Mochanov Yu.A. (1973). North-East Asia in the 9th–5th millennium BC (Sumnagin culture). *Problemy arkheologii Urala i Sibiri: sb. st., posvyashch. pamyati V.N. Chernetsova.* Moscow, pp. 29–43. (In Russ.)

Mochanov Yu.A., (1977). The oldest stages of human settlement in North-East Asia. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie, 264 p. (In Russ.)

Mochanov Yu.A. (1969). The multilayered site Belkachi I and the periodization of the Stone Age of Yakutia. Moscow, Nauka, 255 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1947). Ancient cultures of Northeast Asia according to archaeological research in 1946 in the Kolyma region. *Vestnik drevney istorii*, no. 1, pp. 176–182. (In Russ.)

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Ivanova V.V., Giry E.Yu. (2012). Zhokhov site: geology and stone industry (preliminary report on the excavations of 2000–2005). *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, no. 1, pp. 211–256. (In Russ.)

Pitul'ko V.V. (2003). The Holocene Stone Age of the North-Eastern Asia. *Estestvennaya istoriya Rossiyskoy Vostochnoy Arktiki v pleistotsene i golotsene.* Moscow, pp. 99–151. (In Russ.)

Rogachev A.N. (1962). The main results and tasks of studying the Paleolithic of the Russian Plain. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii*, iss. 92, pp. 3–11. (In Russ.)

Slobodin S.B., Anderson P.M., Glushkova O.Yu., Lozhkin A.V. (2014). Western Beringia (North-East Asia). *Pervonachal'noe zaselenie Arktiki chelovekom v usloviyakh menyayushcheysoy prirodnoy sredy: atlas-monogr.* Moscow, pp. 209–257. (In Russ.)

Slobodin S.B. (2018). Mesolithic tradition of blade stemmed points of Northeast Asia. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 3, pp. 58–74. (In Russ.)

Slobodin S.B. (1999). Archeology of Kolyma and Continental Priokhotye in the Late Pleistocene and Early Holocene. Magadan, SVKNII DVO RAH, 234 p. (In Russ.)

Slobodin S.B. (2001). Upper Kolyma and Continental Priokhotye in the Neolithic and Early Metal Ages. Magadan, SVKNII DVO RAH, 202 p. (In Russ.)

Slobodin S.B., Zelenskaya A.Yu. (2022). Archaeological sites of the southeastern tip of the Ulakhan-Chistai ridge (area of the Minsky

Natural Park). *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, no. 1, pp. 8–22. (In Russ.)

Vetrov V.M. (1995). Burins and cores of the Ust-Karenga archaeological culture (typology experience). *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Irkutsk, pp. 30–44. (In Russ.)

Volokitin A.V., Volokitina N.A. (2021). Mesolithic sites Cherdyb 1 and Cherdyb 2 on the Vychegda River. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, no. 2, pp. 114–130. (In Russ.)

Vorobey I.E. (2007). Exit of ancient hunters to the seashore: a problem or a figure of speech? *Universitet v regione: nauka, obrazovanie, kul'tura: materialy nauch.-prakt. konf., 5–6 dek. 2006 g.* Magadan, pp. 148–150. (In Russ.)

Zelenskaya A.Yu., Slobodin S.B. (2021). New data on the archeology of the Upper Kolyma. *Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke: Desyatye Krushanovskie chteniya 2021.* Vladivostok, pp. 249–257. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.02.2023

Дата рецензирования 12.01.2024

Статья принята к публикации 29.01.2024

DOI: 10.15372/HSS20240102
УДК 903.4(571)
EDN: IGSMMS

С.В. КОВАЛЕНКО

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ОСИНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ГОРЕ ШАПКА В ЗАПАДНОМ ПРИАМУРЬЕ

Государственное автономное учреждение «Центр по сохранению
историко-культурного наследия Амурской области»,
РФ, 675000, г. Благовещенск, пер. Уралова 5/2

Гора Шапка – известный археологический объект в Западном Приамурье. Хотя большая часть исследований на этом уникальном памятнике посвящена периоду Средневековья, тем не менее материалы, относящиеся к эпохе позднего неолита, выявленные в разное время (начиная с 60-х гг. XIX в.), и не опубликованные в полном объеме, представляют несомненный научный интерес. Вплоть до 2009 г. неолитические находки носили эпизодический характер. Выполненные в 2009 г. исследования позволили получить новые материалы об объекте, в том числе выявить неолитический слой, относящийся, судя по обнаруженным артефактам, к осиноозерской поздне-неолитической культуре. В целом материал коллекции был рассмотрен как поселенческий комплекс с характерной высокой долей утилизированных орудий. Состав инструментария свидетельствует, что изученная территория являлась местом, где происходило активное потребление мясных продуктов и была относительно развита деревообработка.

Ключевые слова: Западное Приамурье, гора Шапка, трасологический анализ, планиграфия, стратиграфия, поселенческий комплекс, осиноозерская культура.

S.V. KOVALENKO

THE NEOLITHIC SETTLEMENT OF THE OSINOOZERSKAYA CULTURE ON MOUNT SHAPKA IN THE WESTERN PRIAMURYE

“Center for Preservation of Historical and
Cultural Heritage of the Amur Region”
5/2, Uralova ave., Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation

Mount Shapka, the butte of the second Amur terrace, located in the middle reaches of the Amur River within the boundaries of the southern part of the Zeya-Bureya Plain, is a unique geological and historical monument of the Western Priamurye. Mount Shapka has been known for a long time as a colossal archaeological site. Despite the fact that most of the research on the site is devoted to the Middle Ages, there are particularly interesting materials related to the late Neolithic, identified as a result of studies of different periods and not fully introduced into scientific circulation. Until 2009, finds from the Neolithic period were sporadic. The studies carried out in 2009 made it possible to obtain new data about the object, including identifying the Neolithic layer, judging by the discovered artifacts, related to the late Neolithic Osinozerskaya culture. A planigraphic analysis of the distribution of tools revealed because of a use-wear analysis over the excavation area made it possible to identify a place for processing wood, meat, and animal skins. When considering the functional characteristics of the collection, a peripheral area of distribution of knife inserts and knife-shaped blades, which had no traces of processing and wear, was also identified. Separately, the article notes the presence of non-utilitarian objects, which are represented by stone pendants and arrowheads without traces of use, the tips of which were decorated with four micro-removals in the form of burin spall from the tip of the item. The artifacts of the collection are considered as a settlement complex with a typically high proportion of utilized tools. The set of tools indicates the studied territory as a place where active consumption of meat products and relatively active wood processing took place. The data on the tools used reflect the nature of the previously little-studied paleo-economics of the Osinozerskaya culture, which makes it possible to expand the study of the evolution of the ancient economy of the region's population in the process of human adaptation to the conditions of the changing environment in the Western Priamurye during the middle Holocene.

Key words: Western Priamurye, Mount Shapka, use-wear analysis, spatial organization, stratigraphy, settlement complex, Osinozerskaya culture.

Станислав Викторович Коваленко – начальник археологического отдела, Государственное автономное учреждение «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области», e-mail: stas-kov7@yandex.ru. <http://orcid.org/0000-0003-0840-2920>.

Stanislav V. Kovalenko – Head of the Archeological Department State Autonomous Institution of the Amur Region “Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region”.

ВВЕДЕНИЕ

Гора Шапка является уникальным геологическим и историческим памятником Западного Приамурья. Она расположена в южной части Зейско-Буреинской равнины (в 6 км юго-западнее с Поярково, Михайловский район Амурской обл.), в 1,5 км севернее левого берега р. Амур в среднем его течении. Объект представляет собой обособленную гору-останец второй надпойменной амурской террасы, с эрозионными бороздами в низкой пойме реки, гора возвышается над уровнем Амура на 110–120 м. Площадь останца составляет около 45 тыс. м². Сопка сложена смятыми в складки песчаниками и алевролитами с прослоями аргеллитов. Территория между р. Амур и горой представлена пойменной заболоченной равниной, которая занята старицами и прирусловыми валами различной ширины, в основном широтного направления. Равнина вокруг горы – низменная, покрыта кустарником, очагами леса и одиночно стоящими деревьями. Естественная высота горы относительно окружающей низины в юго-западной наиболее высокой части составляет 23,4 м, в северо-восточной – 18 м. В пойме левобережья Амура в этой местности нет достаточно крупных возвышенностей, гора Шапка является господствующей высотой. На уплощенной ее вершине находится многослойный археологический памятник (рис. 1) [Нестеров, 1998, с. 46, 47; Волков и др., 2009, с. 70, 71; Зайцев и др., 2010, с. 120, 121; Памятники природы..., 2018, с. 359].

Как уникальный археологический объект гора Шапка известна давно. Первоначально изучение этого памятника носило разведочный и описательный характер. Впервые об этом памятнике упоминает И.А. Лопатин (60-е гг. XIX в.), который отметил его как «небольшое земляное укрепление, приметное с реки» [Деревянко А.П., 1973, с. 22]. В 1870 г. это городище было описано П. Кафаровым (см.: [Деревянко А.П., 1973, с. 25]). Летом 1902 г. А.Я. Гуров и член Русского географического общества Г.Ф. Белоусов осмотрели городище и произвели небольшие раскопки, в результате которых были обнаружены костяные и железные наконечники стрел, глиняный кувшин с узким дном и фрагменты керамики¹. В 1910 г. городище было осмотрено и впоследствии более подробно описано хранителем Амурского музея Е.В. Гонсовичем [1913, с. 505–508]. Несколько раз городище обследовал Г.С. Новиков-Даурский [1961, с. 44–46].

В 1960-е гг. городище было осмотрено А.П. Окладниковым. Было заложено несколько шурфов – во рву с западной стороны, недалеко от тригонометрического пункта, в северной пристройке, а также произведены сборы на поверхности. Полученный материал позволил отнести городище к чжурчжэньскому времени [Деревянко Е.И., 1988, с. 112]. В 1972 г. отрядом сектора археологии средневековых государств ИИАЭ ДВО РАН проводилось исследование на городище с целью уточнения его датировки. На одном из

подпрямоугольных жилищ, расположенном на обвалованной прямоугольной площадке в юго-восточном углу городища, была заложена траншея 5 × 1 м. Стратиграфия отложений в траншее позволила выделить два средневековых культурных слоя [Болдин, 1999, с. 182–184].

В 1981 и 1983 гг. на памятнике были проведены первые стационарные раскопки под руководством Е.И. Деревянко. Памятник был детально охарактеризован как объект раннего и развитого Средневековья, установлена общая площадь городища, составлен топографический план памятника [Деревянко Е.И., 1988]. С 2009 по 2011 г. изучением городища занимались сотрудники Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области под руководством Н.Н. Зайцева. Полученные ими материалы значительно расширяют имеющиеся данные по археологии региона в период раннего и развитого Средневековья [Нестеров и др., 2011].

Хотя большая часть исследований на памятнике посвящена периоду Средневековья, однако научный интерес представляют и относящиеся к эпохе позднего неолита материалы, выявленные в результате работ в разное время и еще не введенные в полном объеме в научный оборот.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Первые находки неолитического времени на горе Шапка были выявлены и доставлены в краеведческий музей А.Я. Гуровым в начале XX в.². В 1925 г. учитель Турунтаев сдал в музей найденные на памятнике несколько фрагментов керамики и ножевидную кремневую пластину с пильчатой ретушью [Деревянко, Сапунов, 1970, с. 18]. В 1958 г. Г.С. Новиковым-Даурским была собрана небольшая коллекция из фрагментов керамики и обломков каменных орудий [1961, с. 45]. В 1972 г. В.И. Болдиным при закладке траншеи на одном из жилищ городища, в слое серой супеси, найдены 4 халцедоновых и 1 обсидиановый отщепы, халцедоновый обломок наконечника стрелы и обсидиановый нож, что позволило ему сделать вывод о заселении юго-восточной части останца в неолитическое время (рис. 2, 1–2)³ [Болдин, 1999, с. 180, 183, 184]. При раскопках 1981 и 1983 гг. в западной части памятника в заполнении средневековых жилищ, а также в межжилищном пространстве постоянно встречались предметы неолитического облика: каменные сколы, отщепы, ножевидные пластины, скребки, тесла, наконечники стрел и другой каменный инвентарь, а также фрагменты лепной керамики⁴ (рис. 2, 3–12). Подобные находки позволяют

² Благовещенский музей // Амурская газета [Благовещенск]. 1902, № 86. 2 авг.; Гуров А. Письма в редакцию // Эхо [Благовещенск]. 1910, № 601. 27 окт.

³ Болдин В.И. Отчет об археологической разведке на территории Амурской области в 1972 г. Владивосток, 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5202. 65 л.

⁴ Деревянко Е.И. Отчет о полевых исследованиях на горе Шапка в 1981 г. Новосибирск, 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 10079. 89 л.; Она же. Отчет о раскопках городища на горе Шапка в 1983 г. Новосибирск, 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9733. 102 л.

¹ Археологические находки // Амурская газета [Благовещенск]. 1902, № 89. 11 авг.

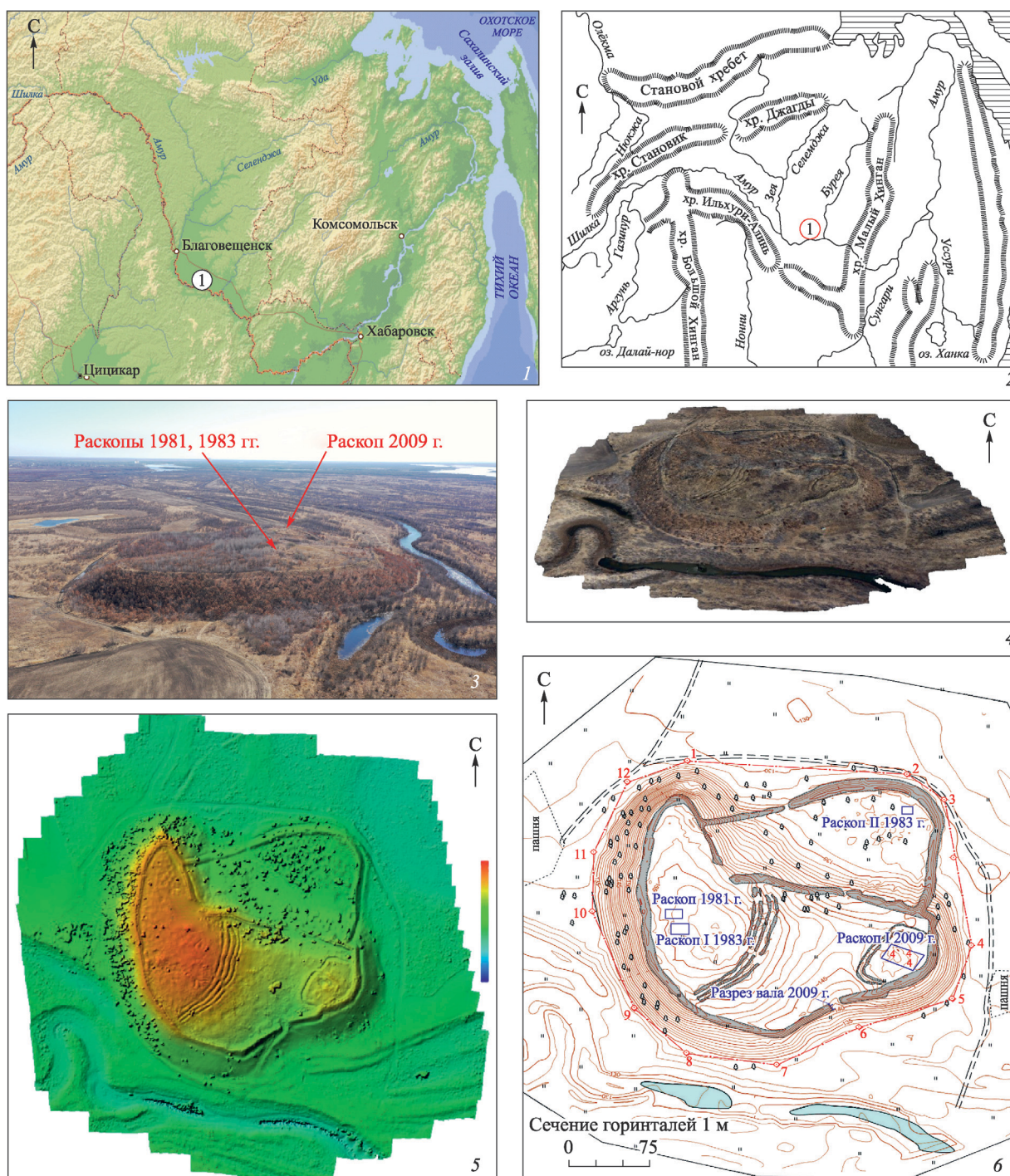

Рис. 1. Местонахождение поселения на горе Шапка.

1–2 – карта с указанием расположения поселения на горе Шапка; 3 – общий вид поселения на горе Шапка, указаны места проведения раскопок 1981, 1983 и 2009 гг. Аэрофотосъемка с запада; 4 – цифровая 3D-модель поселения на горе Шапка, выполненная в программе Agisoft Metashape Professional; 5 – карта высот цифровой 3D-модели поселения на горе Шапка, выполненная в программе Agisoft Metashape Professional; 6 – инструментальный план поселения на горе Шапка.

Fig. 1. Location of the settlement on Shapka Hill.

1–2 – A map showing the location of the settlement on Shapka Hill; 3 – Photo of the general view of the settlement on Shapka Hill, indicating the sites of the excavations in 1981, 1983, and 2009. Aerial photography from the west; 4 – Digital 3D-model of the settlement on Shapka Hill, made in the Agisoft Metashape Professional program; 5 – Elevation map of the digital 3D-model of the settlement on Shapka Hill, made in the Agisoft Metashape Professional program; 6 – Instrumental plan of the settlement on Shapka Hill.

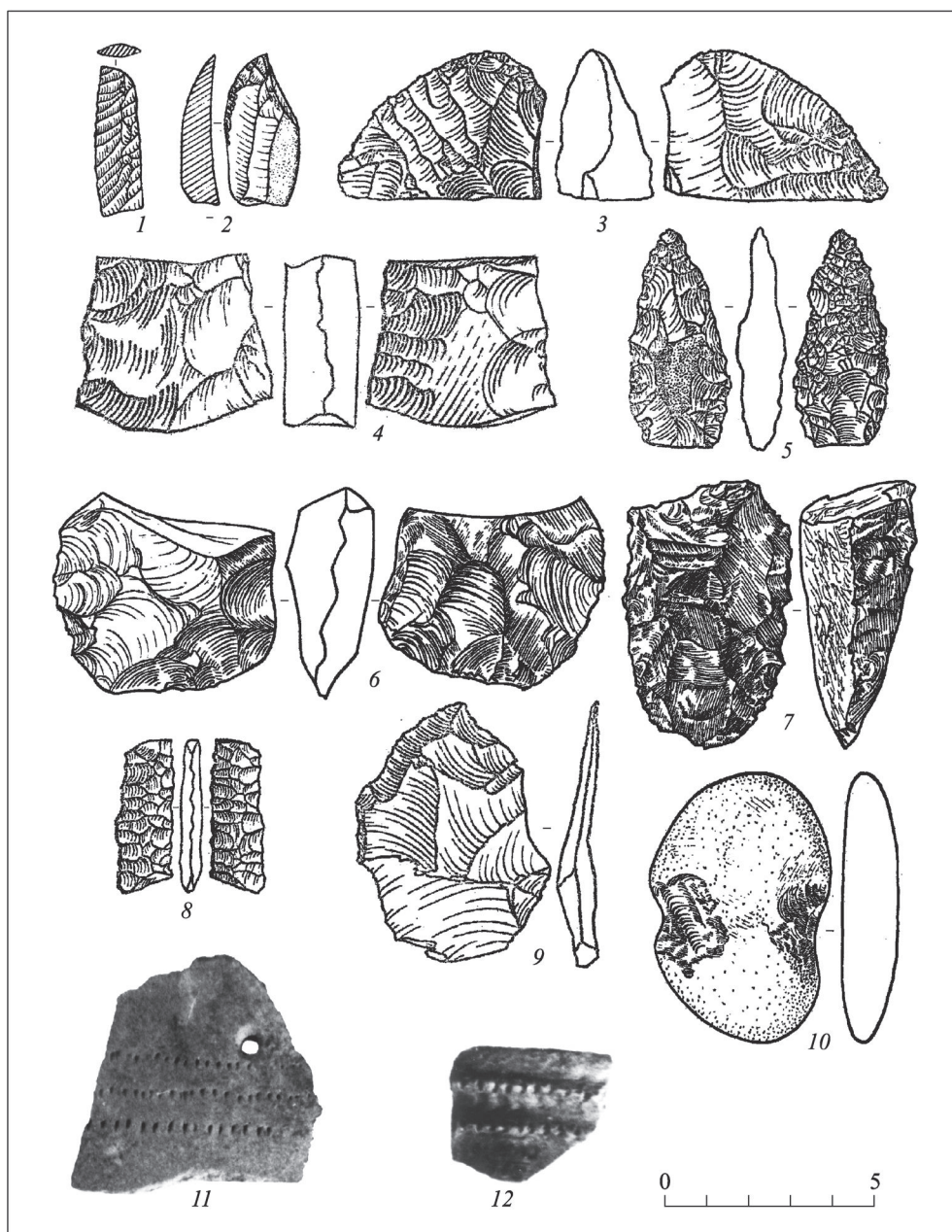

Рис. 2. Поселение на горе Шапка. Археологический материал периода неолита, выявленный на памятнике в результате работ 1972, 1981, 1983 гг.

1, 8 – вкладыши составного ножа; 2, 4, 9 – каменный нож; 3 – скребок; 5 – наконечник стрелы; 6, 7 – каменное тесло; 10 – каменное грузило; 11, 12 – фрагменты керамики.

1–2 – по: [Болдин, 1972; Болдин, 1999, с. 180, рис. 2, 5]; 3–5, 8, 9, 11, 12 – по: [Деревянко, 1982]; 6, 7, 10 – по: [Деревянко, 1984].

Fig. 2. Settlement on Shapka Hill. Archaeological materials from the Neolithic period, found on the site as a result of the studies in 1972, 1981, and 1983.

1, 8 – inserts of a compound knife; 2, 4, 9 – stone knife; 3 – scraper; 5 – arrowhead; 6, 7 – stone adze; 10 – stone sinker; 11, 12 – ceramic shards. 1–2 – according to: [Boldin, 1972; Boldin, 1999, p. 180, fig. 2, 5]; 3–5, 8, 9, 11, 12 – by: [Derevianko, 1982]; 6, 7, 10 – according to: [Derevianko, 1984].

говорить о заселении западной части памятника в период неолита. Но вплоть до 2009 г. находки неолитического времени носили эпизодический характер.

Проведенные в 2009 г. исследования позволили получить новые данные об объекте, в том числе выявить неолитический слой, относящийся, судя по обнаруженным артефактам, к осиноозерской поздненеолитической культуре [Волков и др., 2009; Зайцев и др., 2010].

Раскоп был заложен в восточной, возвышенной части городища, отделяемой от основной площади крепости дополнительным рвом и валом. Общая площадь раскопа составила 196 м² (рис. 3, 1).

Общая стратиграфия раскопанной части памятника (рис. 3, 2):

1. Дерновой слой, прослежен по всему профилю бровки, мощностью до 12 см;
2. Темно-коричневый суглинок, мощностью до 96 см, насыщенный фрагментами керамики средневекового периода. Слой пререзают линзы гумусированного черного суглинка, прослой гумусированного, серого суглинка с включением частиц прокаленного грунта;
3. Коричневый, красноватый суглинок – до 30 см. Слой прослежен фрагментарно в северной и южной частях стратиграфического разреза.
4. Желтый песок – материк.

Неолитические находки соотносятся со слоем коричневого, красноватого суглинка, расположенного преимущественно в восточной части раскопа в секторах II и IV (рис. 3, 1). Благодаря проведенному трасологическому исследованию каменных артефактов было определено, что коллекция включает 45 отщепов без следов обработки и сработанности, 6 сколов с камня без следов обработки, 27 пластин без следов обработки и износа и 56 артефактов, имеющих следы утилизации (рис. 4, 1–28). Результаты функционального анализа представлены в таблице [Волков и др., 2009, с. 71].

Планиграфический анализ распространения инструментария, выявленного в результате трасологического анализа на площади раскопа, позволил определить участок по обработке дерева, мяса и шкур животных. Границы участка определялись по скоплению и распространению на определенной территории выполненных на отщепах и пластинах строгальных ножей, скобелей, резцов, резчиков, наконечников стрел, ножей, вкладышей ножей, скребков. Функциональный анализ перечисленных предметов показал их сработанность по дереву, шкурам и мясу животных (см. рис. 3, 1; 4, 1–28). Вкладыши составных ножей, изготовленных в технике тончайшей отжимной ретуши, как правило, располагались группами по 2–4 экз. В отдельном случае, в кв. Л-11, группа вкладышей в количестве 8 экз. располагалась в две линии и оформляла истлевшую органическую основу сложносоставного ножа. Вкладыши выполнены из белого, оранжевого, черного и желтого халцедона посредством снятия фасеток от центра к краям изделия. Функциональный анализ изделий показал изношен-

ность орудий по мясу (рис. 4, 28). В рамках данного участка концентрировались орудия охоты, представленные наконечниками стрел подтреугольной формы, с вогнутым насадом, обработанные двусторонней простирающей ретушью (рис. 4, 2–5).

Функциональная характеристика коллекции позволила выделить периферийный участок распространения вкладышей ножей и ножевидных пластин, не имеющих следов обработки и сработанности. Концентрация данного материала связана с границей неолитического культурного слоя, проходящей в центральной части раскопа (см. рис. 3, 1).

Отдельно следует отметить наличие предметов неутилитарного назначения, которые представлены каменными подвесками в форме полумесяца, обломка кольца и полированной бусиной удлиненной бачонковидной формы с продольным по длинной оси отверстием в центральной части (рис. 4, 22, 26, 27). К данной категории изделий отнесены также наконечники стрел без следов использования, кончики которых были оформлены четырьмя микроснятиями в виде резцовых сколов с острия изделия (рис. 4, 23–25). Возможно, данные предметы носили культовый характер. Обращает на себя внимание и небольшое количество отходов производства каменных орудий труда.

В слое также обнаружено несколько фрагментов венчиков и тулова лепных керамических сосудов неолитического облика, украшенных налепными расщеченными валиками. Форма венчиков и орнаментальный мотив напоминают технологические особенности и элементы декора керамических сосудов осиноозерской поздненеолитической культуры Западного Приамурья (рис. 4, 29–31).

В целом материалы коллекции можно отнести к поселенческому комплексу с характерной высокой долей утилизированных орудий. Ввиду сильного разрушения неолитического слоя более поздним средневековым населением обнаружить следы жилищных конструкций не удалось. По аналогии с ранее изученными объектами осиноозерской культуры данный памятник мог представлять собой как промысловую стоянку с наземными временными жилищными постройками, так и долговременное поселение с жилищами полуземлянками. Состав инструментария характеризует изучаемую территорию как место, где происходило активное потребление мясных продуктов и быстро развивалась деревообработка.

ВЫВОДЫ

Выявленная в результате проведения исследований восточной возвышенной части горы Шапка археологическая коллекция эпохи неолита по своим технико-типологическим характеристикам соотносится с культурно-бытовыми предметами носителей осиноозерской археологической культуры. Характерными признаками этой культуры являются орудия, изго-

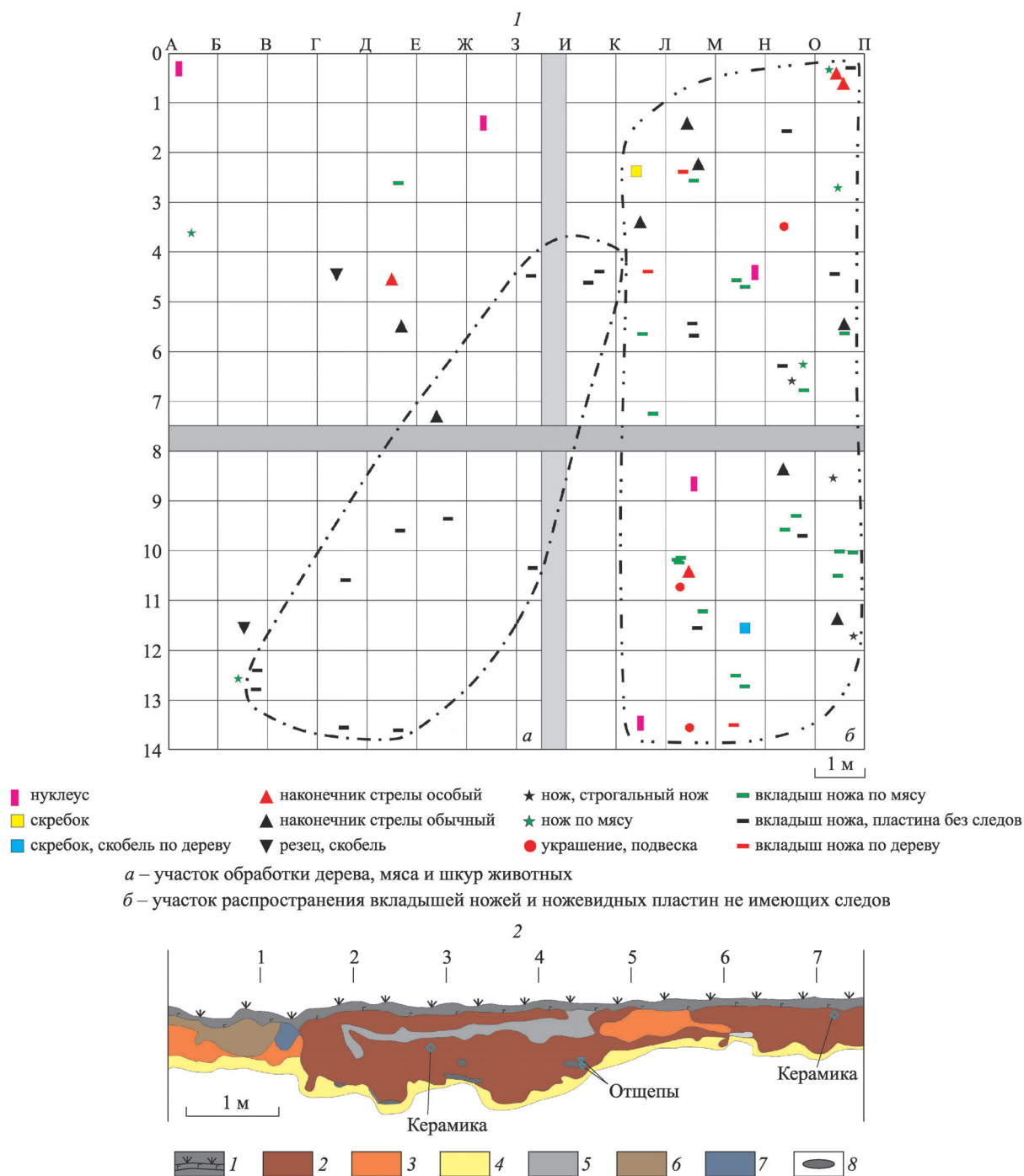

Рис. 3. Поселение на горе Шапка, исследования 2009 г.

1 – планиграфия раскопа 2009 г. с указанием распространения каменного инвентаря осиноозерской культуры; 2 – общая стратиграфия раскопа 2009 г. по линии I.

1 – дерновой слой; 2 – темно-коричневый суглинок; 3 – коричневый, красноватый суглинок; 4 – желтый песок; 5 – серый гумусированный суглинок с включением частиц прокаленного грунта; 6 – темно-серый суглинок, с включением прокала и глиняной обмазки; 7 – серый суглинок; 8 – черный суглинок.

Fig. 3. Settlement on Shapka Hill, the 2009 study.

1 – spatial organization of the excavation site in 2009, indicating the distribution of the stone tools set of the Osinoozerskaya culture; 2 – general stratigraphy of the excavation in 2009 along the line of I.

1 – turf layer; 2 – dark brown loam; 3 – brown, reddish loam; 4 – yellow sand; 5 – gray humus loam with the inclusion of calcined soil particles; 6 – dark gray loam, with the inclusion of calcined particles and clay puddle; 7 – gray loam; 8 – black loam.

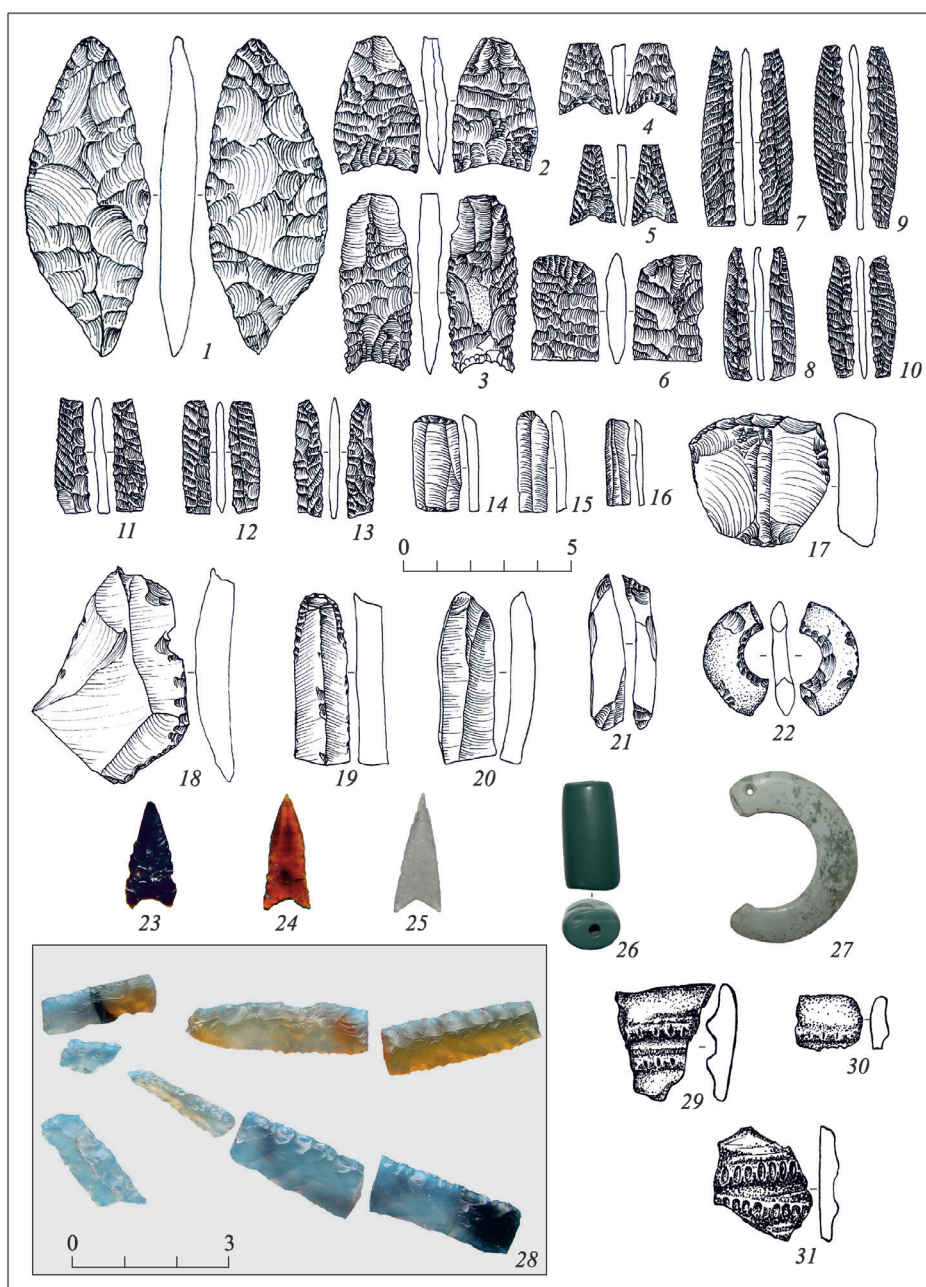

Рис. 4. Поселение на горе Шапка, исследования 2009 г. Материалы осиноозерской культуры.

1 – нож для разделки туш животных и крупной рыбы; 2–5, 23–25 – наконечники стрел; 6–12, 18, 20 – ножи по мясу; 13 – нож без следов износа; 14–15 – пластины со слабыми следами износа; 16, 19, 21 – строгальные ножи по дереву; 17 – скребко-нож по мясу; 22, 26, 27 – подвески; 28 – вкладыши составного ножа по мясу; 29–31 – фрагменты керамики (по: [Коллекция ГАУ «ЦН Амурской области»]) (художник – М.С. Сидорук).

Позиции на рис. 4 соответствуют следующим позициям в вышеприведенной таблице:

1-32; 2-23; 3-24; 4-28; 5-27; 6-7; 7-9; 8-10; 9-8; 10-12; 11-6; 12-19; 13-14; 14-48; 15-40; 16-51; 17-21; 18-39; 19-54; 20-35; 21-55; 22-2; 23-31; 24-30; 25-56; 26-1; 27-3.

Fig. 4. Settlement on Shapka Hill, the 2009 study. Materials of the Osinoozerskaya culture.

1 – a knife for cutting animal carcasses and large fish; 2–5, 23–25 – arrowheads; 6–12, 18, 20 – knives for meat; 13 – a knife without traces of wear; 14–15 – plates with weak traces of wear; 16, 19, 21 – planer knives for wood; 17 – scraper-knife for meat; 22, 26, 27 – pendants; 28 – inserts of a compound knife for meat; 29–31 – ceramic shards [Collection of the SAA “Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region”] (artist Sidoruk M.S.).

1-32; 2-23; 3-24; 4-28; 5-27; 6-7; 7-9; 8-10; 9-8; 10-12; 11-6; 12-19; 13-14; 14-48; 15-40; 16-51; 17-21; 18-39; 19-54; 20-35; 21-55; 22-2; 23-31; 24-30; 25-56; 26-1; 27-3 according to: [Table 1].

Основные функциональные характеристики неолитической коллекции 2009 г. с поселения на горе Шапка
The main functional characteristics of the 2009 Neolithic collection from the settlement on Shapka Hill

№ п/п	Квадрат	Морфологическая характеристика	Функция	Обрабатываемый материал	Интенсивность износа
1	2	3	4	5	6
1	Н-4	подвеска	украшение		средняя
2	Л-14	подвеска	украшение		слабая
3	Л-11	подвеска	украшение		средняя
4	Л-11	скопление вкладышей	двусторонний нож	мясо	слабая
5	Н-7	вкладыш	—	—	следов износа нет
6	Л-12	вкладыш	нож	мясо	слабая
7	К-5	вкладыш	строгальный нож	дерево	слабая
8	К-8	вкладыш	нож	мясо	слабая
9	О-11	вкладыш	нож	мясо	средняя
10	Д-3	вкладыш	нож	мясо	слабая
11	Л-6	вкладыш	—	—	следов износа нет
12	К-6	вкладыш	нож	мясо	слабая
13	М-13	вкладыш	нож	мясо	средняя
14	Д-10	вкладыш	нож	—	следов износа нет, дополнительная подправка и подточка
15	Н-10	вкладыш	нож	мясо	слабая
16	О-10-О-11	вкладыш	нож	мясо	слабая
17	О-10-О-11	вкладыш	нож	мясо	слабая
18	М-13	вкладыш	нож	мясо	слабая
19	М-5	вкладыш	нож	мясо	слабая
20	Ж-10	вкладыш	нож	мясо	слабая
21	К-3	пластинчатый отщеп	скребок-нож	мясо, шкура	скребок — слабая, нож — интенсивная
22	К-4	—	наконечник стрелы	—	следов нет
23	Л-3	—	наконечник стрелы	—	не стрелянный
24	Д-6	—	наконечник стрелы, нож	мясо	слабая
25	Е-8	—	наконечник стрелы	—	стрелянный
26	Л-2	—	наконечник стрелы	—	стрелянный
27	Н-9	—	наконечник стрелы	—	стрелянный
28	О-12	—	наконечник стрелы	—	нестрелянный
29	О-1	—	наконечник стрелы	—	следы снятия с острия
30	Л-11	—	наконечник стрелы	—	следы снятия с острия
31	О-1	—	наконечник стрелы	—	следы снятия с острия, особая тщательность изготовления
32	О-1	бифас	нож для разделки туш животных и крупной рыбы	шкура, мясо	средняя, дополнительная подточка, деревянная рукоять
33	А-1	галечник	нуклеус	—	следов износа нет
34	М-5	галечник	нуклеус	—	следы снятия, как минимум, 2 пластин (отжимка)
35	Б-13	пластина	Нож	мясо	интенсивная
36	Г-5	—	резец, скобель	дерево	резец интенсивная, после сработки скобель
37	М-12		скобель	дерево	слабая
38	О-3		нож	мясо	слабая

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
39	А-4	отщеп	нож	мясо	интенсивная
40	Г-11	пластина	—	—	слабая, неопределима
41	О-1	пластина	—	—	слабая, неопределима
42	Ж-2		нуклеус	—	сработанный
43	М-5	пластина	нож	мясо	слабая
44	Л-3	пластина	строгальный нож	дерево	слабая
45	Л-3	пластина	строгальный нож + нож	дерево+мясо	слабая
46	М-14	пластина	строгальный нож + скобель	дерево	нож – средняя, скобель слабая
47	К-14	галечник	нуклеус	—	—
48	И-5	пластина	—	—	слабая, неопределима
49	Г-14	ретушированный пластинчатый отщеп	—	—	слабая
50	Л-9		нуклеус	—	сработанный
51	Н-7	пластина	строгальный нож	дерево	слабая
52	Б-12	пластина	резчик	дерево	средняя
53	Н-7	отщеп	нож	мясо	слабая
54	О-9	отщеп	строгальный нож	дерево	средняя, вторичное использование
55	О-12	отщеп	строгальный нож	дерево	средняя, вторичное использование
56	Д-5	—	наконечник стрелы		следы снятия с острия

Таблица составлена по: [Волков П.В., Волков Д.П., Зайцев, Миронова, 2009, с. 72, 73; Зайцев, Волков П.В., Волков Д.П., Коваленко С.В., 2010, с. 123–127].

товленные на отщепах с помощью отжимной ретуши в основном из халцедонового сырья, а также орнамент в виде налечных рассеченных валиков, декорировавший лепные плоскодонные сосуды. Хронологические рамки, существования культуры определены 3338–1452 гг. до н.э. (5360–3474 л.н.) [Коваленко, 2023, с. 46]. Обнаруженное поселение позволяет расширить картографию культуры. Данные об использованном инструментарии отображают характер ранее малоизученной палеоэкономики у носителей осиноозерской культуры, что позволяет расширить изучение эволюции древнего хозяйства населения региона в процессе адаптации человека к условиям изменяющейся среды на территории Западного Приамурья в период среднего голоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдин В.И. Результаты разведки ранних средневековых памятников Амурской области // Традиционные культуры Востока Азии. Благовещенск, 1999. Вып. 2. С. 177–184.
- Волков П.В., Волков Д.П., Зайцев Н.Н., Миронов М.А. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 70–74.
- Гонсовиц Е.В. «Гора Шапка» на р. Амур (Материалы по изучению памятников древности на Амуре) // Сибирский архив. Минусинск. 1913. № 12. С. 505–522.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.

Деревянко А.П., Сапунов Б.С. История археологических исследований в бассейне Среднего Амура // Записки Амурского областного музея краеведения. 1970. Т. 6, вып. 2. С. 10–27.

Деревянко Е.И. Городище на горе «Шапка» // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 110–126.

Зайцев Н.Н., Волков П.В., Волков Д.П., Коваленко С.В. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок 2009 г.) // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 120–127.

Коваленко С.В. Ареал осиноозерской культуры в контексте физико-географических условий Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30. № 1. С. 41–50.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего Средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 184 с.

Нестеров С.П., Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Миронов М.А. Археологические исследования на городище на горе Шапке в Амурской области в 2009–2011 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 217–221.

Памятники природы регионального значения Амурской области. Кадастровая информация. Управление по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания Амурской области. Благовещенск, 2018 г. С. 487.

REFERENCES

- Boldin V.I. (1999). The results of exploration of early medieval monuments of the Amur region. *Traditionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk, iss. 2, pp. 177–184. (In Russ.)

Derevianko A.P. (1973). The early Iron Age of the Priamurye. Novosibirsk, Nauka, 356 p. (In Russ.)

Derevianko A.P., Sapunov B.S. (1970). The history of archaeological research in the Middle Amur basin. *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya*. Blagoveshchensk, vol. 6, iss. 2, pp. 10–27. (In Russ.)

Derevianko E.I. (1988). The fortified settlement on Mount Shapka. *Epokha kamnya i paleometalla aziatskoy chasti SSSR*. Novosibirsk, pp. 110–126. (In Russ.)

Gonsovich E.V. (1913). Mount Shapka on the Amur River. (Materials for the study of ancient monuments on the Amur River). *Sibirskiy arkhiv: zhurn. istorii, arkheologii, geografii i etnografii Sibiri, Sredney Azii i Dal'nego Vostoka*, no. 12, pp. 505–522. (In Russ.)

(2018). Natural monuments of regional importance in the Amur region: (cadastral information by the Dep. for the Protection, Control and Regulation of the Use of Fauna and their Habitat of the Amur reg.). Blagoveshchensk, p. 487. (In Russ.)

Nesterov S.P. (1998). Peoples of the Priamurye in the early Middle Ages. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii, 183 p. (In Russ.)

Nesterov S.P., Zaitsev N.N., Volkov D.P., Mironov M.A. (2011). Archaeological research at the settlement on Mount Shapka in the Amur region in 2009–2011. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. 17, pp. 217–221. (In Russ.)

Volkov P.V., Volkov D.P., Zaitsev N.N., Mironov M.A. (2009). Neolithic collection from Mount Shapka in the Amur region (based on the results of the excavations in 2009). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. 15, pp. 70–74. (In Russ.)

Zaitsev N.N., Volkov P.V., Volkov D.P., Kovalenko S.V. (2010). Neolithic collection from Mount Shapka in the Amur Region (based on the results of the excavations in 2009). *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, iss. 6, pp. 120–127. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.01.2024

Дата рецензирования 31.01.2024

Статья принята к публикации 15.02.2024

DOI: 10.15372/HSS20240103

УДК 904(571)

EDN: KPFIQU

В.Э. ШАВКУНОВ

СУШЭНИ В АРХЕОЛОГИИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОСТОЧНОЙ МАНЬЧЖУРИИ И ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН,
РФ, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Сушэни – загадочный народ Дальнего Востока, первые сведения о котором восходят еще к легендарным временам. В начале нашей эры они проживали к северу от Корейского полуострова и были активны на политической арене того времени. В научной литературе можно встретить разные мнения о занимаемой ими территории, иногда очень большой, вплоть до Амура. Неточные представления об ареале их проживания не позволяют достоверно определить процессы, происходившие на Дальнем Востоке в первой половине I тыс. н.э. В статье на основании сравнения данных нарративных источников и археологии определяется идентичность сушэней и носителей кроуновской археологической культуры. Исходя из этого указывается, что территория проживания сушэней охватывала южную часть Приморья и сопредельные районы КНР.

Ключевые слова: сушэни, воцзюй, Когурё, Фуюй, кроуновская культура, китайские летописи.

V.E. SHAVKUNOV

THE SUSHEN IN THE ARCHAEOLOGY OF THE IRON AGE OF EASTERN MANCHURIA AND PRIMORSKY REGION

Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS,
89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation

According to ancient Chinese chronicles, in early AD, the Sushen tribes lived in the Far East. There is only a vague description of their place of residence in various sources. In “Sanguo Zhi” and “Houhan Shu”, it is noted that their territory of residence was located to the north of the Wozui tribes. “Jin shu” says that they were 60 days east of Fuyui and reached the shores of the Sea of Japan. As it is noted in the official chronicle of Tan dynasty, their capital was a very large city and was situated on the left bank of the Mudanjiang River in its middle flow. The capital of Fuyui, which is considered the starting point of distance to the Sushen tribes, was located on Sungari River. If you walk from it, then in 60 days you can go deeply into the territory of the Primorsky region – much further than the place noted as the capital of the Sushen tribes. The Wozui tribes lived on the shores of the Sea of Japan, in the northeast of the Korean Peninsula and left behind the archeological culture of Chundo. North of the Wozui and far east of Fuyui there is the Primorsky region of Russia. At that time, in its territory there existed Krounovskaya archeological culture, which dates back to the 9th century BC – 4th century AD. The time of its appearance fully corresponds to the time of the Sushen tribes resettlement to the Far East. The settlements of this culture are known in central and southern Primorye, as well as in the territory of People’s Republic of China from the western areas of Lake Khanka south to the Tumangan River. This corresponds to the Chinese chronicles records, according to which the Sushen tribes were located north of the Wozui tribes and far east of Fuyui. The territory of distribution of Krounovskaya culture to the eastern regions of Girin province also confirms the data from “Samkuk saga”, according to which the Sushen tribes were neighbours of Koguryo. Since not a single fortified city is known in Krounovskaya culture, and the settlements are small, a large city on the Mudanjiang River could not be their capital. It may have been the capital of Eastern Fuyui.

Key words: Sushen, Wozui, Koguryo, Fuyui, Krounovskaya culture, Chinese chronicles.

Владимир Эрнстович Шавкунов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, e-mail: vshavkunov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2439-1865>.

Vladimir E. Shavkunov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch RAS.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сушэни – загадочный народ, записи о котором имеются во многих письменных сочинениях Древнего Китая. Чаще всего они упоминались тогда, когда прибывали к различным китайским дворам и приносили в дар свои знаменитые стрелы из дерева ку, с наконечниками из камня ну. Ближе к рубежу эр и в начале нашей эры их визиты в Поднебесную стали более частыми, что, возможно, было спровоцировано самими китайцами с целью поднять престиж новообразованного правящего дома [Воробьев, 1994, с. 102–103; История..., 1998, с. 40]. Визиты сушэней в Китай продолжались до середины VI в. н.э. Последнее их посещение датируется 559 г. н.э. После этого сведения о сушэнях исчезают со страниц китайских хроник. Но интерес к ним не пропал, и многие отечественные востоковеды в своих исследованиях затрагивают различные вопросы, связанные с ними.

Одним из таких вопросов является территория расселения сушэней. В древних китайских сочинениях содержатся крайне скудные сведения о местах их проживания. Самым информативным источником, проливающим свет на этот вопрос, является «Цзинь шу», описывающий события с 265 по 420 г. н.э. Из него следует, что сушэни проживают на север от горы Бусяньшань (Чанбайшань), их территория отстоит от Фуюй на 60 дней пути, на востоке примыкает к Большому морю, ее крайний предел (на севере – В.Ш.) – р. Жошуй, имеет протяженность в ширину (с востока на запад) и длину (с севера на юг) несколько тысяч ли [Кюннер, 1961, с. 254]. Исходя из этих сведений, современные археологи (по-видимому, китайские – В.Ш.) отводят сушэням земли на север от Чанбайшаня, по среднему и нижнему течению Амура и до Охотского моря [Воробьев, 1994, с. 105]. На самом деле земля сушэней была не такой огромной, и тщательный анализ летописных данных с привлечением достижений археологии позволяет очень точно определить места их проживания на рубеже эр и в первой половине I тыс. н.э. Отталкиваясь при этом следует из того, что согласно «Цзинь шу», сушэни обитали в восточных районах КНР и на территории современного Приморского края Российской Федерации.

АНАЛИЗ ДАННЫХ

Определить более точно локализацию земли сушэней помогут географические данные о других дальневосточных народах. Наиболее ранним источником по данной теме является памятник «Саньго чжи», в котором охватываются события III в. н.э. Согласно этому сочинению, на севере Корейского полуострова находилось государство Когурё. В этой стране нет равнин и озер, а люди живут по горным долинам. К северу от Когурё находится Пуё (Фуёй), граничащее на востоке с ымну (илоу), а на западе – с сяньби. На востоке Когурё граничит с окчо (воцзюй), которые живут вдоль берега моря и на юге граничат с племенами е вэй и мэк (мо), а на севере – с ымну и пуё. Есть еще Северное

Окчо, которое называется Чжигуру (Чжигуоулоу), граничит с ымну. Сами же ымну находятся на расстоянии более тысячи ли на северо-восток от Пуё, соприкасаются с Великим морем, на юге граничат с Северным Окчо. В земле ымну много неприступных гор [Пак, 1961].

Данные источника об илоу, чуть ли не слово в слово повторенные и в «Хоухань шу», позволяют уверенно соотнести этот народ с янковской археологической культурой [Шавкунов, 2006], которая существовала в это время на побережье южной части Приморского края. К югу от илоу проживали племена воцзюй. По «Хоухань шу», Воцзюй «находится на побережье Великого моря к востоку от Гао Гоули за хребтом Гайма... Их земля с востока на запад сужена, а с юга на север вытянута... с наклоном к морю» [Шавкунов, 1959, с. 71]. Под это описание идеально подходит побережье Японского моря – северо-восток КНДР.

В летописях также сообщается, что есть еще Северное Воцзюй, которое является частью воцзюй и находится в 800 ли от южных соплеменников [Шавкунов, 1959, с. 71, 74]. По логике, они должны отделяться от своих сородичей какой-то естественной географической границей. Северное Воцзюй называлось еще Чжигуру, что считается неправильным написанием топонима Мэгуру. В свою очередь Мэгуру можно расшифровать как «водяной город» или «город на реке» [Бутин, 1984, с. 102–103], но относиться это должно к самой стране и ее народу. Исходя из этого, можно предположить, что границей между Воцзюй и Северным Воцзюй является какая-то река. В данном случае наиболее вероятной кандидатурой представляется р. Туманган. Следовательно, можно предположить, что северные племена воцзюй обитали и на левом (северном) берегу Тумангана, на территории КНР.

С таким положением согласен японский исследователь Х. Икэути, но он помещает главный город Мэгуру на р. Буэрхатухэ [Бутин, 1984, с. 103]. Эта река находится на большом расстоянии от моря, и вряд ли илоу забирались так далеко для своих грабежей. Скорее всего, северные воцзюй на территории КНР проживали намного ближе к морю – возможно, в районе г. Хунчунь и по долине одноименной реки (рис. 1). К западу от них, на плоскогорье Чанбайшань и по хребту Наньганлин, где как раз находятся горные долины, северные земли Когурё. Севернее Когурё, от р. Сунгари на западе и по хребту Муданьлин на восток, были земли Фуёй. Исходя из приведенных данных, места для сушэней на севере Корейского п-ва, на юго-востоке Маньчжурии и на юге Приморья в середине III в. н.э. просто не оставалось.

Но здесь нужно учитывать и другие данные из «Саньго чжи», согласно которым, в 246 г. н.э. китайские войска под предводительством Ван Ци, преследуя когурёского вана, прошли страну окчо (воцзюй) на расстояние свыше 1000 ли и достигли южных пределов сушэней [Бутин, 1984, с. 136]. Из этого отрывка следует, что сушэни жили на небольшом расстоянии к севе-

рот воцзой. Но мы помним, что северными соседями воцзой были илоу и Фууй. Кроме того, в том же источнике сказано, что Фууй на востоке граничит с илоу, и в то же время илоу находится на северо-востоке от Фууй на расстоянии свыше 1000 ли. Как видно, имеются некоторые противоречия внутри одного источника, и для их разрешения необходимо сделать определенные предположения. Во-первых, расстояния, обозначенные как «свыше тысячи ли» или «тысяча с лишним ли» можно интерпретировать как просто «большое расстояние». Во-вторых, расстояние в древних китайских источниках определялось не между границами отдельных сообществ или административных единиц, а между их главными или самыми крупными городами. Главный город Фууй находился на р. Сунгари, а от него до мест проживания илоу на побережье Японского моря действительно далеко. В-третьих, в определенный момент на Дальнем Востоке существовало еще и Восточное Фууй, которое, естественно, находилось к востоку от основного Фууй, и, по всей видимости, именно оно граничило с илоу. В-четвертых, границ, в современном понимании этого термина, в те времена не было, часто можно было наблюдать определенную череполосицу в проживании соседних племен и народов.

При таких условиях на северных рубежах воцрой могли находиться и Фуюй, и сушэни. О присутствии сушэней на территории пров. Гирин имеются данные в «Самкук саги». Можно начать с того, что они были близкими соседями Когурё, так как в 270 г. они совершили набег на когурёскую границу. Через 10 лет (в 280 г.) нападение сушэней повторилось, и в результате военных действий 600 семей сушэней были захвачены Когурё и переселены к югу от Пуё, а еще несколько деревень превратились в зависимые от Когурё общины [Ким Бусик, 1995, с. 72]. Перемещение 600 сушэньских семей могло произойти лишь в западном направлении, в противном случае это означало бы, что их поселили либо в северных районах Когурё, либо на нейтральной территории. В любом случае место их контакта с Когурё могло быть только на территории пров. Гирин.

Правда, в средневековых китайских летописях встречаются сведения, позволяющие предположить, что сушэни проживали значительно севернее. Так, по «Цзю тан шу», главный город сушэней располагался на правом берегу р. Хурха (Муданьцзян) в 30 ли к юго-западу от столицы Бохая [Бичурин, 1950, с. 136–137], т.е. уже в пров. Хэйлунцзян. По-видимому, этот же город отмечен в «Цидань го чжи», где сказано, что столица сушэней лежит в 30 ли от столицы Бохая, а стены его тянутся на 5 ли с каждой стороны, и в них видны развалины бойниц [Е Лун-ли, 1979, с. 331]. Этим сведениям вторит и «Синь тан шу», согласно которой, Верхняя столица Бохая (городище Дунцзинчэн на р. Муданьцзян) образована на «древних землях сушэ-

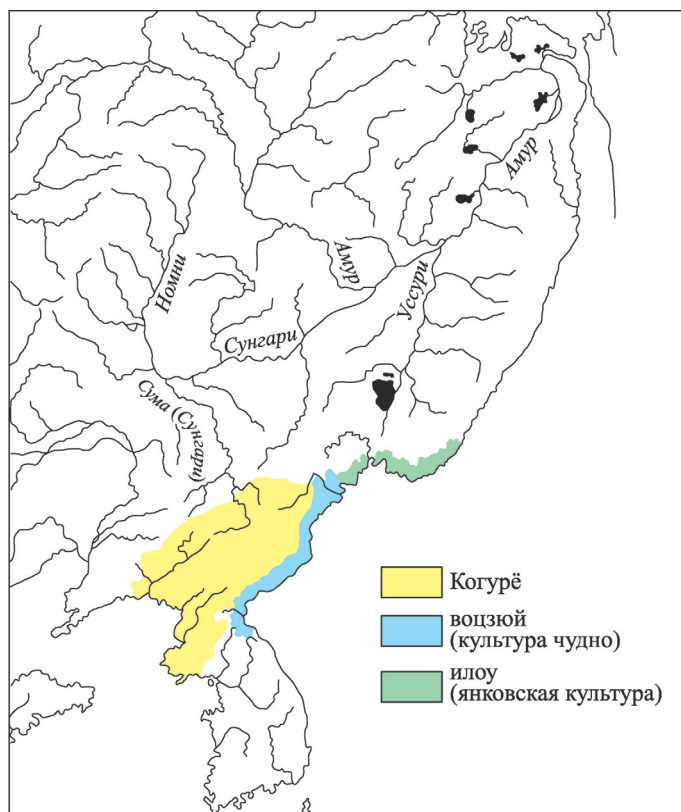

Рис. 1. Территория расселения Когурё, воцзюй и илоу в начале н.э.

Fig. 1. Settlement area of Goguryeo, Wajui, and Ilou in the early CE.

ней» [Ивлиев, 2005, с. 463]. Таким образом, по источникам послетанского времени, главный город сушэней находился в среднем течении р. Муданьцзян.

Однако эти записи противоречат более ранним летописям. Так, по «Цзинь шу», сушэни проживали в 60 днях пути от Фууй [Шавкунов, 1959, с. 69; Кюнер, 1961, с. 254]. Даже если передвигаться со скоростью 30 ли (около 15 км) в сутки, то область проживания сушэней будет находиться примерно в 900 км на восток от Фууй. Считается, что западной точкой Фууй является район г. Чанчуня в провинции Гири КНР [Бутин, 1984, с. 56]. От него по современным дорогам до Дунцзинчэна (столицы Бохая) – 387 км. Таким образом, земли сушэней, до которых от Фууй не меньше 900 км, должны располагаться намного восточнее остатков большого города на р. Муданьцзян, отмеченных в историях династии Тан, т.е. глубоко на территории Приморского края. Это отлично согласуется с записями из «Цзинь шу», согласно которым земли сушэней на востоке примыкают к Большому (Японскому) морю [Кюнер, 1961, с. 254].

Таким образом, в первой половине I тыс. н.э. сущэни должны были проживать на территории Приморского края и в пров. Гири в КНР. Из всех выделенных в настоящее время археологических культур по данным критериям сущэням в наибольшей степени соответствует кроунювская культура, памятники кото-

рой (как культура туанцзе) известны и на территории КНР. В этих культурах большие укрепленные города не известны. Кроме того, по описанию, главный город сушэней имел очень большие размеры (около 10 км по периметру). Для возведения таких стен нужны были скоординированные усилия многих людей. Для сушэней, которых летописи обозначают даже не как страну, а как род [Шавкунов, 1959, с. 69] или дом [Кюннер, 1961, с. 254], такие масштабные работы вряд ли были осуществимы.

Следовательно, «столица сушэней» на р. Муданьцзян на самом деле не могла быть сушэньской. В таком большом укрепленном городе помимо многочисленных жилищ простого народа должны находиться и различные казенные строения. Все это убеждает в том, что такие города могли возводиться лишь при участии государства, способного организовать работы сотен людей, кормить их в течение длительного времени.

Сушэни еще не достигли государственной стадии развития, как это было у их ближайших соседей – когурёсцев и фуюйцев. Но народы из Когурё так далеко на север не заходили. Остается Фуюй, в котором, по «Цзинь шу», имелись «города и селения, дворцы и дома» [Кюннер, 1961, с. 250]. И хотя центр основного Фуюй находился западнее р. Муданьцзян, на Дальнем Востоке существовало еще и Восточное Фуюй. О дате его возникновения высказываются разные мнения.

Так, Х. Икэути считает, что оно было образовано родственниками вана Ёре, бежавшими на восток после первого разгрома (285 г.) мужунами основного Фуюй [Бутин, 1984, с. 78]. По мнению К. Сиратори, оно возникло в 345 г. после второго разгрома Фуюй мужунами [Бутин, 1984, с. 70].

При этом оба исследователя по каким-то причинам отказываются верить данным «Самкук юса», согласно которым, впервые Восточное Фуюй было образовано «между 59 г. до н.э. и временем образования Когурё (37 г. до н.э.) в результате переноса столицы Северного Фуюй. В 22 г. н.э. и когурёский ван Мухюль убил третьего правителя Восточного Фуюй, и государство прекратило свое существование [Ирэн, 2018, с. 218–219]. Было ли это действительно так, или просто прервалась правящая династия, но позже это государство появляется опять, а окончательно оно было уничтожено когурёским ваном Квангэтхо в 410 г. н.э.» И это было большое государство, ведь Квангэтхо захватил в нем 64 крепости и 1400 селений и дошел до г. [Пу]ёсона в глубине страны [Бутин, 1984, с. 56]. Была в нем и столица, располагавшаяся к востоку от основного Фуюй. Поэтому вполне возможно, что огромное городище в среднем течении р. Муданьцзян было столицей именно государства Восточное Фуюй, и следовательно, земля сушэней не могла находиться на Муданьцзяне.

Итак, в первой трети I тыс. н.э. сушэни проживали на территории южной половины Приморского края, где в это время получила распространена кроуновская культура (рис. 2). Радиоуглеродные датировки с ее памятников укладываются в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (Кузьмин и др., 2005, с. 47) и не противоречат времени переселения и проживания сушэней в Приморье. На сопредельной территории Китая кроуновской культуре соответствует культура туанцзе, занимавшая территорию от среднего течения р. Туманная до оз. Ханка [Вострецов, 2005, с. 175], т.е. включавшая в себя долину р. Хуньчунь. При этом практически все поселения кроуновско-туанцзе культуры привязаны к долинам рек. Есть мнение, что с этой культурой следует связывать и культуру чундо Корейского полуострова [Субботина, 2008, с. 17].

Однако от этой идеи следует отказаться из-за следующих фактов. 1. Памятники культуры чундо датируются IV в. до н.э. – III в. н.э., приурочены они к побережью Японского моря и фиксируются как на северо-востоке, так и в центральной части Корейского полуострова. Самые ранние из них находятся в средней части полуострова (бассейны рек Пукханган и Имджинган) [Субботина, 2008, с. 16], а не на северо-востоке КНДР, что было бы логичным при продвижении кроуновцев-туанцзе с севера на юг. 2. В жилищах культуры чундо не зафиксировано наличие канов [Субботина, 2007], характерных для кроуновской культуры. 3. Чем

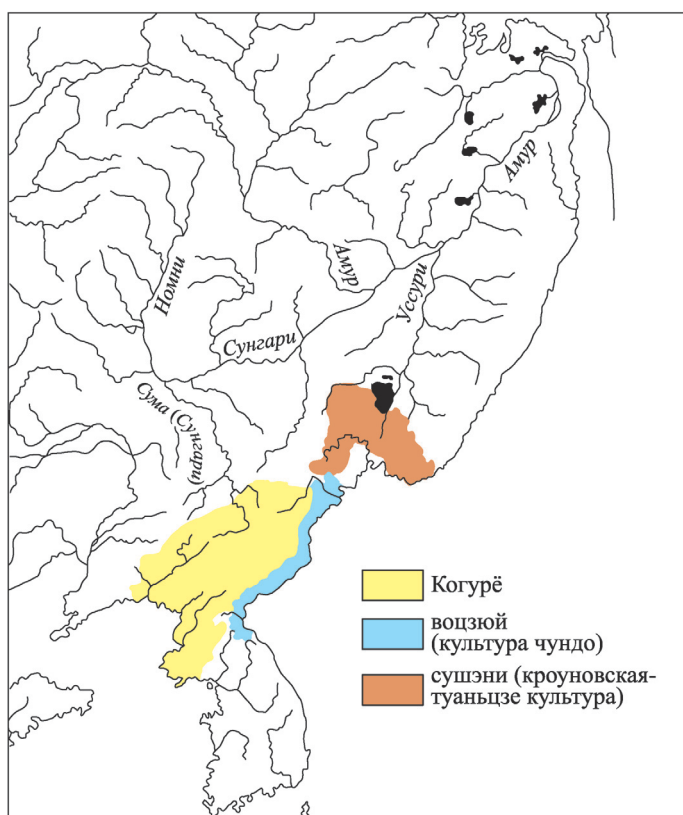

Рис. 2. Территория Когурё, воцзюй и сушэней в III в. н.э.

Fig. 2. The territory of Goguryeo, Woju and Susheng in the 3rd century AD.

дальше на юг, тем меньше в материалах чундо сходства с кроуновской-туанцзе культурой [Субботина, 2008, с. 14–15]. 4. Все памятники чундо расположены полосой вдоль побережья Японского моря, а эти земли идеально подходят под описание мест проживания племен воцзюй, указанных в «Саньго чжи» и «Хоухань шу» [Шавкунов, 1959, с. 71–72]. 5. По этим же источникам севернее воцзюй проживали племена илоу, которые уверенно могут быть отождествлены с янковской археологической культурой [Шавкунов, 2006], ее памятники расположены как раз по побережью Приморского края севернее памятников чундо.

Исходя из всех перечисленных выше соображений, отметим, что культура чундо, по всей видимости, была образована племенами воцзюй и никак не могла быть культурой сушэней. В лучшем случае можно говорить лишь об определенном культурном влиянии сушэней (кроуновской-туанцзе культуры) на племена воцзюй (культура чундо).

ВЫВОДЫ

Из рассмотренных выше материалов можно сделать следующие выводы: 1) кроуновская-туанцзе культура была оставлена племенами сушэней. Регионами их проживания в первой половине I тыс. н.э. являлись южные и центральные районы Приморского края, территории к западу от оз. Ханка, верховья р. Раздольная (Суйфун), и восточная часть пров. Гирич; 2) культура чундо, распространенная на восточном побережье северной части Корейского полуострова, была культурой племен воцзюй; 3) остатки большого города на р. Муданьцзян, отмеченные в танских хрониках, скорее всего, относится к Восточному Фуую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: 1950. Ч. II. 336 с.
- Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к Трём Государствам (II в. до н.э. – IV в.). Новосибирск: Наука, 1984. 256 с.
- Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток: Дальнаука, 1994. 410 с.
- Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.
- Е Лун-ли. История государства киданей (цидань го чжи) / пер. с кит., введение, коммент. и прил. В.С. Таскина. М.: Наука, 1979. 606 с.
- Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 449–475.
- Ирён. Оставшиеся сведения [о] трех государствах (Самгук юса) / Ирён; пер. с ханмуна, вступ. ст, коммент. и указ. Ю.В. Болтач / Ин-т восточных рукописей РАН. СПб.: ИД «Гиперион», 2018. 894 с.
- История Золотой империи / пер. Г.М. Розова, коммент. А.Г. Малавкина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 288 с.
- Ким Бусик. Самгук саги. Т. 2. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Памятники литературы народов Востока / Изд. текста, перевод, вступительная статья и комментарии М.Н. Пака. М.: Изд-во Вост. лит., 1995. 770 с.
- Кузьмин Я.В., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. Хронология культур раннего железного века и Средневековья Приморья // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 4. С. 44–55.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 392 с.
- Субботина А.Л. Жилища культуры чундо Северо-Восточной и Центральной Кореи // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология, 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 161–173.
- Субботина А.Л. Памятники раннего железного века типа чундо на Корейском полуострове: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 18 с.
- Шавкунов В.Э. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I – III вв. н.э. // Тр. Дальневост. фил. СО АН СССР. Сер.: История. 1959. С. 37–74.
- Шавкунов В.Э. Племена илоу и культуры раннего железного века Приморья // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 2006. № 5. С. 135–140.

REFERENCES

- Bichurin N.Ya. (Iakin). (1950). A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, vol. 2, 335 p. (In Russ.)
- Butin Yu.M. (1984). Korea: from Joseon to Three States (2nd century BC – 4th century). Novosibirsk, Nauka, 255 p. (In Russ.)
- Ivliev A.L. (2005). An essay on the history of Bohai. *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy*. Vladivostok, pp. 449–475. (In Russ.)
- Iryeon. (2018). The remaining information [about] the three states (Samguk yusa). Saint Petersburg, Giperion, 894 p. (In Russ.)
- Larichev V.E. (ed.) (1998). The history of the Gold Empire. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 286 p. (In Russ.)
- Kim Busik. (1995). Samguk sagi. (Historical records of the three states). In 3 vols. Vol. 2. Chronicles of Koguryo. Chronicles of Baekje. Chronological tables. Moscow, Vost. lit., 763 p. pag. var. (In Russ.)
- Kyuner N.V. (1961). Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East. Moscow, Izd-vo vost. lit., 392 p. (In Russ.)
- Kuzmin Ya.V., Boldin V.I., Nikitin Yu.G. (2005). Chronology of cultures of the early Iron Age and the Middle Ages of Primorye. *Rossiya i ATR*, no. 4, pp. 44–55. (In Russ.)
- Shavkunov E.V. (1959). Primorye and neighboring areas of Dongbei and North Korea in the 1st–3rd centuries AD. *Trudy. Seriya istoricheskaya* by AN SSSR, Sib. otd-nie, Dal'nevost. filial, Saransk, vol 1, pp. 37–74. (In Russ.)
- Shavkunov V.E. (2006). Ilou historical tribes and cultures of the early Iron Age in Primorye. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, no. 5, pp. 135–140. (In Russ.)
- Subbotina A.L. (2007). Dwellings of the Chundo culture of Northeast and Central Korea. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 6, iss. 3, pp. 161–173. (In Russ.)
- Subbotina A.L. (2008). Chundo-type sites of the early Iron Age on the Korean Peninsula: Cand. hist. sci. dis. abstr. Novosibirsk, 18 p. (In Russ.)
- Vorobyov M.V. (1994). Manchuria and Eastern Inner Mongolia (from ancient times to the 9th century inclusive). Vladivostok, Dalnauka, 409 p. (In Russ.)
- Vostretsov Yu.E. (2005). Interaction of marine and agricultural adaptations in the Sea of Japan basin. *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy*. Vladivostok, pp. 159–186. (In Russ.)
- Ye Lung-li. (1979). The history of the Khitan state (Qidan guo zhi): trans. from Chin. Moscow, Nauka, 606 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.01.2024

Дата рецензирования 15.01.2024

Статья принята к публикации 29.01.2024

DOI: 10.15372/HSS20240104

УДК 904(519)

EDN: LBUMKA

М.А. СТОЯКИН

БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА ПЕРИОДА КОГУРЁИнститут культурного наследия Республики Корея
132, ул. Мунджи, р-н Юсон, г. Тэджон, 34122, Республика Корея

В статье рассматриваются особенности буддийской культовой архитектуры в раннесредневековом государстве Когурё. Для этого обобщена доступная информация из немногочисленных корейских средневековых письменных источников и эпиграфики периода Когурё. Информация из них дополнена археологическими данными с территории современной КНДР, где выявлены основные объекты культовой архитектуры Когурё. Важное место занимают новые результаты раскопок буддийских храмов китайскими археологами в бассейне р. Туманган, которые позволяют дополнить сведения о развитии буддизма в отдаленных регионах Когурё. Рассмотрена характеристика буддийских памятников, приведена возможная хронология. Анализ источников позволяет проследить формирование буддийской архитектуры, раскрывающей процесс развития буддизма на Корейском полуострове и сопредельных территориях, осветить межкультурные контакты в регионе Восточной Азии, связь с буддизмом в последующем государстве Бохай.

Ключевые слова: Когурё, Бохай, буддийская архитектура, пагода, буддизм, КНДР, КНР.

М.А. STOYAKIN

BUDDHIST RELIGIOUS ARCHITECTURE OF THE KOGURYO PERIODNation Research Cultural Heritage of Korea
132, Munji Yuseong-ju, Daejeon, 34122, Republic Korea

The paper summarizes information about Buddhist religious architecture in the early medieval state of Koguryo, identifying its features and role. The author aimed to consider the chronology of Buddhist temples and analyzed in detail the main architectural element – the pagoda. The study of Buddhist temples in Koguryo and comparison with neighboring regions such as the Korean Peninsula, China, and Japan allow us to identify and reconstruct cultural interactions in East Asia. By analyzing Korean medieval written sources and epigraphy of the Koguryo period, the author reveals that in this state, apparently, there were several temples with pagodas. Earlier, in the 20th century, Buddhist archaeological monuments of Koguryo were discovered only in North Korea, specifically in the area of the capital Pyongyang. These monuments typically include the remains of an octagonal pagoda in the center, surrounded on three sides by pavilions and other buildings. Buddha and bodhisattvas sculptures and decorative figures installed inside the temples suggest the high level of artistic skill and craftsmanship in Koguryo. The chronology of these monuments in Koguryo (5th–6th centuries) has been a subject of debate among researchers; it primarily based on the location of the capital city and the inscriptions on the Buddhist sculptures and their style, as well as dating of roof tiles. However, recent excavations by Chinese archaeologists in the Tumangan river basin have provided new evidence to date the Buddhist temples in Koguryo to an earlier period. Such results allow us to supplement information about the development of Buddhism in remote regions of Koguryo. The scarcity of Buddhist monuments in Koguryo province suggests a weaker development of Buddhism outside the capital, indicating its importance to the central government and its wider spread among the upper classes. Apart from the general layout of the temple, the religious architecture of Bohai differs from Koguryo in that the temples mainly lack pagodas. This may be due to different ways of Buddhist architecture spread in Bohai. However, the recent discovery of the remains of an octagonal pagoda at Guchencun 1 Temple suggests two pagoda construction traditions in Bohai: one from Koguryo and another possibly influenced by the Tang Empire.

Key words: Koguryo, Bohai, Buddhist architecture, pagoda, Buddhism, Democratic People's Republic of Korea, China.

ВВЕДЕНИЕ

Археологическое наследие государства Когурё известно по многочисленным погребальным памятникам, особенно курганам с настенной живописью. На

некоторых из них представлены буддийские мотивы, позволяющие реконструировать духовную культуру населения Когурё. Материальным отражением буддийского культа являются культовые предметы и архитек-

Максим Александрович Стоякин – PhD, научный сотрудник отдела археологии Института культурного наследия Кореи, e-mail: stake-14@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9558-3533>.

Maksim A. Stoyakin – PhD, Researcher, Archeology Department of National Research Institute of Cultural Heritage.

турные конструкции, выявленные на местах предполагаемых буддийских храмовых построек на территории государства.

Согласно «Самгук саги», буддизм на Корейском полуострове был принят в 372 г. в Когурё. Однако спорадические записи из письменных источников о сооружении храмов слабо раскрывают процесс развития буддизма в этом государстве. Малоизвестна и буддийская культовая архитектура, которая является важным элементом культуры буддизма и ее отражением в той или иной стране. Изучение особенностей буддийской культовой архитектуры позволяет понять, каким образом буддизм закреплялся не только в Когурё, но и на Корейском полуострове, и в Японии. Когурё было доминирующей силой практически на всем протяжении периода Трех государств в Корее, многие заимствования передовой культуры из Китая или степной культуры активно применялись южными соседями через Когурё. Позднее в Объединенной Силла и в Корё буддизм закрепился в качестве ведущей религии на Корейском полуострове. Он и сегодня играет важную роль в религиозной жизни Южной Кореи.

Буддийская архитектура была мало затронута в работах отечественных исследователей [Джарылгасинова, 1972; Толстокулаков, 2002]. Только в начале XXI в. вышла монография, посвященная буддийским храмам Кореи [Тян, 2001]. Краткий раздел в ней посвящен периоду Трех государств, где автор раскрыл особенности когурёского храмового комплекса, впервые привел краткую характеристику археологии известных храмов. При этом он не учел несколько памятников, не определил их хронологию, не дал описание археологического материала, в том числе предметов буддийского культа.

Определенное внимание этой тематике уделяется в корейской историографии. Проработаны письменные и археологические источники, проводятся сравнительные исследования с материалами из других корейских государств и Китая, разрабатывается хронология [Пан Хакбон, 2006; Ян Ынгён, 2008; Чо Хонгю, 2019]. Несмотря на интерес корейских исследователей, важно отметить, что в новой обобщенной монографии по археологии Когурё [Кан Хёнсук, Ян Сиын, Чхве Чонтхэк, 2020] отсутствует раздел, касающийся буддийской архитектуры, и это выглядит довольно необычно. Еще меньше внимания уделено нашей теме на примере Китая. Однако результаты археологических исследований многослойного раннесредневекового буддийского памятника Гучэнцунь-1 и -2, проведенных в последние годы китайскими исследователями в бассейне р. Туманган, позволяют пересмотреть существующие концепции о начальном этапе развития буддизма в Когурё [Сун Юйбинь, Се Фэн, Пяо Минли, 2022; Се Фэн, Бао Яньмен, Чжан Чжэ, 2022].

В настоящей статье автор считает важным обобщить и дополнить информацию по буддийским храмам Когурё, представить их хронологию, рассмотреть более подробно главный элемент комплексов – пагоду и полученные результаты сравнить с другими культурами, что

позволит показать особенности когурёской буддийской архитектуры в регионе. С этой целью мы обобщили комплекс письменных корейских источников: «Самгук саги» (1145 г.), «Самгук юса» (1285 г.), «Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря» (начало XIII в.)¹. Кроме того, был привлечен эпиграфический материал Когурё, причем все источники были сопоставлены с археологическими данными.

ПИСЬМЕННЫЕ И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Начиная с «Самгук саги», в источниках сообщается, что в 375 г. для первых китайских монахов – Шуньдао и Адо – были созданы два монастыря – Чхонмун-са и Ибуллан-са [Ким Бусик, 1995, с. 80; Ирён, 2018, с. 444]. Они, видимо, были возведены в столице (или рядом с ней)², однако уже в древности возникли разногласия по поводу ее местонахождения. Ирён считал локацию столицы к северу от р. Ялуцзян и потому критиковал Какхуна, соотносившего их с посещенными лично им монастырями в столице Корё, т.е. г. Кэсон [Ирён, 2018, с. 444–445]. Однако в бассейне р. Ялуцзян, а именно в современном городе Цзиань (пров. Цилинь, КНР), где столица находилась до переноса ее в район г. Пхеньяна в 427 г., до сих пор не найдены остатки буддийского храма³. При этом Ю.В. Болтач считает, что речь может идти скорее о «Пхёнъяне Тонхвасон», куда в 343 г. был перенесен центр государства [Какхун, 2007, с. 50]. Далее в «Самгук саги» сообщается о возведении 9 храмов в Пхёнъяне в 394 г. и храма Кымганса в 498 г., наличии храма во внешнем городе столицы, храма Пансан-са и др. [Ким Бусик, 1995, с. 81, 90, 105, 125; Тян, 2001, с. 12], но конкретные сведения о них отсутствуют.

В «Самгук юса» имеется упоминание, что некий когурёский правитель до появления буддизма в Когурё на пограничных территориях обнаружил трехъярусную глиняную пагоду необычной формы, но не знал, что это такое. Вскоре он обратился в буддизм и даже воздвиг деревянную пагоду в 7 ярусов у г. Ёдонсон («Ляодунской крепости») [Ирён, 2018, с. 492]. На фреске из гробницы «Ляодунская крепость» (вторая половина IV – начало V в.), обнаруженной на территории КНДР [Стоякин, 2023], изображено городище с многоярусной черепичной постройкой. Возможно, это изображение буддийского храма, упоминаемого в летописи.

В этом же источнике говорится, что наставник Подок в VII в. основал храм Ёнтхапса (Подоккуль – по Р.Ш. Джарылгасиновой), расположенный в 20 км на запад от г. Пхёнъян, у восьмигранной семиярусной

¹ Ирён – автор «Самгук юса», во многом использовавший труд Какхуна в своей работе.

² В.Д. Тян [2001, с. 12] безапелляционно указывает: «рядом с королевским дворцом».

³ Здесь обнаружена бронзовая позолоченная статуэтка сидящего Будды [Цзиань..., 2010, с. 101]. По стилю ее можно отнести к танским образцам, т.е. позднему периоду Когурё или Бохаю.

каменной пагоды, скрытой под землей [Ирён, 2018, с. 497–498]. Судя по такой своеобразной «стратиграфии», здесь могли находиться остатки более раннего комплекса.

Из текста на плакетке из храма Омэри известно, что пагода была пятиуровневой, с украшением на шпиле. Дата ее сооружения приходится на 3-й год *тхэхва*, который может быть соотнесен с 546 г. [Стоякин, 2012].

На задней стороне нимба⁴ случайно обнаруженной в 1963 г. в Южной Корее буддийской позолоченной статуэтке с датой «седьмой год ёнга» (539 г.) присутствует текст, где сообщается о существовании храма Тонса («Восточного Храма») с 40 монахами в районе Лолана [Джарылгасинова, 1972, с. 25; Толстоулаков, 2002, с. 47], т.е. Пхеньяна, так как располагавшийся здесь этот китайский округ был захвачен когурёсцами в 313 г.

Таким образом, немногочисленные источники указывают на наличие буддийских храмов, в основном в районе г. Пхеньяна, и выделяют особый элемент архитектуры – пагоду разнообразных форм, чаще всего – восьмигранную и семиуровневую.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

До недавнего времени буддийские памятники Когурё были обнаружены только на территории Северной Кореи. Традиционно насчитывается 5⁵ храмов в районе г. Пхеньяна: Чхонамни (Кымганса), Чоннынса, Санори и соседних уездов: Вонори – в уезде Пхёнвон, Тхосонни – в уезде Понсан, где проводились археологические исследования. Частично эти объекты были изучены японскими археологами во время аннексии Кореи. В 1973–1975 гг.⁶ Чоннынса (рис. 1) был полностью исследован и в 1991–1993 гг. масштабно реконструирован. Кроме того, в 1980-х гг. был раскопан Тхосонни [Нам Иллён, 1987]. Но распашка на памятниках не способствовала их сохранности. Раскопки как японскими, так и северокорейскими исследователями проводились не на должном уровне: на большинстве памятников (кроме Чоннынса) вскрыты в основном центральные участки, отсутствует четкая информация по стратиграфии. Следует также учитывать тот факт, что некоторые храмы перестраивались позже – в период Корё. В конечном счете, была получена ограниченная и, возможно, неточная информация о буддийских объектах Когурё.

На всех памятниках зафиксированы фундаменты от построек, причем на каждом из них обнаружены остатки восьмиугольной пагоды в центре, окруженной с трех сторон (кроме южной) павильонами. Под-

робное описание конструкции и размеров четырех храмов приведено в монографии [Тян, 2001, с. 82–84]. Что касается Тхосонни, то в результате раскопок здесь также были вскрыты остатки восьмигранной пагоды в центре и постройки по бокам, а кроме того, на Ю–В – округлого в плане сооружения, выстланного кирпичами. Периметр основания пагоды, равный 63 м, с диаметром 22 м выявлен под слоем битой черепицы толщиной 25–30 см. Большинство изделий – красного цвета, найдены верхняя, нижняя черепица и концевые диски с лotosовым орнаментом [Нам Иллён, 1987].

На территории когурёских буддийских храмов обнаружены различные предметы буддийского культа. В Чоннынса найдено предположительно украшение нимба статуэтки, в Чхонамни – позолоченная бронзовая *калавинка* и цветок от нимба статуэтки. Рядом с этим памятником обнаружена плоская позолоченная бронзовая корона с языками пламени, которая могла украшать голову деревянной бодхисатвы, а также собраны детали нимба, фрагменты бронзовой статуэтки. В Тхосонни найдены 3 керамические формы для изготовления фигурки сидящего Будды, а в Вонори – более 200 терракотовых фрагментов сидящего Будды и более 100 фрагментов фигурок бодхисатв. В Волльилли (пров. Южная Пхёнан) собраны 3 подставки под буддийские скульптурки. В Хванджу (пров. Хванхэ) найдена статуэтка сидящего Будды из талька. Широкую известность получила позолоченная бронзовая фигурка Будды Амитабхи с 2 сопровождающими с датой «синмё» (571 г.) из Понсанни [Ян Ынгён, 2008, с. 181–194; Толстоулаков, 2002, с. 46–47]. Важно отметить, что информация о большинстве находок не имеет четкой хронологической привязки, не исключено, что часть из украшений может быть датирована периодом Корё.

В последнее время большой интерес вызвали результаты исследований остатков буддийских храмов периода Когурё и Бохай в долине р. Туманган [Сун Юйбинь, 2022; Сун Юйбинь, Се Фэн, Пяо Минли, 2022; Се Фэн, Бао Яньмен, Чжан Чжэ, 2022], которые позволяют пересмотреть существующие концепции о начальном этапе развития буддизма в Когурё и особенностях архитектуры бохайского храма. На памятнике Гучэнцунь-2 обнаружен хорошо сохранившийся двор буддийского храма с типичной для Когурё восьмиугольной конструкцией. Раньше ее определяли как молитвенный зал [Се Фэн, Бао Яньлин, Чжан Чжэ, 2022, с. 170], но после этого памятник был включен в число 10 величайших археологических открытий Китая 2022 г., его стали интерпретировать как остатки первой восьмиугольной деревянной пагоды государства Бохай [Ян Ынгён, 2023, с. 31]. Найденный там богатый реликварий, несомненно, усилил интерес исследователей к данному объекту.

Расположенный рядом с ним Гучэнцунь-1 подвергся сильному разрушению, однако выявленные там черепичные диски с орнаментом, характерным для трех царств Янь, но уже с надписью, типичной для ранней когурёской черепицы, позволили датировать этот

⁴ В работе Р.Ш. Джарылгасиновой [1972, с. 25] неточно указано, что надпись была на мандале и обозначен год «ёнга».

⁵ К ним можно добавить храм Омэри, расположенный в пров. Южная Хамгён, исследован в 1980-х гг. Он был основательно перестроен в Бохэе, что усложняет определение принадлежности конкретных построек к периоду Когурё [Стоякин, 2012].

⁶ Неточно отмечено как 1945 г. [Тян, 2001, с. 12].

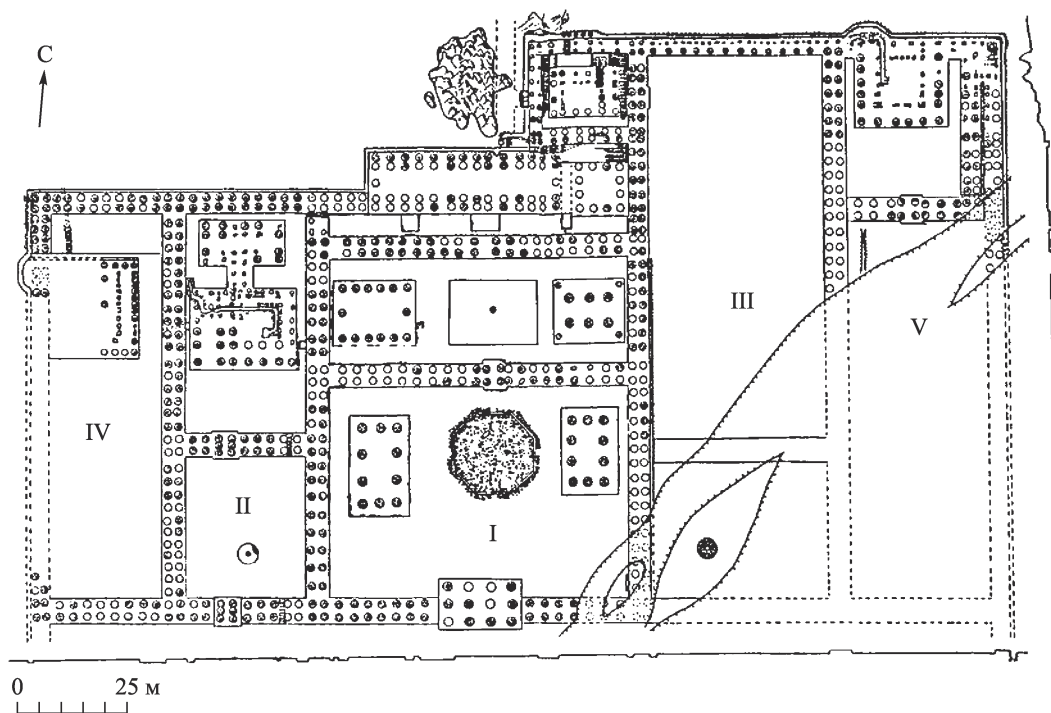

Рис. 1. План храмового комплекса Чоннынса (по: [Чо Хонгю, 2019, с. 118]).

Fig. 1. Plan of the temple complex (by: [Ju Honggyu, 2019, p. 118]).

Рис. 2. Концевая черепица Когурё из буддийского храма:

1–3 – Чхонамни, 4–5 – Санори, 6 – Вонори, 7–10 – Чоннынса). Без масштаба (по: [Чо Хонгю, 2019, с. 110, 113, 117, 120]).

Fig. 2. Koguryo end tiles from a Buddhist temple (1–3 – Cheongam-ri, 4–5 – Sano-ri, 6 – Wono-ri, 7–10 – Jeongneungsa). No scale (by: [Ju Honggyu, 2019, pp. 110, 113, 117, 120]).

храм V в. н.э. – точнее, 412 или 472 гг. [Сун Юйбинь, Се Фэн, Пяо Минли, 2022, с. 154–155] или началом V в. [Сун Юйбинь, 2022, с. 423; Се Фэн, Бао Яньлин, Чжан Чжэ, 2022, с. 164].

Представляет интерес и точка зрения Тянь Ликуня [2016], который по аналогиям орнамента и метода изготовления концевых дисков Гучэнцунь 1 и памятника Цзиньлинсы (金嶺寺), датируемого ранней Янь, считает, что ремесленники пришли в бассейн р. Туманган после краха этого государства. Ими могли быть пущицы или их преемники, которых в свое время *мужуны* увели с собой в Ляоси после нападения на Пуё в IV в.⁷

Кроме того, анализ черепицы с разрушенного храма Янмулиньцзы, расположенного к востоку от указанных выше, позволил датировать его периодом после переноса столицы Когурё в Пхеньян в 427 г. [Сун Юйбинь, 2022, с. 423].

Результаты археологических исследований когурёских храмов позволили подкрепить некоторые письменные данные, а последние раскопки предоставили новую информацию о более раннем распространении буддизма в отдаленных регионах Когурё на северо-востоке Китая.

ХРОНОЛОГИЯ БУДДИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРИОДА КОГУРЁ

Ниже рассмотрим датировку буддийских храмов в КНДР. Находка когурёской черепицы и позолоченной бронзовой таблички, датируемой VI в. на бохайском храме Омэри в КНДР, позволяет говорить о начальном этапе его функционирования в Когурё. Надпись на статуэтке относит к близкому времени и храм Тонса в Пхеньяне. Судя по находке в храме Пхёнчолли буддийской статуэтки с тем же «седьмым годом ёнга» [Джарылгасинова, 1972, с. 25]⁸, как у рассмотренной выше находки из Южной Кореи, он также мог существовать в первой половине VI в.

По письменным источникам известно о строительстве 11 буддийских храмов во второй половине IV в. Еще 8 храмов сооружено при последнем ване Поджане в середине VII в. В 498 г. в правление вана Мунджа был возведен храм Кымганса, с ним многие исследователи идентифицируют остатки храма Чхонамни [Тян, 2001, с. 12, 75]. Это единственный случай соотнесения археологического памятника Когурё с храмом из письменных источников. Несмотря на множество признаков, отсутствует датирующий материал, который бы подтверждал данное предположение. В этом отличие от храмов Пэкче и Силла, для которых вопросы идентификации решаются более четко. Таким образом, хронология этого типа памятников в Когурё до сих пор проработана слабее.

Как правило, при определении хронологии учитывается размещение храма и столицы Когурё. В 427 г. она была перенесена в г. Пхеньян, с ним исследователи соотносят северо-восточный район современного г. Пхеньяна с центром в Анхаккуне (в КНДР) или Чхонамдон. К юго-западу от него, вблизи, расположены храмы Чхонамни и Санори, которые, видимо, находились на территории столичной области. К раннему времени отнесен и храм Чхоннынса, отстоящий от центра в 20 км на юго-восток за р. Тэдонган [Ян Ынгён, 2008, с. 202–203].

Позже к 586 г. был достроен Чанансон – новый центр государства, чьи валы тянутся по центру современного Пхеньяна. В северной части города расположены храмы Чунхынса и Ёнмёнса (по: [Пан Хакбон, 2006]), в южной – Пхёнчолли и еще южнее за р. Тэдонган, на левом берегу, – храм Тхосонни. Первые два могли использоваться семьей вансе, а последние два, скорее всего, были доступными для всех слоев населения. Указанные четыре храма, судя по их локациям в Чанансоне, можно датировать более поздним временем. Этому как будто не противоречит датировка буддийских скульптур из храмов Пхёнчолли и Тхосонни, которые по стилю можно отнести к VI–VII вв. [Ян Ынгён, 2008, с. 203]. Данная гипотеза имеет право на существование, но не следует исключать вероятность того, что храмы могли быть воздвигнуты и ранее, до основания здесь столичного города. Датировки скульптуры здесь вряд ли могут помочь, с учетом разницы в два века, а кроме того, следует учитывать время сооружения раннего храма Кымганса (498 г.).

Отсутствие точного указания места находок и неудовлетворительные данные стратиграфии не позволяют максимально объективно выявить полную планиграфию и архитектурные особенности когурёской буддийской архитектуры и ее хронологию. Поэтому для определения датировки буддийских храмов необходимо обратиться к другому массовому археологическому материалу – черепице. Однако на памятниках кроме когурёских находок встречен и более поздний материал периода Корё, который по стилю иногда слабо отличается от когурёского, а критерии разделения материала по эпохам еще слабо разработаны.

В связи с этим большое значение приобретают новейшие исследования южнокорейского специалиста Чо Хонгю. Опираясь на орнамент и метод изготовления концевой черепицы, собранной на памятниках Когурё, он выделяет среди смешанного разновременного набора черепичные диски, которые с высокой степенью вероятности можно отнести к когурёскому времени, и на их основе предложил периодизацию храмов.

Чо Хонгю [2019, с. 130] предполагает, что возведение храма Чхонамни может относиться к периоду последней четверти V в. – третьей четверти VI в. Храм Чоннынса, по его мнению, выполнял функцию поминального храма у предполагаемого погребения вана Мунджа и мог существовать с первой до четвертой четверти VI в. Что касается храма Вонори, то он был возведен ранее третьей четверти VI в., а в последней

⁷ Возможно, такая гипотеза связана с материалами из сяньбийского могильника Ламадун, где по генетическим результатам обнаружили следы присутствия *пущицев* – северных соседей Когурё с близкой им культурой.

⁸ Существует мнение о современной подделке надписи из-за схожего характера надписи.

четверти VI в. мог ремонтироваться или перестраиваться. Трудно определить точные даты возведения храма Санори, но на этой территории присутствовали черепичные постройки последней четверти V в. – третьей четверти VI в.

Таким образом, несмотря на утверждения письменных источников о возведении около 10 храмов в Пхеньяне в конце IV в., анализ археологических находок – концевых дисков – позволяет говорить о наличии на территории современного г. Пхеньян черепичных построек в когурёских храмах только с последней четверти V в. и о более раннем существовании буддийских построек на территории современного Китая.

ОСОБЕННОСТИ БУДДИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ КОГУРЁ

Ниже рассмотрим особенности архитектуры буддийских храмов в Когурё, уделяя особое внимание центральному объекту – пагоде. Основу композиции буддийского храма в Когурё составляла восьмигранная пагода в центре, вокруг которой с трех сторон размещались три павильона. К пагоде с юга вел главный вход. Внутри центрального (северного) павильона находился подиум для статуи Будды (например, как в храме Пхёнчолли) и большое разнообразие фигурок Будды, бодхисатв и других предметов мелкой пластики. От главного северного алтаря по бокам располагались колокольня и павильон с сутрами. Севернее их простирался длинный зал для проповедей. От пагоды к каждому павильону вели дорожки, мощенные галькой. По бокам комплекса, огороженного галереями, размещались столовая и другие подсобные помещения, в которых хранилась необходимая для жизни монахов простая утварь.

Композиция храмового ансамбля «одна пагода и три павильона» является классической для когурёского буддийского строительства. Эта особенность отличает ее от соответствующих комплексов в Пэкче и Силла [Толстоулаков, 2002, с. 42]. В Китае до сих пор не обнаружены храмы с подобной планировкой. Только в Японии на самом древнем (588 г.) храме Асукадэра зафиксирована такая планировка, хотя обычно по расположению построек она близка к пэкчским храмам. Японские летописи передают, что для возведения Асукадэра привлекались ремесленники из Пэкче. При этом среди черепицы зафиксированы концевые диски когурёского типа [Чо Хонгю, 2019, с. 130]. В Китае пагода располагалась на оси комплекса впереди главного здания, что характерно и для когурёских храмов. Только в период Тан конструкция буддийского комплекса меняется: в центре доминирует зал Будды, по бокам от которого стоят 2 пагоды [Всеобщая история..., 1971, с. 353].

Центром храмового комплекса в Когурё являлась деревянная пагода, только в храме Ёнтхапса (по легенде) она была каменной. Вместе с тем до настоящего времени сохранились каменные пагоды позднего периода Трех Государств в Пэкче (храм Мирыкса, Чоннимса и др.) и в Силла (Пунхванса, Соккатап, Та-

потап и др.). Возможно, и в Когурё могли быть такого рода конструкции.

Судя по форме фундамента, пагоды Когурё в основном строили на основании восьмиугольной формы, только в Омэри она была четырехугольной формы. Но ее принадлежность к Когурё определяется датирующей надписью на бронзовой плакетке, так как в планировке она ближе к бохайским⁹ [Ахметов, 2014; Стоякин, 2012]. Эта находка могла долгое время храниться в храме и до периода Бохая.

Первая восьмигранная пагода в Китае была сооружена в середине VIII в., а через век становится основной формой при возведении пагод. Причем пагода Сунъюэсы VI в. имела 12 граней и 15 карнизов, внутри нее находилась восьмиугольная шахта [Всеобщая история..., 1971, с. 358]. До настоящего времени сохранилась самая древняя (1056 г.) и высокая (67,13 м) деревянная пагода в Инсяне, которая имеет восьмиугольную форму и 9 ярусов. Восьмигранная форма, возможно, отражала стремление сделать пагоду более округлой, напоминающей индийские ступы, откуда она произошла [Тян, 2001]. Кроме того, эта форма могла быть более устойчивой к землетрясениям, о которых часто упоминают письменные источники.

В Когурё восьмиугольные постройки, видимо, появляются довольно рано. В кургане №1 Чжанчуань в долине г. Цзиань (конец IV в. – начало V в.) потолочная конструкция имеет в плане восьмиугольную форму. Аналогичным количеством граней представлено изображение колонн на фресках в курганах Тхэсонни №1 и Ссанёнчхон. Что касается поселений, то наиболее ярко они прослежены в качестве двойного объекта в дворцовом комплексе VI в. (по: [Кан Хёнсук и др., 2020, с. 60]) на столичном горном городище Ваньду. Однако неизвестно, были они связаны с пагодами или с другими ритуальными постройками. Возможно, что это могли быть и остатки от беседок, находившихся рядом с дворцовыми постройками. Фундамент такой же формы имела беседка в парке, установленная к востоку от дворцового города Верхней столицы Бохая. К самым известным постройкам с восьмиугольным фундаментом в этом государстве можно отнести каменный фонарь, который стоял раньше на территории одного из храмов во внешнем городе Верхней столицы.

В Пэкче конструкции такой формы неизвестны. Только в последнее время появились единичные находки восьмиугольных построек периода Силла: ритуальная конструкция Наджон, в храме Хыннёнса, соотносимого с храмом Ёнмёса из летописи, на горном городище Исон и т.д. [Ян Ынгён, 2023].

Обычно длина грани пагод в Когурё составляла 8–10 м, а ширина – 20–25 м. Возможно, разница в размерах могла влиять на общую высоту пагоды. Деревянные пагоды в когурёских комплексах не сохранились. Поэтому мы можем только предполагать их высоту

⁹ При этом пагоды были надмогильной конструкцией и имели другую функцию в Бохае.

и количество уровней. Для этих целей можно использовать данные из письменных источников. Например, согласно «Самгук юса», пагода у Ляодунской крепости имела 7 ярусов, как и в храме Ёнтапса. В Омэри находилась пятиярусная пагода. Все эти храмы расположены в провинции. Видимо, более значимые храмы в столице могли быть украшены пагодой свыше 7 ярусов. Если обратиться к аналогиям, то в Пэкче и Силла обнаружены пагоды с 5, 7 и 9 ярусами. Среди них сооружения в таких масштабных храмах, как Мирыкса, Хваннёна и Пунхванса, имели девятиуровневые пагоды. В Северной Вэй в V в. возведена семиярусная деревянная пагода, а уже в VI в. в столичных храмах сооружались пагоды с 9 и 15 ярусами [Всеобщая история..., 1971, с. 339–340]¹⁰.

Таким образом, можно наблюдать принцип сооружения в главных храмовых комплексах страны на Корейском полуострове и Китае пагоды с 9 ярусами (и выше). Скорее всего, в таких важных когурёских храмах, как Чоннынса и Кымганса, возвышались деревянные девятиярусные пагоды.

В храмах Пэкче и Силла VI–VII вв. (Кунсури, Кымганса, Хваннёна) при сооружении пагоды в ее основании часто закладывали реликварий, содержание которого демонстрирует высокий уровень ремесленного мастерства. Однако в Когурё реликварии в основании пагод не обнаружены. Но такая традиция существовала в Китае¹¹. Реликварий найден и в бохайском храме Гучэнцунь-2. В дальнейшем необходимы дополнительные исследования причин их отсутствия в Когурё.

По мнению северокорейских исследователей, храм Чхонамни был сооружен у места погребения основателя Когурё – Тонмёна, позднее его перенесли в этот район. Таким образом, данный храмовый комплекс по его расположению можно отнести к ритуально-поминальному, возведенному у курганов правителей. Такой тип храмов есть и в Пэкче, и в Силла. Рядом с курганным комплексом в Нынсанни в Пуё в 1990-х гг. был исследован одноименный храмовый комплекс, ставший известным благодаря бронзовой курительнице – художественному шедевру позднего периода Пэкче. В Силла в качестве примера можно назвать храмы Иго или Сачхован, находящиеся недалеко от погребения королевы Сондок.

Распространение буддизма на Корейском полуострове, как отмечают исследователи, насаждалось сверху. Именно ван и его приближенные первые приняли буддизм. В 392 г. Сосурим ван повелевал почитать Учение Будды [Ким Бусик, 1995, с. 82]. В китайской летописи «Цзю Таншу», «Описание восточных варваров» в разделе о Когурё находим упоминание, что «...только дворцы, присутственные

места и храмы покрыты черепицей» [Бичурин, 1950, с. 99–100]. Это отражает не только высокий социальный, но и материальный статус буддийских построек и храма как такового. Буддизм играл важную роль среди высших слоев общества. Об этом свидетельствует присутствие развитой буддийской тематики на фресках ряда курганов (особенно Чанчуань (кор. Чанчхон) № 1 и № 2). Несмотря на то, что буддизм проник в Когурё довольно рано, большое количество храмов обнаружено только в г. Пхеньян, где была сконцентрирована центральная власть. Что касается буддийских памятников, расположенных в провинции, то их было не так много. Особенно, это касается территории Китая, где в большом количестве сохранились крепости или погребения, но почти нет остатков храмов. Исключение составляют лишь разрушенные храмы Янмулиньцзы и Гучэнцунь-1 в бассейне р. Туманган, храм у Ляодунской крепости из фрески и храмовый комплекс Омэри на северо-востоке КНДР. Видимо, буддизм за два с половиной века не настолько окреп, чтобы получить большое влияние в провинции¹². Таких памятников нет и на территории столичной области, в современном городе Цзиань, где находился центр государства на протяжении нескольких веков, сохранивший важную роль и после переноса столицы в Пхеньян.

Такая ситуация, видимо, была вызвана тем, что для населения важную роль продолжали играть местные верования, что зафиксировано и в «Бэйшу»: «Содержат буддийский закон; поклоняются духам. Много идолопоклоннических храмов» [Бичурин, 1950, с. 59]. Согласно графику, составленному С.В. Волковым на основе летописей «Самгук саги» и «Самгук юса», буддизм в государстве Когурё упоминается 35 раз. Ненормально это число превышает для Пэкче, но в 5 раз больше для Силла. Из них – половина относится к VII в. (см.: [Волков, 1985, табл. 2]). Таким образом, позиции буддизма в Когурё и Пэкче, несмотря на 200 с лишним лет его существования (начиная с принятия буддизма в конце IV в.), были слабыми. Конечно, редкое упоминание буддизма у Ким Бусика связано с его приверженностью конфуцианству, но этого нельзя сказать о буддийском монахе Ирёна. Возможно, на сложившуюся ситуацию могло повлиять и пренебрежительное отношение, и меньший интерес к культуре поверженных государств после объединения страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционно считалось, что с принятием буддизма в Когурё во второй половине IV в. велось сооружение многочисленных храмов в столице. Археологические исследования позволили выявить существование

¹⁰Существуют и исключения. Например, семиярусная пагода Даяньта VII в. в г. Чаньань или пятиярусная пагода в Хорюдзи в столице Нара в Японии.

¹¹Например, в пятиярусной пагоде Хуата (華塔址) династии Северная Вэй был обнаружен каменный ящик с *сарира*, на его крышке был указан «5 год тайхэ» (太和), который был соотнесен с 481 г. [Лю Лайчэн, 1966].

¹² Это подтверждают и письменные источники: во времена Ци (вторая половина VI в.) в Когурё еще плохо знали обстоятельства рождения Будды, поэтому пришлось послать монаха Ыйёна в Китай, чтобы он разузнал подробную информацию о буддизме [Какхун, 2007, с. 60]. На схожие проблемы указывает и Толстокулаков [2002, с. 36].

в этом государстве только 5 храмовых комплексов в столичной области и нескольких в провинции. Полученные данные позволяют дополнить ограниченные сведения из письменных источников, проследить развитие буддийской культовой архитектуры в Когурё и ее влияние на другие государства Корейского полуострова. Композиция храмового ансамбля, образованная пагодой в центре и тремя павильонами по сторонам, является типичной для когурёского буддийского строительства; в пагоде отсутствовал реликварий, что отличает их от пагод соседних государств. Изучение буддийской культовой архитектуры Когурё может дать ключ к реконструкции не дошедшего до настоящего времени аналогичного типа архитектуры в Китае, откуда она могла быть заимствована.

Буддийская культовая архитектура в Когурё повлияла на развитие технологии украшения крыши разными типами черепицы. Особенно разнообразным был лотосовый орнамент на концевой черепице. Исследование этих материалов позволяет определить относительную хронологию буддийских храмов при отсутствии радиоуглеродных датировок. Несомненно, в производстве черепицы, разнообразии буддийских культовых предметов – прежде всего статуэток и их украшений, прослеживается высокий ремесленный и художественный уровень в Когурё.

Распространение буддизма насаждалось сверху, на это указывает и высокий статус храмовых построек (отраженный также в летописи), расположение большинства храмов в столичной области. Это повлияло и на невысокий уровень развития буддизма в провинции. Храмы как внешнее отражение этой религии являлись опорой централизованной власти в идеологической сфере. После краха Когурё часть населения вошла в состав государства Бохай и также могла привнести с собой на новые территории буддийские воззрения. В последующем требуется провести более детальное сравнительное изучение буддийской архитектуры и искусства в этих государствах. Во многих храмах в Бохэе отсутствует главный компонент когурёского храма – пагода, что может быть связано с воздействием других традиций распространения буддийской архитектуры в Бохэе. Обнаружение в храме Гаочань и особенно в недавно выявленном храме Гучэнцунь-1 остатков восьмиугольной пагоды бохайского времени позволяет предполагать наличие двух традиций сооружения пагоды – когурёской и, видимо, танской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметов В.В. Бохайские пагоды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2014. Т. XX. С. 97–99.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. Т. 2. 335 с.
- Волков С.В. Ранняя история буддизма в Корее (сангха и государство). М.: Наука, 1985. 152 с.
- Всеобщая история архитектуры. Прибыткова А.М. (ред.). М.; Л.: Стройиздат, 1971. Т. 9: Архитектура Восточной и Юго-восточной Азии до середины XIX века / 643 с.
- Джарыылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев). М.: Наука, 1972. 204 с.
- Ирён. Оставшиеся сведения о Трёх государствах (Самгук юса). СПб.: Гиперион, 2018. 894 с.
- Какхун. Жизнеописание достойных монахов страны, что к востоку от моря (Хэдонкосын чон). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 184 с.
- Ким Бусик. Самгук саги. (Исторические записи трех государств). в 3 т. М.: Вост. лит., 1995. Т. 2. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. 763 с., разд. паг.
- Се Фэн, Бао Яньлин, Чжан Чжэ. В поисках уединенной тишины древнего храма – результаты археологических раскопок развалин храмов № 1 и № 2 села Гучэн городского уезда Хуньчунь провинции Цзилинь // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2022. № 1. С. 159–173.
- Стоякин М.А. Буддийская культовая архитектура бохайского времени в северной части Корейского полуострова // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3. С. 262–267.
- Стоякин М.А. О первой столице Когурё // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2023. Т. 22, № 10. С. 34–45.
- Сун Юйбинь. О первоначальном периоде проникновения буддизма на территорию долины р. Туманная // Средневековые древности Приморья. 2022. Вып. 5. С. 408–427.
- Сун Юйбинь, Се Фэн, Пяо Минли. Краткий отчет о систематизации предметов из остатков храма № 1 в селе Гучэн г. Хуньчунь провинции Цзилинь // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2022. № 1. С. 110–158.
- Толстоулаков И.А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. Ун-та, 2002. 240 с.
- Тян В.Д. Буддийские храмы средневековой Кореи. М.: Вост. лит., 2001. 174 с.
- Кан Хёнсук, Ян Сиын, Чхве Чонтхэк. Когурё когохак [Археология Когурё]. Квачхон: Чининджин, 2020. 402 с. (на кор. яз.).
- Лю Лайчэн. Каменный ящик династии Северная Вэй, обнаруженный в уезде Дин провинции Хэбэй [Хэбэй Динсянь чу ту Бэйвэй шихань] // Каогу. 1966. № 5. С. 252–266 (на кит. яз.).
- Нам Иллён. Об остатках когурёского храма в Тхосонни уезда Понсан пров. Северная Хванхэ [Хванхэпукдо Понсангун Тхосонни Когурёчольхэ тхэаё] // Чосон когоёнгу. 1987. № 4. С. 8–13 (на кор. яз.).
- Пан Хакбон. Когурёсонгва чольхэ ёнгу [Изучение городищ и храмов Когурё]. Сеул: «Синсон», 2006. 331 с. (на кор. яз.).
- Тонмённанынква кы пугыный Когурёоджок [гробница Тонмёна и рядом расположенные когурёские памятники]. Пхеньян: Изд-во ун-та Ким Ир Сэна, 1976. 250 с. (на кор. яз.).
- Тянь Ликунь. Фон концевых дисков яньского типа, обнаруженных в Хуньчуне пров. Цзилинь [Цзилинь Хунчуньфасянь дэ янь си ваданчжи бэйцзин] // Каогу юй вэнь [Археология и культурные реликвии]. 2016. № 6. С. 25–29 (на кит. яз.).
- Цзиань чу ту Гаоцзюли вэньу цзисюй [Коллекция культурных реликвий Когурё, обнаруженных в Цзиане]. Пекин: «Кэсюэ», 2010. 217 с. (на кит. яз.).
- Чо Хонгю. Киваро пон Пхёнъянджиэк Когурё савонюджокый чоёнсиги комтхо [Рассмотрение времени возведения храмовых памятников Когурё в районе г. Пхеньян по черепице] // Когурё Пархэ ёнгу [Изучение Когурё и Бохая]. 2019. № 65. С. 103–134 (на кор. яз.).
- Ян Ынгён. Проблема места нахождения буддийской скульптуры Когурё и Бохая на буддийских храмах в Северной Корее и их наследственные связи [Пукханный пульгёсавонджи чхультхо Когурё, Пальхэ пульсаный чхультходжи мунджэва кесын квангё] // Когурё Пархэ ёнгу [Изучение Когурё и Бохая]. 2008. № 31. С. 179–210 (на кор. яз.).
- Ян Ынгён. Структура и система построек восьмиугольной формы в Бохэе: на основе остатков деревянной пагоды храма Гучэнцунь № 2 в пров. Цзилинь [Пальхэ пхальгакконмуджиджи куджова кетхон – Киллимсон Косончхон 2 хо савонджи моктхаджириль чунсимыро] // Тонасия кодэсавоный чхвэсин пальгильсонгва мит сэроун вихэ [Результаты новейших раскопок древних храмов Восточной Азии и новое понимание]. Тэджон, 2023. С. 29–46 (на кор. яз.).

REFERENCES

- Akhmetov V.V. (2014). Bohai pagodas. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, vol. 20, pp. 97–99. (In Russ.)
- Bichurin N.Ya. (Iakinf). (1950). A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, vol. 2, 335 p. (In Russ.)
- Dzharylgasinova R.Sh. (1972). Ancient Koguryo people. (On the ethnic history of the Koreans). Moscow, Nauka, 202 p. (In Russ.)
- Kakhun. (2007). Lives of worthy monks of the Country east of the sea (The Haedong Koseung Chun). Saint Petersburg, Izd-vo SPBGU, 184 p. (In Russ.)
- Iryong. (2018). Remaining information about the three states (Samguk yusa). Saint Petersburg, Giperion, 894 p. (In Russ.)
- (2010). Collection of Koguryo cultural relics unearthed in Ji'an. Beijing, Kēxué chūbǎnshè, 217 p. (In Chin.)
- Ju Honggyu. (2019). Determining the time of construction of Goguryeo temple monuments in Pyongyang area by analyzing roof tiles. *Koguryo Parhae yongu*, no. 65, pp. 103–134. (In Kor.)
- Kang Hyunsuk, Yang Si-Eun, Choi Jeong-Taek. (2020). Archaeology of Koguryo. Gwacheon, Jinjin, 402 p. (In Kor.)
- Kim Busik. (1995). Samguk sagi (Historical records of the three states). In 3 vols. Chronological tables. Moscow, Vost. lit., vol. 2. Chronicles of Koguryo. Chronicles of Baekje, 763 p., pag. var., 320 p. (In Russ.)
- Liu Laicheng. (1966). Stone box of the Northern Wei dynasty, discovered in Ding County, Hebei Province. *Kaogu*, no. 5, pp. 252–266. (In Chin.)
- Nam Illyong. (1987). About the remains of the Koguryo temple in Thoseongni, Pongsan County, North Hwanghae Province. *Joseon gogyeongu*, no. 4, pp. 8–13. (In Kor.)
- Pan Hakbong. (2006). Study of Koguryo hillforts and temples. Seoul, Sinson, 331 p. (In Kor.)
- Pribytkova A.M. (ed.) (1971). General history of architecture. In 12 vols. Vol. 9. Architecture of East and Southeast Asia until the middle of the 19th century. Moscow, Leningrad, Stroyizdat, 643 p. (In Russ.)
- Song Yubin. (2022). On the initial period of Buddhism penetration into the territory of the Tumen river valley. *Srednevekovye drevnosti Primor'ya*. Vladivostok, iss. 5, pp. 408–427. (In Russ.)
- Song Yubin, Xie Feng, Piao Minli. (2022). A brief report on the systematization of objects from the remains of temple No. 1 at Gucheng village, Hunchun, Jilin Province. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 1, pp. 110–158. (In Russ.)
- Stoyakin M.A. (2023). About the first Koguryo capital. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 22, no. 10, pp. 34–45. (In Russ.)
- Stoyakin M.A. (2012). Buddhist religious architecture of the Bohai period in the northern part of the Korean Peninsula. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 11, no. 3, pp. 262–267. (In Russ.)
- Tolstokulakov I.A. (2002). Essay on the history of Korean culture. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostoch. un-ta, 240 p. (In Russ.)
- (1976). Tongmyeong's tomb and nearby Koguryo monuments. Pyongyang, Kim Il Sung Univ. Publ., 250 p. (In Kor.)
- Tian Likun. (2016). Background of Yan-type end tile discs discovered in Hunchun, Jilin Province. *Kaogu yu wenwu*, no. 6, pp. 25–29. (In Chin.)
- Tyan V.D. (2001). Buddhist temples of medieval Korea. Moscow, Vostoch. lit., 174 p. (In Russ.)
- Volkov S.V. (1985). Early history of Buddhism in Korea (Sangha and state). Moscow, Nauka, 152 p. (In Russ.)
- Xie Feng, Bao Yanling, Zhang Zhe. (2022). In search of the secluded silence of an ancient temple – the results of archaeological excavations of the ruins of temples No. 1 and No. 2 at Gucheng village, Hunchun City, Jilin Province. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 1, pp. 159–173. (In Russ.)
- Yang Eun-Gyeng. (2008). The problem of the location of Koguryo and Bohai Buddhist sculpture on Buddhist temples in North Korea and their ancestral connections. *Koguryo Parhae yongu*, no. 31, pp. 179–210. (In Kor.)
- Yang Eun-Gyeng. (2023). Structure and system of octagonal buildings in Bohai: based on the remains of the wooden pagoda of Guchencun temple No. 2 in Jilin Province. *Tonasia kodesavony chwesin palgulsongwa mit seroun ihe*. Daejeon, pp. 29–46. (In Kor.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2024

Дата рецензирования 17.01.2024

Статья принята к публикации 29.01.2024

DOI: 10.15372/HSS20240105
УДК 903.59 (510)
EDN: MVOIBA

В.В. АХМЕТОВ

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ БОХАЙЦЕВ (НА МАТЕРИАЛАХ МОГИЛЬНИКА ЛЮДИНШАНЬ)

Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Могильник Людиншань является одним из крупнейших бохайских могильников. Анализ материалов из этого памятника позволяет прояснить особенности бохайского погребального обряда. Всего на могильнике – 235 погребений. На нем выделено два участка захоронений. На участке 1 зафиксировано 105 могил, из них 58 – грунтовых, остальные – с каменными погребальными конструкциями, включая масштабные каменные склепы. На участке 2 зафиксировано 130 могил, из них грунтовых – 97, остальные – с каменными погребальными конструкциями, причем крупные каменные склепы здесь не встречены. Характерными для могильника являются первичные погребения в сочетании со вторичными, а также коллективные захоронения, широко распространена кремация. Погребальный инвентарь представлен в основном керамическими сосудами, металлическими изделиями (украшения, предметы поясного набора, гвозди). Материалы могильника Людиншань характерны для погребального обряда раннего периода государства Бохай (VIII в.).

Ключевые слова: Бохай, мохе, Людиншань, каменные склепы, грунтовые погребения.

V.V. AKHMETOV

FEATURES OF THE FUNERAL RITES OF BOHAI PEOPLE (BASED ON MATERIALS FROM THE LUDINGSHAN BURIAL GROUND)

Novosibirsk State University,
1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The Ludingshan burial ground is one of the largest Bohai burial grounds. The total number of burials at the burial ground is 235. There are two burial areas at the burial ground. In burial site 1, which is located on the western side, 105 graves were recorded, in burial site 2, which is located on the eastern side – 130. The burials at the burial ground are divided into two large groups – ground and stone. Ground graves are divided into: 1) pit graves with ground mound, 2) pit graves with stone lining on the edges of the grave pit, 3) pit graves with stone lining around the grave pit. Stone graves are divided into: 1) stone coffins with a mound, 2) stone coffins with stone lining around the grave pit, 3) stone chambers (tombs) with a mound, 4) stone chambers (tombs) with stone lining around the grave pit, 5) large stone tombs with a mound, 6) large stone tombs with stone lining around the grave pit. Funeral rites are described for 130 graves. However, the rites in 17 graves are characterized as unknown. In total, there are 113 graves with the defined rite. Cremation is the most common rite. It is indicated in the description of 56 graves (49,56 % of the total number of 113 burials with the specified rite). No single primary burials were recorded. Those buried according to the primary rite were located in collective graves, where there were also those buried according to the secondary rite. Secondary burials were found in 8 graves. Single secondary burials were not recorded. One paired secondary burial was found in a stone tomb. The rest of the secondary burials were collective burials. Finds of animal bones in graves were also recorded at the burial ground. Ceramic vessels and their fragments were the most common items of funeral equipment. Mohe molded vessels are the most numerous category of ceramics at the burial ground. Fragments of tiles and end tile discs were also found at the burial ground. In addition to ceramics, the inventory includes metal products and decorations. The burial ground is usually dated to the 8th century because it contains a significant number of pit graves and Mohe molded vessels. However, the Liudingshan burial ground definitely functioned before the end of the 7th century because it contains the burial of Princess Zhen Hui and a grave with glazed vase-shaped pottery (of the Sancai type).

Key words: Bohai, Mohe, Liudingshan, stone tombs, pit graves.

Владимир Владимирович Ахметов – старший преподаватель, Новосибирский государственный университет, e-mail: akhmetovvladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7133-4417>.

Vladimir V. Akhmetov – Senior lecturer, Novosibirsk State University.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из самых исследованных бохайских могильников является могильник Людиншань. Его изучение охватывает несколько этапов – с 1949 по 2009 г. Результаты исследований опубликованы в довольно большом объеме. Анализ полученных результатов археологами из разных стран позволил прояснить проблему происхождения и трансформации погребальной обрядности в государстве Бохай.

Могильник находится в провинции Цзилинь, в 5 км к югу от г. Дуньхуа в горах Людиншань. К востоку от гор протекает р. Муданьцзян. Поблизости от могильника располагаются и другие памятники бохайского времени – горное городище Чэншаньцзы, селище Юншэн. Могильник поделен на два участка захоронений – участок 1, расположенный на западном склоне горы (высота вершины 568 м), и участок 2, обнаруженный на южном склоне.

Могильник частично изучался еще в 1930–1940-е гг. Позже проводились раскопки в несколько этапов: в 1949 г., 1950-х и 1960-х гг., а также в 2004–2009 гг. В 1949 г. здесь была исследована гробница принцессы Чжэнь Хуэй. Это стало знаковым событием в истории изучения Бохая. Всего до 1959 г. было изучено 12 погребений. В 1963–1964 гг. на памятнике работала совместная экспедиция археологов из КНР и КНДР (в дальнейшем археологи двух стран серьезно разошлись в трактовках, касающихся бохайской истории), было раскопано еще 20 могил [Людиншань юй Бохайчжэнь, 1997]. После продолжительного перерыва раскопки возобновились в 2004–2009 гг. [Бохайские захоронения, 2012]. Одновременно проводились работы по упорядочиванию материалов из предыдущих раскопок. В результате было установлено общее количество погребений на могильнике – 235.

Кроме собственно погребений, на могильнике также выделяют каменные выкладки (в отчете обозначены буквами ST). Всего на территории могильника обнаружено 12 таких выкладок: на участке 1 – 11 выкладок и на участке 2 – 1 выкладка. Эти выкладки представляют собой камни, выложенные в подквадратной, подпрямоугольной в плане форме в один слой, в некоторых случаях по краю их могли выкладывать в несколько слоев (выкладка ST1 на участке 1). В этом отношении выделяется выкладка ST3 на участке 1, где в некоторых местах камни выложены в 2–3 слоя. Выкладки на участке 1 расположены в южной части могильника рядом с крупными каменными склепами, такими как погребение принцессы Чжэнь Хуэй (могила № 2). При разборе этих выкладок были найдены керамические сосуды, фрагменты черепицы, бляхи, боевой нож, браслеты, наконечник копья, бусина, гвозди. Судя по месторасположению указанных выкладок и анализу находок в них, эти сооружения могли использовать сначала при проведении обряда погребения в каменных склепах, затем их могли использовать и при проведении обрядов поминовения.

На участке 1 найдены остатки 2 жилищ с отопительными системами типа кана (обозначены в отчете

соответственно F1 и F2). Расположены они на южной оконечности участка 1, в 15 м к востоку от могилы 14, в 10 м к северу от могилы 10. Возможно, в жилищах могли проживать смотрители за погребениями бохайских ванов и представителей знати. Это распространенная традиция, о ней, например, сообщается в надписи на стеле Квангэтхо-вана [Джарылгасинова, 2010].

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Погребения на могильнике Людиншань делятся авторами раскопок 2004–2009 гг. (вслед за ними и другими исследователями) на две большие группы – грунтовые и каменные, а также подразделяются по материалу изготовления стенок погребения. В историографии Бохая чаще всего применяют классификацию, исходя именно из этого критерия [Ахметов, 2016, с. 91].

Грунтовые могилы авторами раскопок подразделяются на: 1) грунтовые погребения с грунтовой насыпью (土坑封土); 2) грунтовые погребения с каменными выкладками по краям могильной ямы (土坑石边); 3) грунтовые погребения с каменными выкладками вокруг могильной ямы (土坑包石). Вторые отличаются от третьих только тем, что камни в них выложены строго по краю могильной ямы. Причем в третьей группе погребений камни выкладывались на определенном расстоянии от могильной ямы, почти не задевая края ямы.

Каменные погребения включают три группы: каменные гробы, каменные камеры (склепы) (кит. *куанишиму*), крупные каменные склепы (кит. *ишишиму*). Каменные гробы представлены гробами с насыпью и гробами с каменной выкладкой вокруг могильной ямы. Каменные камеры (склепы) таким же образом подразделяются на камеры с насыпью и каменной выкладкой вокруг могильной ямы. Среди каменных склепов по тому же принципу выделяются с насыпью и каменной выкладкой вокруг могильной ямы. Отличие каменных камер (склепов) (кит. *куанишиму*) и крупных каменных склепов (кит. *ишишиму*) заключается в размере склепа. К крупным, например, относится гробница принцессы Чжэнь Хуэй.

На участке 1 зафиксировано 105 могил, на участке 2 – 130 могил. На участке 1 было 58 грунтовых и 47 каменных погребений. На участке 2 насчитывалось 97 грунтовых и 33 каменных могил. Грунтовые погребения в целом преобладали на могильнике, их было 155, а каменных – 80.

На участке 1 самым распространенным типом погребений являлись грунтовые, с каменными выкладками вокруг могильной ямы – 48 могил (45,7 % от общего числа могил участка). Среди каменных погребений наиболее многочисленными были каменные гробы с насыпью – 20 могил (19 % от общего числа могил на участке). Крупные каменные склепы отмечены только на участке 1 – 9 погребений, в том числе гробница принцессы Чжэнь Хуэй (M2).

На участке 2 грунтовых погребений с насыпью найдено 47 (на участке 1 – 3), а грунтовых погребений с каменными выкладками вокруг могильной ямы – 43.

Среди каменных погребений наибольшее количество каменных гробов с каменной выкладкой отмечено вокруг могильной ямы (12).

Однако следует учитывать, что, например, могила №3 на участке 1 по классификации авторов отчета относится к грунтовым погребениям с каменными выкладками вокруг могильной ямы. Это погребение явно представителя знати. В нем найден богатый погребальный инвентарь: бусы, нефритовые кольца. Поминальное сооружение над могилой имеет черепичную крышу (в верхних слоях найдены черепичные диски, фрагменты черепицы, кирпичи). Размеры каменного погребального сооружения 11 x 12 м; хотя сами могилы внутри этого сооружения выкопаны в грунте, формально под определение грунтового погребения с выкладкой эта гробница подходит.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Из таблицы, приведенной в отчете о раскопках на могильнике, можно подчерпнуть информацию о погребальном обряде в 130 могилах (всего раскопано 235 могил). Обряд в 17 могилах в таблице характеризуется как неизвестный. Итого могил с описанным обрядом – 113. Что касается характеристика обряда как «неизвестный», все же в некоторых случаях имеется описание. Например, в могиле № 1 на участке 1 обнаружены только 2 черепа (в 1959 г.). Можно было бы предположить, что это вторичное погребение. Но могила № 1 представляет собой одно из крупнейших погребений могильника; вполне возможно, что в ней было совершено парное погребение представителей знати по первичному обряду. Более обоснованное заключение сделать невозможно, поэтому обряд здесь установить невозможно. Другой пример – могила № 53 на участке 1. Внутри могильного пространства найден древесный уголь, грунт со следами воздействия огня. Велика вероятность, что здесь могло находиться вторичное погребение, но остатки погребенного не сохранились, и сделать более определенный вывод не представляется возможным. Обряд и в этой могиле считается неизвестным.

Наиболее распространенным обрядом, согласно авторам отчета, является кремация. Она указана в описании 56 могил (49,56 % от общего числа 113 погребений с указанным обрядом). Относительно 22 могил, кроме указания на обряд кремации, других сведений об обряде не имеется. Причем авторы разделяют обряд вторичного погребения и кремацию. Так, в отдельных случаях уточняется, что вторичный обряд и кремация сочетались (могила № 106 на участке 2). В могиле № 6 участок 2 были погребены 5 чел.: двое кремированы, а трое похоронены по вторичному обряду. Вторичные погребенные находились в северо-западном углу каменного склепа, а «кремированные» лежали в центре склепа в двух деревянных гробах, от которых остались только фрагменты в северной части склепа и железные гвозди. В некоторых случаях погребение считается кремацией, хотя костных остатков в нем не обнаружено, но следы огня в могиле зафиксированы (могила № 28 на участке 2).

Рассмотрим еще один пример обряда кремации – в интерпретации авторов отчетов. Так, в погребениях могильника Чалиба, который относят к VII–VIII вв., найдено большое количество обугленного грунта, дерева и костные остатки – также со следами воздействия огня, что интерпретировалось как кремация остатков вторично погребенных [Нестеров, Алкин, 1999, с. 162]. Такой же трактовки при наличии погребальных конструкций, костных остатков со следами огня в погребениях придерживаются авторы раскопок бохайского могильника Чернятино-5 в Приморском крае. Исследователи по результатам анализа раскопок могильника Чернятино-5 пришли к выводу, что «преобладающим обрядом в могильнике Чернятино-5 пока является кремация вторичных остатков» [Никитин, Гельман, 2002, с. 204–205].

У мохэских племен Приамурья довольно подробно описан погребальный обряд по материалам раскопок Троицкого могильника. Возникновение следов огня в могиле (угольки, обугленные деревянные погребальные сооружения, кальцинированные кости) объясняется разведением огня уже после помещения вторичных остатков в могилу [Алкин, Фэн Эньсюэ, 2006, с. 133]. Формально вторичные остатки подвергались воздействию огня, но при этом охарактеризовать такой обряд только термином «кремация» было бы неверно.

В отечественной историографии приняты именно такие трактовки данного обряда. Даже если и происходила полноценная кремация тела умершего не в могиле, а на стороне с последующим захоронением остатков, то это также трактовалось как вторичное погребение (например, «сожжение умершего происходило на стороне, то захоронение пепла – одна из форм вторичного погребения» [Нестеров, 1998, с. 78]). Но именно такой обряд практически не встречался в Бохэе, так как следы огня в могиле тогда не наблюдались бы, либо можно было предположить, что даже при погребении уде кремированных остатков в могиле снова разводился огонь.

В обобщающей коллективной монографии корейских археологов «Археология Бохая» в таблице, где собраны сведения о могильниках Бохая и дана их краткая характеристика, при описании могильника Чернятино-5 содержится указание на обряд кремации (кор. *хваджан*) [Кан Хёнсук и др., 2021, с. 175]. Таким образом, скорее всего имеет место расхождение в подборе определения, что объясняется принятыми в той или иной историографии традициями именования определенных обрядов. Судя по всему, так называемые погребения с кремацией на могильнике Людиншань являются вторичными погребениями. Например, могила № 13 на участке 2 – это каменный склеп с двумя деревянными гробами. Гробы не сохранились, зато имеются следы воздействия огня. Трудно представить себе, опираясь на описание могилы из отчета, что огонь в этом склепе был разведен такой силы, что были сожжены два гроба и находившиеся в них тела. Вероятнее всего, это было погребение вторичных остатков с последующим разведением огня в склепе. Но в отчетах китайских археологов такое погребение характеризуется как могила с кремацией.

Отдельных первичных погребений не зафиксировано. Погребенные по первичному обряду найдены в многоактных неодинокных захоронениях, куда также были помещены погребенные по вторичному обряду. В могиле № 3 на участке 1 обнаружены остатки 6 чел. Окончательно этот факт был установлен только в 2009 г., когда китайские археологи, разбирая материалы прошлых раскопок, нашли коробку с антропологическим материалом из этой могилы. Всего в погребении 4 могильные ямы, в центре – 3 подпрямоугольные, расположенные в ряд, вытянутые по линии север–юг. Одна яма подовальная, в северном углу (севернее западной могильной ямы), небольших размеров. Видимо, сначала были совершены погребения восточное и центральное – сожжение трупа на стороне и захоронение вторичных остатков на стороне или разведение огня в могиле при захоронении вторичных остатков. Первичное погребение – западное, трупоположение совершено на спине, с вытянутыми конечностями. Вторичное погребение отмечено в северной подовальной яме. Западные и северные погребения явно были совершены позднее. Само погребение № 3 на участке 1 довольно масштабное, над ним, вероятно, было сооружение. Найдено значительное количество черепицы, облицовочный кирпич с изображением животного. Использование этого погребения как склепа на протяжении продолжительного времени представляется вполне возможным.

К первично погребенным авторы раскопок относят двух «кремированных» из могилы № 6 на участке 2. Остатки костяков лежали в центре каменного склепа со следами огня. И это была не кремация, а случай разведения огня в склепе уже после размещения в нем умерших. Причем у вторично погребенных в северо-восточном углу склепа каких-либо следов воздействия огня не зафиксировано. Вероятно, они были подхоронены позже.

Вторичные погребения обнаружены в 8 могилах. В некоторых из них в сочетании с другими обрядами (как, например, в вышеупомянутой могиле № 106 на участке 2, могила № 3 на участке 1, где были погребенные и по первичному обряду). Одинокных вторичных погребений не зафиксировано. Парное вторичное погребение найдено в каменном склепе № 3 на участке 2. Остальные вторичные погребения являлись коллективными захоронениями. Могила № 101 на участке 1 включала 5 погребенных по вторичному обряду в каменном склепе. В могиле № 102 на участке 1 находилось 10 погребенных по вторичному обряду в каменном склепе, причем кости лежали в основном в северной части склепа. В могиле № 9 на участке 2 было 8 погребенных по вторичному обряду в каменном склепе. В центральной части стояли 2 деревянных гроба. Западный гроб частично сохранился – остались следы деревянных фрагментов рамы, восточный практически весь сгорел. В каждом из гробов лежал погребенный по вторичному обряду. Гробы и кости имели следы воздействия огня. В северо-восточном углу помещались остатки 6 чел., погребенных по вторичному обряду, остатки следов воздействия огня не имели. Скорее всего, они

появились здесь в процессе дозахоронения, возможно, этот процесс был довольно протяженным по времени.

Обряд в этом погребении имел черты сходства с захоронением № 6 на участке 2, где также были двое «погребенных» в центре склепа в гробах и вторично погребенные, лежавшие отдельно в могиле. Только в могиле № 6 на участке 2 погребенные в центре склепа в гробах характеризовались как «кремированные», а в могиле № 9 на участке 2, где сохранность костей на момент раскопок была лучше, погребенные в гробах описаны как вторично погребенные, при этом прослеживается воздействие огня и на костях, и на гробах. На данный момент не совсем ясно, в чем разница обряда. Представляется, что в обоих случаях использовался обряд разведения огня в могиле после помещения в каменный склеп деревянных гробов с вторичными остатками.

В могиле № 15 на участке 2 обнаружено 8 погребенных по вторичному обряду в каменном склепе. Кости сконцентрированы в основном в северной части каменного склепа. В могиле найден 1 железный гвоздь, возможно, от деревянного гроба, однако никаких следов его не сохранилось. Следов огня также не отмечено. В могиле № 106 на участке 2 не установлено количество погребенных, но в ее описании указано, что погребение является вторичным, с кремацией. Это единственное погребение из вторичных в грунтовом погребении (на дне были размещены камни).

На могильнике также зафиксированы находки костей животных в могилах: в могиле № 94 (участок 2) найден зуб собаки, в могиле № 5 (участок 2) обнаружена кость лошади [Стоякин, 2020, с. 178]. Но как они попали в погребение (в результате обряда или случайно), сложно сказать.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Самым распространенными предметами погребального инвентаря являются керамические сосуды и их фрагменты. Можно разделить керамику на две большие группы – лепную и круговую. К лепным относятся мохэские лепные сосуды, в частности, с налепным валиком под венчиком. Это самая многочисленная категория керамики на могильнике. Всего целых и археологических целых сосудов на могильнике имелось 30 экз. [Лим Нури, 2014, с. 16]; в том числе 13 мохэских лепных сосудов. К круговой керамике можно отнести вазовидные, баночные сосуды, блюда, миски, чаши, корчажки, корчаги, бутылевидные сосуды.

Три мохэских лепных сосуда обнаружены в могиле № 3 на участке 1. Это масштабное погребение с богатым погребальным инвентарем и черепичным сооружением над могилой.

В могиле № 1 на участке 1 найдена шаровидная курильница. Особо выделяется сосуд, покрытый глазурью, так называемый сорт *саньцай*. Этот глазурованный сосуд располагался в могиле № 5 участка 1. Обычно такого типа керамику (глазурованные сосуды) относят ко второй половине VIII в. [Кан Хэнсук и др.,

2022]. Могила № 5 участка 1 представляет собой крупный каменный склеп с богатым инвентарем. Она располагалась ниже почти всех погребений (529 м), на южной оконечности участка 1, южнее находилось только обычное грунтовое погребение № 10. Возможно, это погребение возведено позже других. Участок, скорее всего, начинал заполняться с погребения Чжэнь Хуэй (могила № 2) и располагавшихся рядом с ним. Все они расположены на высоте 539–542 м на расстоянии 70 м к северо-востоку от могилы № 2.

На могильнике найдены фрагменты черепицы, концевых черепичных дисков. Помимо керамики среди инвентаря можно отметить изделия из металла, украшения. В могиле № 3 участка 2 (каменный гроб с насыпью) найдены позолоченные бронзовые серьги. На Людиншань обнаружены браслеты из серебра и бронзы. Всего 5 экз. – полукруглого, подтреугольного и зубчатого сечения. Имеется браслет, сделанный в виде шапковидных капель, соединенных с друг другом.

Также на могильнике найдены серьги – 18 экз. (7 – из бронзы, 11 – из серебра). На участках 1 и 2 найдено по 9 экз.

Среди погребального инвентаря выделяются поясные украшения амурского типа. Согласно типологии Ван Пэйсиня поясная бляшка из могилы № 17 (участок 1) относится к варианту 1 типа А. В могиле № 130 (участок 2) поясная бляшка принадлежит к варианту 3 типа В. В могиле № 126 (участок 2) поясная бляшка (верхняя часть не сохранилась) относится к варианту 3 типа В [Ван Пэйсинь, 2002, с. 141–143]. В этой же могиле найден фрагмент бронзовой бляшки (нижняя часть), который из-за плохой сохранности сложно отнести к какому-либо типу. На участке 1 встречаются места без захоронений, на их территории располагались, видимо, фундаменты каких-то сооружений, от которых остались выложенные на грунте камни. На участке ST5 (участок захоронения 1) также найдена бляшка, которую можно отнести к 3-му варианту типа В.

Тип А характерен для могильника Дахаймэн, который по находкам монет, согласно радиоуглеродному анализу по ^{14}C , датируется VI в. – началом VII в. Третий вариант типа В характерен для могильника Шичангоу, который по находке монеты датируется концом VII в. – серединой VIII в.

Кроме того, на могильнике найдены бляхи тюркского типа – всего 74 экз.: на участке 1 – 25 экз., а на участке 2 – 49 экз. Они представлены различными формами: прямоугольный, прямоугольной с одной округлой стороной, пятиугольный, сегментовидной (полуовальной со срезанным нижним краем), овальной с выемкой с одной стороны.

Поясные пряжки представлены 5 экз. Среди них выделяются пряжка с овальным приемником и щитком пятиугольной формы, пряжка с овальным приемником и щитком прямоугольной формы с овальной стороной. Одна пряжка сохранилась без приемника, остался только язычок и полуовальный щиток. Еще одна пряжка была плохой сохранности без язычка, но в остальном выглядела как пряжка с овальным прием-

ником и щитком пятиугольной формы. Наконечники ремней представлены 7 экз.

Кроме того, на могильнике обнаружены предметы из железа – боевой нож, наконечник копья (оба из каменной выкладки № 5 на участке 1), наконечники стрел – все стрелы черешковидные. Боевой нож, наконечник копья, наконечники стрел типичны для бохайских памятников [Чжун Сук-Бэ, 2018, с. 127–132].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На могильнике Людиншань, согласно авторам отчета, самым распространенным обрядом была кремация. Этот обряд характерен для многих могильников Бохая (Хунцзуньюйчан, Лаохэшэнь, Бэйчжань, Дачэнцзы, Дунцин, Чжунпин), однако именно на могильнике Людиншань он является преобладающим. При этом следует отметить, что огонь активно применяли в погребальном обряде, скорее всего, здесь имеет место не обряд кремации как таковой, а именно практика использования огня в процессе проведения обряда вторичного погребения. В таком случае Людиншань будет выделяться вторичными погребениями, и это будет самый распространенный обряд погребения на могильнике (одиночные, парные, тройные и коллективные погребения, в сочетании с первичными). Главная особенность могильника будет заключаться в том, что здесь активно применялся огонь во время погребального обряда.

Могильник обычно датируют VIII в. Благодаря наличию каменной стелы с надписью внутри могилы Чжэнь Хуэй, ее дата погребения точно обозначена – 777 г. Последние исследования на могильнике в 2000-х гг., однако, ставят под сомнения такую датировку могильника. Судя по всему, он функционировал и позже – после второй половины VIII в. Гробницу Чжэнь Хуэй резонно соотносят с когурёскими каменными склепами: потолочное перекрытие в склепе могилы Чжэнь Хуэй действительно перекликается с когурёскими перекрытиями склепов [Кан Хёнсук, Ян Сиын, Чхвэ Джонтхэк, 2022, с. 189].

Обычно исследователи выделяют пять районов концентрации археологических памятников Бохая. Это северный район – среднее и нижнее течение р. Муданьцзян, восточный – р. Раздольная и Приморье, центральный – долина р. Хайланьхэ и р. Туманган, южный – район провинции Северная Хамгён в КНДР, западный – долина р. 2-я Сунгари.

Можно также выделить районы локализации памятников, привязывая их к расположению пяти столиц, но проблема заключается в определении местоположения самих столиц Бохая и их административного статуса.

Могильник Людиншань находится в верховьях р. Муданьцзян, занимает промежуточное положение между западным и центральными районами концентрации бохайских памятников. К северо-западу от него располагаются только памятники, которые обычно относят к мохэ-бохайским, наиболее известные из них – Чалиба, Дахаймэн, Лаохэшэнь. Юго-западнее

памятников открыто больше, но основная часть бохайских объектов располагается к востоку от Людиншани. Один из крупнейших могильников Бохая, с гробницами представителей знати, находится на значительном расстоянии от ядерных территорий Бохая – окрестностей г. Дунцинчэн, бассейна р. Хайланьхэ (г. Яньцзи, г. Лунцзин). Само расположение могильника свидетельствует в пользу того, что время его основного функционирования следует отнести к начальному периоду Бохая. Его функционирование, вероятно, началось еще до образования государства Чжэнь в 698 г. (с 713 г. Бохай). Согласно эпитафии на стеле в гробнице Чжэнь Хуэй (могила № 2 на участке 1), она умерла в 777 г. и похоронена в 780 г. К этому моменту отец принцессы ван Да Циньмао (годы правления 737–793) правил, располагаясь в Верхней столице. Тем не менее он похоронил свою дочь в довольно удаленном от столицы месте. Супруга Да Циньмао Сяо-и хуанхоу и его дочь принцесса Чжэнь Сяо в то же время похоронены на могильнике Лунтоушань недалеко от Верхней столицы. Хотя на момент смерти Чжэнь Сяо Да Циньмао уже переехал (после 785 г.) в Восточную столицу, но он воспользовался могильником рядом с Верхней столицей, а не Восточной.

Таким образом, могильник Людиншань, бесспорно, функционировал до конца VIII в. Кроме того, рядом с могилой Чжэнь Хуэй в погребении № 5 обнаружен глазурованный вазовидный сосуд, по всей видимости, являющийся образцом бохайского саньцая, а не завезенного из Тан. Технология изготовления такой керамики бохайскими мастерами была освоена не сразу, поэтому есть основания считать, что могила № 5 тоже была возведена где-то в конце VIII в. или в начале IX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алкин С.В., Фэн Эньсюэ. Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 г. // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. № 4: Востоковедение. С. 132–134.
- Ахметов В.В. К вопросу о классификации бохайских погребальных комплексов // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2016. № 7. Т. 15. № 7: Археология и этнография. С. 90–99.
- Бохайские захоронения в Людиншани: отчет об упорядочивании и раскопках с 2004 по 2009 гг. Пекин: Вэньчуньшэ, 2012. 403 с. (на кит. яз.).
- Ван Пэйсинь. Бронзовые поясные украшения мохэ – чжурчженей и связанные с ними вопросы // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии: докл. участников IX и X сессий археологов и антропологов Дальнего Востока, 12–15 апр. 1999 г. и 10–17 апр. 2001 г. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН. 2002. С. 140–164.
- Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М.: Первое марта, 2010. 251 с.
- Кан Хёнсук, Сон Кихо, Ян Сиын, Чжун Сук-бэ, Чхвэ Джонгхэк. Пархэ когохак [Археология Бохая]. Квачхон: Чининджин, 2021. 413 с. (на кор. яз.).
- Кан Хёнсук, Ян Сиын, Чхвэ Джонгхэк. Когурё когохак [Археология Когурё]. Квачхон: Чининджин, 2022. 413 с. (на кор. яз.).
- Лим Нури. Сборник материалов по бохайской керамике. Тэджон: Куннипмунхвадждёнгусо, 2014. 305 с. (на кор. яз.).
- Людиншань юй Бохайчжэнь – Тандай Бохайго дэ гуицзу муди юй дучэн ичжи (Людиншань и Бохайчжэнь [Кладбище знати и сто-

лица государства Бохай, династия Тан]). Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1997. 247 с. (на кит. яз.).

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 184 с.

Нестеров С.П., Алкин С.В. Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: АмГУ, 1999. Вып. 2. С. 153–176.

Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. Некоторые результаты исследования раннесредневекового могильника Чернятино-5 в бассейне р. Суйфун // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 195–215.

Стоякин М.А. Остатки животных с бохайских памятников в Китае: использование животных в повседневной жизни и погребальной практике // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 175–187.

Чжун Сук-Бэ. Об оружии из могильника Чернятино-5 // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 2. С. 126–136.

REFERENCES

- Akhmetov V.V. (2016). On classification of the Bohai burial complexes. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 15, iss. 7, pp. 90–99. (In Russ.)
- Alkin S.V., Fen Enxue. (2006). Joint Russian-Chinese research of the Trinity burial ground in the Amur region in 2004. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 5, no. 4, pp. 132–134. (In Russ.)
- (2012). Bohai burials in Liudingshan mountain: report on ordering and excavation from 2004 to 2009. Beijing, Wenwu chubanshe, 403 p. (In Chin.)
- Dzharylgasynova R.Sh. (2010). Ethnogenesis and ethnic history of Koreans according to epigraphy: (Gwanggaeto Stele). Moscow, Pervoe марта, 251 p. (In Russ.)
- Jung S.B. (2018). On the weaponry finds from Chernyatino 5 burial ground site. *Multidisciplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 2, pp. 126–136. (In Russ.)
- Kan Khensuk, Son Kikho, Yan Siyn, Chzhun Suk-be, Chkhve Dzhontkhek. (2021). Balhae archaeology. Gwacheon, Jinjinjin, 412 p. (In Kor.)
- Kan Khensuk, Yan Siyn, Chkhve Dzhontkhek. (2022). Koguryo archaeology. Gwacheon, Jinjinjin, 413 p. (In Kor.)
- Lim Nuri. (2014). Bohai pottery sourcebook. Daejon, Gunripmunhwayeonguso, 305 p. (In Kor.)
- (1997). Liudingshan and Bohaizhen – a cemetery of the nobility and capital city of the Bohai state under Tang Dynasty. Beijing, Chzhungo dabaiké tsuanshu, 247 p. (In Chin.)
- Nesterov S.P., Alkin S.V. (1999). Early Medieval burial ground of Chalba on the 2nd Sungari River. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk, vol. 2, pp. 153–176. (In Russ.)
- Nesterov S.P. (1998). The peoples of the Amur region in the early Middle Ages. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 184 p. (In Russ.)
- Nikitin Yu.G., Gelman E.I. (2002). Some results of the study of the early medieval burial ground Chernyatino 5 in the Suifun River basin. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka*. Vladivostok, pp. 195–215. (In Russ.)
- Stoyakin M.A. (2020). Animal remains from Bohai sites in China: the use of animals in daily life and funeral ceremonies. *Rossiya i ATR*, no. 4, pp. 175–187. (In Russ.)
- Wang Peixin. (2002). Bronze belt decorations of the Mohe-Jurchens and related issues. *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i Tsentral'noy Azii: dokl. uchastnikov IX i X sessii arkheologov i antropologov Dal'nego Vostoka*, 12–15 apr. 1999 g. i 10–17 apr. 2001 g. Vladivostok, pp. 140–164. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2024

Дата рецензирования 17.01.2024

Статья принята к публикации 29.01.2024

ИСТОРИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЯКУТИЕЙ

DOI: 10.15372/HSS20240106

УДК 94:323(571.56)"182/183"

EDN: GIFE0J

А.Д. ВАСИЛЬЕВ

ИНОРОДЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЯКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО НАЧАЛЬНИКА (1820–1830-е гг.)

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
РФ, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Статья посвящена репрезентации коренного населения Якутской области – якутов, тунгусов, ламутов и др. – в ежегодных отчетах якутского областного начальника Н.И. Мягкова. В его отчетах большое внимание уделялось решению земельного вопроса, а также негативному влиянию на жизнь аборигенов ряда земских чиновников, казаков, духовенства и торговцев. Инородческое население в отчетах освещалось с позиций патернализма и позиционировалось как объект заботы и защиты со стороны областной администрации. Сконструирован образ «образованного инородца», способного к организации самоуправления. Прослеживается общеперская тенденция, характерная для первой половины XIX в., связанная с высокой степенью этнической толерантности в административной политике самодержавия в контексте процесса инкорпорации региона в российское пространство.

Ключевые слова: Н.И. Мягков, областной начальник, отчеты областных начальников, делопроизводство, источниковедение, инородческая политика, инородцы, Северо-Восток России, Якутская область.

A.D. VASILIEV

INDIGENOUS POPULATION IN THE VIEWS OF THE YAKUT REGIONAL HEAD (1820s–1830s)

Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North SB RAS,
1, Petrovskogo Str., Yakutsk, 677007, Russian Federation

The article examines the representation of the indigenous population of the Yakut region in the 1820s–1830s – the Yakuts, Tungus, Lamuts, etc., based on the content of the annual reports of the regional head Nikolai Ivanovich Myagkov, stored in the fonds of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg), which the official provided to the Minister of Internal Affairs. The principle of historicism formed the methodological basis of the study. The article deals with the problems of “vagrant” and “nomadic” foreigners, it is noted that particular attention in the reports was given to the latter, the Yakuts, who constituted the main indigenous population in terms of their numbers in the Yakut region. The reports focused on the “land issue” associated with the shortage and non-equal distribution of mowing areas for the Yakuts; the problems of delimiting hunting areas between the Yakuts and Tungus. In addition, the issues of the negative impact of some categories of the population on the life of the aborigines were raised,

Айсен Данилович Васильев – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, orcid: 0000-0002-4428-4856, e-mail: aysen_vasilev@mail.ru.

Aysen D. Vasilev – Candidate of Historical Sciences, Assistance Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.

primarily zemstvo officials, and then the Cossacks, the clergy and merchants; the fight against arbitrariness and the restriction of communications were proposed as a solution to the problem. The reports presented the indigenous population in a spirit of paternalism and positioned it as an object of care and protection by the regional administration. The image of an “educated foreigner” was created, capable of organizing self-government, in particular, the Yakut Steppe Duma, established on the basis of the Statute of Alien Administration of 1822; such qualities as laziness or mental retardation were not characteristic of the aboriginal population of the Yakut region, and among the negative qualities only “snitching” was noted. The content of the annual reports reveals a trend characteristic of the first half of the 19th century, associated with a high degree of ethnic tolerance in the administrative policy of autocracy in the context of the process of incorporation of the region into the all-Russian space, as well as the absence of Russification elements.

Key words: N.I. Myagkov, regional head, reports of regional heads, office work, source studies, indigenous policy, indigenous people, North-East of Russia, Yakut region.

ВВЕДЕНИЕ

Ежегодный отчет областного начальника – один из наиболее востребованных источников по истории Якутии второй четверти XIX в. Как и губернаторская отчетность, этот источник содержит обширную информацию об экономической и социально-политической жизни северо-восточного региона.

Областной начальник – новый институт власти, который стал функционировать в административно-управленческой системе имперской России лишь в XIX в. Якутия в 1805 г. являлась одновременно площадкой для апробации данной формы власти, впоследствии такая должность стала появляться и на других окраинных территориях государства. Долгое время в отечественной историографии якутские областные начальники оставались в тени своих губернаторов, изучением их ежегодных отчетов практически никто не занимался, в отличие от отчетов представителей высшей администрации – генерал-губернаторов, а также губернаторов, в отношении которых репрезентации, коммуникативные возможности данных документов становились предметами научной рефлексии исследователей. Некоторые аспекты изучения отчетной документации якутских областных начальников были рассмотрены автором ранее [Васильев, 2018; 2020; 2022]. Однако представления областных начальников до сих пор не являлись предметами специального исследования. Н.П. Матханова и Н.Н. Родигина [2019а, 2019б, 2021а, 2021б, 2022] подготовили цикл публикаций, в которых дан анализ представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX в. о регионе, местном населении на основании их отчетов. Тем самым Н.П. Матханова и Н.Н. Родигина проложили целое направление в изучении этого вида источников. Об актуальности данного направления исследования свидетельствуют и новейшие работы С.В. Любичанковского [2021], посвященные проблемам конструирования образа региона в отчетах оренбургских губернаторов. Анализу этнических проблем, освещаемых в официальных периодических изданиях и отдельных трудах, посвящены исследования Л.М. Дамешка [2022], А.В. Гимельштейна, Е.А. Сениной [Гимельштейн, Дамешек, Сенина, 2007], А.А. Галямова [2019], М.Ф. Ершова [2022] и др.

Якутия в первой половине XIX в. характеризовалась не только обширной площадью, суровыми климатическими условиями, но и полиэтничностью, причем аборигенное население заметно превалировало над русским. Во второй половине 1820-х гг., когда в обязан-

ность якутского областного начальника начинает входить общеимперская практика представления в адрес центральной власти ежегодного отчета, на северо-восточной периферии государства – в Якутской области – продолжался процесс реализации положений Устава об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова, что, несомненно, нашло отражение в поступавших отчетах. Согласно реформе, происходило деление аборигенов на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих с учетом их хозяйственного развития, что в дальнейшем определяло их управление, налогообложение и суд. В последнее десятилетие отечественные историки стали относить инородцев к словесным группам [Дамешек, 2022; Конев, 2014]. Так, А.Ю. Конев считает, что данную категорию подданных следует рассматривать не как единое сословие, а как «особое юридическое состояние, в рамках которого на протяжении XIX в. сложилось несколько сословных и этносословных групп» [2014, с. 12–13]. Л.М. Дамешек и И.Л. Дамешек отмечают, что идея подразрядной системы была направлена на переход ««бродячих и кочевых жителей» в категорию «оседлых», т.е. постепенной инкорпорации аборигенного населения Сибири в общеимперское пространство Российской империи. Это было связано в первую очередь с финансовыми интересами государства – «возведением аборигенов в более высокий податный оклад государственных крестьян», за счет распространения хлебопашества [Дамешек, 2022, с. 348].

Областной начальник Д.Я. Рудаков проделал большую работу по разделению аборигенного населения Якутии на три разряда. Так, в 1823 г. представителей коренного населения насчитывалось 79 041 чел. мужского пола: оседлых – 11, кочевых – 69711, бродячих – 9319 [Федоров, 1978, с. 66].

Якуты как скотоводы были причислены к кочевым, к бродячим относились тунгусы, ламуты, юагиры и другие народы, занимавшиеся охотой и рыболовством. К первому разряду принадлежали инородцы, у которых были относительно развиты земледелие и торговля [Там же, с. 61].

Однако полное внедрение положений Устава происходило довольно умеренными темпами до вступления в должность областного начальника Н.И. Мягкова. Внедрение новых правил в жизнь коренных народов Якутии стало одним из приоритетных направлений его деятельности. Перед вступлением в должность Мягкову были вручены «обязанности якутского областного начальника», составленные в журнале Иркутского

общего губернского управления и утвержденные генерал-губернатором Восточной Сибири в 1825 г., где 6-е правило гласило: «Наблюдать за исполнением Высочайшего Устава об инородцах»¹.

В отличие от отчетов других якутских областных начальников, делопроизводственные документы Н.И. Мягкова выходили за рамки общего формуляра, в них отражался особый подход автора – его внимание акцентировалось на главных вопросах жизни аборигенного населения [Васильев, 2020]. Ранее нами рассматривались такие содержащиеся в отчетах темы, касающиеся инородцев, как деятельность в области уравнительного распределения земельного фонда среди якутов и принятые меры по решению продовольственной проблемы у северных инородцев [Васильев, 2018]. Целью настоящей статьи является анализ репрезентации инородческого населения в 1820–1830-х гг. в отчетах якутского областного начальника.

Нами изучались три годовых отчета (1828–1830 гг.) якутского областного начальника Н.И. Мягкова, которые отложились в фонде 1281 Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) под названиями «Отчет якутского областного начальника статского советника Мягкова о управлении Якутской областью» (1828 г.) и «Отчет якутского областного начальника составленный по управлению Якутской Области...» (два отдельных отчета за 1829 и 1830 гг.).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНОРОДЦЕВ В ОТЧЕТАХ ОБЛАСТНОГО НАЧАЛЬНИКА

В отчетах Н.И. Мягкова затрагивался наиболее острый для инородцев вопрос – земельный, связанный с нехваткой покосных мест и нарушениями в их распределении среди якутов. Решение проблемы было передано Якутской степной думе² – органу инородческого самоуправления во главе с якутскими родоначальниками, организованному в 1827 г. при активном содействии Мягкова. По всей видимости, дума становится наиболее эффективным инструментом реализации инородческой политики российского правительства в 1820-е гг., Мягков отзывался о Степной думе как «попечительнице общественного благосостояния»³.

Несомненно, «земельный вопрос» был напрямую связан с реализацией ясачной политики российского правительства, которая определялась фискальными интересами государства – стремлением увеличить поступление доходов в царскую казну. Вместе с тем здесь позиционируется тенденция попечения и заботы в отношении аборигенного населения в духе Устава об управлении инородцев. В отчете за 1829 г. Н.И. Мягков отмечал, что такая деятельность является результатом удовлетворения просьб инородцев, адресованных

местной администрации, и «много принесло пользы инородцам»⁴.

В отчетах приводятся примеры притеснения и несправедливости в отношении инородцев. Так, отмечалось, что: «русские, желая иметь на инородческих местах скотоводство, для всяких своих выгод, под разными предлогами, завладели значительным числом земель их, без всякого установленного на то 31⁵ и 32⁶ устава о инородцах порядкам». В связи с этим Мягков предписал, чтобы земли не отдавались «в наем русским, без заключения контрактов, и без ведома инородных управ», которые обяваны были вести «учет приобретаемым от того пользам, с ответственностью и ревизиею в том Степной Думы»⁷.

Что касается проблемы разграничения звероловных мест между якутами и тунгусами, вследствие чего нередко возникали конфликтные ситуации, то областное начальство не стало обвинять представителей аборигенного населения, а ссылалось на то, что не был введен в действие параграф 62⁸ Устава⁹.

В его отчетах большое внимание уделено злоупотреблениям чиновников Якутского земского суда. Организация управления коренными народами была тесно связана с борьбой против служебного произвола данных чиновников: «дабы уменьшить сколь можно влияние земского суда на управление инородцев, с злоупотреблением власти сопрягающееся». Н.И. Мягков писал, что инородцы управлялись «не своим инородческим судом», согласно положениям «Устава», а «местным якутским начальством», из-за чего «безпрерывно» возникали у инородцев «дела по жалобам друг на друга», «для разбирательства коих заводились безпрестанно следствия, посредством членов земского суда и других лиц»¹⁰.

Теперь судебные разбирательства между инородцами, кроме уголовных дел, как и было прописано в параграфе 37 «Устава»¹¹, происходили в их управ-

⁴ Там же. Л. 57.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 38, № 29125. Параграф 31 гласил: «Строго запрещается россиянам самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных».

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 38, № 29125. Параграф 32 гласил: «Россияне могут брать у инородцев места в оброчное содержание, но всегда по условиям с обществами».

⁷ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 58–58 об.

⁸ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 38, № 29125. Параграф 62 гласил: «Назначение земель по племенам и разделение оных по участкам, на бродячих инородцев не распространяется. Им назначаются на удобности целая полосы земли и определяются токмо границы оных с землями, оседлым жителям и кочующим инородцам принадлежащими».

⁹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 175. Л. 10–11 об.; Д. 176. Л. 15, 47 об.

¹⁰ Там же. Д. 176. Л. 26 об.

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 38, № 29125. Параграф 37 гласил: «Уголовными делами относительно инородцев почитать: 1) возмущение, 2) намеренное убийство, 3) грабеж и насилие, 4) делание ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества. Все же прочия дела, не выключая и кражу, пока нравы их образованием не умягчатся, считать исковыми».

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 12-н. Оп. 9. Д. 22. Л. 134–136 об.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп. 11. Д. 175. Л. 8–8 об.; Д. 176. Л. 57–58

³ Там же. Д. 176. Л. 56.

лениях без участия земских чиновников¹². «Заметно, что дела между инородцами оканчиваются во второй степени их расправы более миролюбиво, письмоводство у инородцев видно и устроено по единообразной форме»¹³, – отмечалось в отчете. Мягков также констатировал: «строгое сохранение правила, под неусыпным наблюдением моим, чтоб не давать движения жалобам, помимо нисшей инстанции в высшую, весьма много способствует к украшению или уменьшению самых дел»¹⁴. Причины учреждения Степной думы в Якутии не были прописаны в отчете, однако они также были связаны со служебными злоупотреблениями земских чиновников. Прежде всего, это касалось организации провоза грузов в Охотск, в ходе которого представители земского суда оказались вовлечены в коррупционные процессы. Отмечалось, что деньги, выделенные для расчета за извоз, разворовывались. Теперь функции, принадлежащие земскому суду, были перенаправлены самим якутам в рамках деятельности Степной думы [Петухова, 2021, с. 47]. Областная администрация занималась и ограничением разъездов земских чиновников в инородческие места до «совершенной возможности». Исключения представляли выезды, связанные с уголовными делами и составлявшие особую «важность заключающим, с предварительного разрешения областного начальника»¹⁵.

Мягков в отчете писал, что «инородцы управлялись не своим инородческим судом, согласно Уставу о инородцах, но увлечительно местным якутским начальством, от чего непрерывно заводились следствия посредством членов земского суда и других лиц, разъезды коих непрерывно и во множестве служили главным отягощением для якутов не только тяжущихся, но и тех, чрез места жительства коих проезжали чиновники сии и проч.»¹⁶.

В отчетах указывалось, что такие качества, как лень¹⁷ или «умственная неразвитость», не являлись характерными для аборигенного населения Якутской области. Наоборот, отмечались их образованность и способность к самоуправлению: «Степная Дума с инородными управами и родовыми управлениями исполняют предназначенные им обязанности в самой точности и с примерным тщанием и усердием; способности и образованность инородцев весьма достаточны, чтобы управляться самим собою и по самому судебному порядку; нравственность их ощутительно улучшается и состояние инородцев видимо исправляется: инородцы чувствуют в полной мере попечительность об них высшего начальства, и единогласно сознают благодетельность законов Высочайше данного им Устава»¹⁸. Относительно нравственности инородцев среди негативных качеств, отмеченных в отчете, названо «ябед-

ничество»; борьба с «клеветой» и «доносами» проводилась благодаря заведению в инородческих управах особых книг, куда записывались имена инородцев, чьи жалобы оказывались ложными. Таким образом, эти люди должны были потерять доверие общества¹⁹. Проблем, связанных со склонностью к азартным играм, среди якутов, не было²⁰.

В отчетах не конструируется образ инородца как «дикаря» освещаются лишь исключительные моменты, характеризующие проявление у некоторых из них признаков нецивилизованности. Так, Мягков в своем отчете за 1828 г. освещал практику «мучительнейшего» убийства «конного скота»: «...связав ноги лошади и повалив ее на землю, вытягивают язык и крепко обвязав рот, чтобы не могла кричать, прорезывают на брюхе близ задних ног кожу, в которую засунувши руку отыскивают – так называемую стантовую жилу и разрывают ее, скотина в таком положении и в ужасных конвульсиях усыпает». Такую практику, согласно предписанию областного начальника, требовалось переманить на «удобнейший и мягчайший способ к убийству конного скота», каковым считалось традиционное – «посредством удара в лоб»²¹.

Возникавшие среди инородцев проблемы, рассматривались в отчетах в первую очередь как следствие несоблюдения областной администрацией правил Устава об управлении инородцев, что свидетельствует об исполнительности и ответственности областного начальника в контексте поставленных перед ним российским правительством задач: «Я долгом поставил тогда же и ни сколько не медля ввести устав о инородцах в действительное исполнение, при строгом и неусыпном со стороны моей наблюдении за сохранением точности оного»²².

Пагубное влияние на жизнь аборигенов оказывали и представители таких категорий населения, как казаки, духовенство, торговые люди. Мягков обращал внимание на проблемы коммуникации инородцев с казаками в отдаленном Удском остроге, граничащем с китайскими владениями. Областной начальник отчитывался, что выезды казаков совершались «весьма редко и токмо по самым необходимым и уважительным случаям» по разрешению областного начальника. В других случаях инородцы вызывались не через казаков, как было ранее, а посредством инородческих начальств²³.

Следует отметить, что в отношении обустройства пограничного края Мягковым был составлен целый проект, в котором предполагалось строгое наблюдение за нелегальной торговлей между инородцами Удского острога и «неместным» населением, в том числе с представителями приграничного государства – Китая [Васильев, 2021].

¹² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 27 об.

¹³ Там же. Л. 51 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 27 об.47

¹⁶ Там же. Л. 26–26 об.

¹⁷ Там же. Л. 62 об., 70.

¹⁸ Там же. Л. 18–18 об.

¹⁹ Там же. Л. 55–55 об.

²⁰ Там же. Л. 25–26; Д. 177. Л. 14.

²¹ Там же. Д. 175. Л. 13 об.-15.

²² Там же. Л. 31.

²³ Там же. Л. 47.

Освещались и случаи «произволов» со стороны священников, вследствие чего инородцы «чувствовали отягощения». Это было связано с отсутствием единых правил, которые бы учитывали местные особенности при «распределении приходов по области», назначении «постоянного времени разъездов священников для исправления духовных треб» в инородческие места. Зачастую «один наслег раздроблялся в приделе двум и трем священникам», при этом представители духовенства выезжали «без всякого соображения времени и самопроизвольно», «занимая обывательския подвод не редко без бланковых билетов, облагая при том инородцов за исправление треб не редко положительным числом платежа» и пр.²⁴ В условиях развития товарно-денежных отношений в регионе «коммерческим людям» также запрещалось разъезжать по якутским селениям и заниматься торговлей в улусах, кроме назначенных в определенное время ярмарок. Строго запрещалось поселяться им в землях инородцев, что регулировалось упомянутыми правилами параграфов 31 и 32 Устава²⁵.

Отмечалось «корыстолюбие» торговцев на ярмарках, завышавших цены на хлеб, что сказывалось на положении бедной части инородцев²⁶. При этом в отчетах не прослеживается признаков продовольственного кризиса, напротив, положение аборигенов позиционируется как весьма обеспеченное и в другом случае — как застрахованное политикой государства. Пункт в отчете, связанный с благосостоянием народов, начинался с бодрых заверений: «Благосостояние обитающих в Якутской области народов в продолжении 1829 года не подвергалось никаким особым неприятным последствиям», отмечалось, что «собственный избыток доставлял каждому пропитание». Исключение составляли лишь инородцы северных округов — Колымского и Верхоянского, зависящие от рыбных промыслов, которые в случае недостатка продовольствия поддерживались рыбными и хлебными запасными магазинами²⁷. Об этом свидетельствует и информация об учреждении рыбных запасных магазинов для удских тунгусов: «...учреждение сие на 1828 год имело уже весною сего года при случившемся у тунгусов недостатке, ощутительную пользу»²⁸. Аналогичная позиция была характерна и в освещении социальных заболеваний среди инородцев, Мягков даже уверял в излечимости болезни, названной «проказой»²⁹. Не затрагивалась тема вымирания аборигенов, сокращения их численности; напротив, встречается утверждение «о видимом и значительном противу прежнего размножении числа их»³⁰.

В отчетах отсутствовала информация об «обрусении», распространении православия среди аборигенов как средства интеграции в общероссийское пространство.

Распространение хлебопашества с данной целью, по всей видимости, не являлось первостепенной задачей областной администрации в данный период. Степная дума в целом не занималась основной своей задачей, которая была прописана в «Уставе»: «...4) распространение земледелия и народной промышленности»³¹. Кроме того, в отчетах не упомянута категория «оседлые инородцы», так как, вероятно, областной начальник считал их количество незначительным. Он отмечал: «Хлебопашество в Якутской области не составляет еще главной отрасли благосостояния поселян», «жители племен кочующих и бродячих инородцов снискивают пропитание единственно от скотоводства и промысла рыбы»³².

Однако распространение земледельческой культуры в области, в том числе и среди якутов, являлось одним из основных направлений в работе областного начальника. Безусловно, в первую очередь это касалось русского крестьянства, образ жизни которого считался «не различным от кочевых инородцев» на основании их рассеянности³³. В 1828–1829 гг. Н.И. Мягковым была организована экспериментальная Никольская слобода на 100 дес. земли, находившаяся рядом с инородческим Намским улусом. Слобода состояла из трех семей, предполагалось распространить, кроме хлебопашества, и огородные занятия³⁴. В отчетах содержатся некоторые сведения о посеве хлеба в русских селениях Амги, расположенных вблизи Якутска³⁵, а также «по Олекминскому округу у якутов и крестьян поселенным близ Олекмы»³⁶. Причем слово «якутов» было написано в виде дополнительной правки в тексте, что может говорить о стереотипном представлении о распространении земледельческой культуры в данный период.

Мягков уверен в дальнейших возможностях и готовности инородцев усваивать русскую культуру. Впервые, он отмечает, что бедность амгинских крестьян побудила представителей «кочевых» инородцев — житочной части якутов — помогать им на бесплатной основе распахиванием земель быками³⁷. В отчете за 1830 г. уже появилась информация о посеве хлеба у 9 якутов Батурусского улуса Бологурского наслега и в 5 якутских родовых управлениях³⁸.

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о принципах этнической толерантности, характерной для политики российского правительства в первой половине XIX в., отсутствии русификаторских элементов, появившихся позже, во второй четверти, что отмечают сибирские исследователи [Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., 2018, с. 29]. Попечительное отношение

²⁴ Там же. Л. 22 об.

²⁵ Там же. Л. 47 об.-48.

²⁶ Там же. Л. 6 об.-8.

²⁷ Там же. Л. 9-9 об.; Д. 177. Л. 6 об.-7.

²⁸ Там же. Д. 175. Л. 16-16 об.

²⁹ Там же. Д. 176. Л. 82 об-86; Д. 177. Л. 54-58.

³⁰ Там же. Д. 175. Л. 8 об.

³¹ Там же. Д. 176. Л. 44; ПСЗРИ Собр. 1. Т. 38., № 29125.

³² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 23-23 об.

³³ Там же. Л. 72.

³⁴ Там же. Л. 76 об.

³⁵ Там же. Л. 92-94 об.

³⁶ Там же. Л. 68.

³⁷ Там же. Л. 11, 71.

³⁸ Там же. Д. 177. Л. 32 об.

ние областного начальника в отношении аборигенного населения конструируется и на основании документов самих инородцев. В 1832 г. лидеры якутского самоуправления писали в адрес М.М. Сперанского с целью вернуть Н.И. Мягкова в Якутскую область, прилагая следующую его характеристику: «...защищал и ограждал по власти ему вверенной от всех худых последствий могущих произойти от инородческого неведения нашего», «усовершенствовал все права инородцев наипрочнейшем основании к потомственному благосостоянию племен наших», «благотельнейший начальник песяк к установлению благосостояния нашего как отец о детях неутомимым и чрезвычайным обременением себя»³⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ежегодных отчетах областного начальника Н.И. Мягкова аборигенное население изображено с позиций патернализма и позиционируется как объект заботы и защиты. Сконструирован образ инородца, способного к организации самоуправления. Акцент сделан на решении проблем «кочевых» инородцев – якутов, большое внимание уделялось нехватке покосных мест, отмечено негативное влияние на жизнь аборигенов со стороны некоторых земских чиновников, казаков, духовенства, торговых людей. Чтобы противостоять им, Н.И. Мягков предлагает бороться с произволом и ограничить каналы коммуникации. Прослеживается общеимперская тенденция, связанная с высокой степенью этнической толерантности в административной политике самодержавия в контексте процесса инкорпорации региона в общероссийское пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев А.Д. «Инородческий вопрос» в делопроизводстве областных начальников на примере Якутской области (первая половина XIX в.) // Всерос. науч.-теор. конф. «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность». Иркутск: Оттиск, 2018. С. 104–108.

Васильев А.Д. Ежегодные отчеты якутских областных начальников в системе местного управления Российской империи во второй четверти XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 3. С. 72–75.

Васильев А.Д. Проект якутского областного начальника Н.И. Мягкова по обустройству Удского края (1820-е гг.) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 28–36.

Васильев А.Д. Проблемы в управлении Якутской областью в ежегодных отчетах областных начальников (вторая четверть XIX в.) // Клио. 2022. № 1 (181). С. 140–145.

Галямов А.А. Образы обских угров в академических изданиях второй половины XVIII века: гравюры Х. Рота // Вестн. угроведения. 2019. Т. 9, № 4. С. 789–797.

Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.): Иркутск, 2007. 320 с.

Дамешек Л.М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении: сибирский вариант (XVIII–XX вв.): моногр. Иркутск: Изд-во ИГГУ, 2022. 183 с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 2018. 416 с.

Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX вв.: от степных дум к волостным правлениям // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2018. Т. 23. С. 22–35.

Ершов М.Ф. Образы аборигенов Тобольского Севера в официальных и научно-популярных изданиях последней трети XIX в. // Вестн. угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 134–141.

Конов А.Ю. Инородцы – сословный проект империи: сибирская версия // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 6–19.

Любичанковский С.В. Образ Оренбургского края в отчетах его гражданских губернаторов (конец XIX – начало XX века) // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 176–194.

Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // Questio Rossica. 2019a. Т. 7, № 3. С. 835–850.

Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Всеподдавшиеся отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019b. № 1. С. 45–51.

Матханова Н.П., Родигина Н.Н. «Приамурье не Сибирь»: Репрезентация отличий Сибири и Дальнего Востока в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021a. № 463. С. 117–124.

Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: крестьянство // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2021b. № 8. С. 49–60.

Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Репрезентации сельского населения региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX века: инородцы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2022. № 8. С. 77–90.

Петухова З.И. Якутская Степная дума (1827–1838 гг.). Якутск: Айар, 2021. 198 с.

Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири. (XVII – начало XIX века). Якутск: Кн. изд-во., 1978. 207 с.

REFERENCES

Dameshek L.M., Dameshek I.L. (2018). Selected works. Irkutsk, Ottisk, vol. 2. Siberia in the system of imperial regionalism (1822–1917), 416 p. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2022). The ethnic factor of the peripheral policy of the empire in the regional dimension: the Siberian version (XVIII – XX centuries). Irkutsk, Izd-vo IGU, 183 p. (In Russ.)

Dameshek L.M., Zhalsanova B.Ts., Kuras L.V. (2018). Buryat local self-administration in the 19th – early 20th centuries: from the Steppe Dumas to Volost Administrations. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 23, pp. 22–35. (In Russ.)

Ershov M.F. (2022). Images of the natives of the Tobolsk North in official and popular science publications of the last third of the 19th century. *Vestnik ugrovedeniya*, vol. 12, no. 1, pp. 134–141. (In Russ.)

Fedorov M.M. (1978). Legal status of the peoples of Eastern Siberia. (17th – early 19th centuries). Yakutsk, Kn. izd-vo, 207 p. (In Russ.)

Galyamov A.A. (2019). Images of the Ob Ugrians in academic publications of the second half of the 18th century: engravings by C. Roth. *Vestnik ugrovedeniya*, vol. 9, no. 4, pp. 789–797. (In Russ.)

Gimelshtein A.V., Dameshek L.M., Senina E.A. (2007). The image of inorodtsy in the pages of Siberian periodicals (the second half of the 19th – early 20th centuries). Irkutsk, Vost.-Sib. izd. kompaniya, 320 p. (In Russ.)

³⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 376. Л. 9–11 об.

Konev A.Yu. (2014). Inorodtsy – the class project of the empire: the Siberian version. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoy Rossii (XVII – nachalo XX veka) : sb. materialov Vseros. nauch. konf.* Novosibirsk, pp. 6–19. (In Russ.)

Lyubichankovsky S.V. (2021). The image of the Orenburg Territory in the reports of its civil governors (late 19th – early 20th centuries). *Regiony Rossiyskoy imperii: identichnost', reprezentatsiya, (na) znachenie*, Moscow, pp. 176–194. (In Russ.)

Matkhanova N.P., Rodigina N.N. (2019). Loyal reports as a source to study Siberian governors-general' views on the region in the second half of the 19th century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 26, no. 1, pp. 45–51. (In Russ.)

Matkhanova N.P., Rodigina N.N. (2021). Representations of the rural population of the region in the reports of the Siberian governors-general of the second half of the 19th century: the peasantry. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 20, no. 8, pp. 49–60. (In Russ.)

Matkhanova N.P., Rodigina N.N. (2022). Representations of the rural population of the region in the reports of the Siberian governors-general of the second half of the 19th century: “foreigners”. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, vol. 21, no. 8, pp. 77–90. (In Russ.)

Matkhanova N.P., Rodigina N.N. (2021). “The Amur region is not Siberia”: representation of the differences between Siberia and the Far East in the reports of the governors-general of the second half of the 19th

century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 463, pp. 117–124. (In Russ.)

Matkhanova N.P., Rodigina N.N. (2019). The image of Siberia in the reports of the governors-general of the second half of the 19th century. *Questio Rossica*, vol. 7, no. 3, pp. 835–850. (In Russ.)

Petukhova Z.I. (2021). Yakut Steppe Duma (1827–1838). Yakutsk, Ayar, 198 p. (In Russ.)

Vasiliev A.D. (2020). Annual reports of the regional heads in the local government system of the Russian Empire in the second quarter of the 19th century (a case of Yakut region). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 27, no. 3, pp. 72–75. (In Russ.)

Vasiliev A.D. (2018). “Indigenous issue” in the office work of regional heads by the example of the Yakut region (first half of the 19th century). *Vserossiyskaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya «Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost'»*. Irkutsk, pp. 104–108. (In Russ.)

Vasiliev A.D. (2022). Problems in the management of the Yakut region in the annual reports of regional heads (second quarter of the 19th century). *Klio*, no. 1, pp. 140–145. (In Russ.)

Vasiliev A.D. (2021). The project of the Yakut regional head N.I. Myagkov on the arrangement of the Udskey Territory (the 1820s). *Gumanitarnyy vektor*, vol. 16, no. 3, pp. 15–23. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.08.2023

Дата рецензирования 30.09.2023

Статья принята к публикации 29.01.2024

DOI: 10.15372/HSS20240107
УДК 94:35(571.56)"185/1917"
EDN: EVSHSA

А.И. АРХИПОВА

РЕВИЗИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.)

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
РФ, 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

В статье на примере ревизий Якутской области показаны функции надзора в деятельности восточносибирских (иркутских) генерал-губернаторов. Автором использованы антропологический подход и сравнительно-исторический метод, согласно которым обозрения генерал-губернаторов рассматриваются как часть их управленческой деятельности. Источники выявлены в фондах Национального архива РС(Я) и Государственного архива Иркутской области. Показана подготовка и особенности проведения обозрения Якутской области, охарактеризован основной круг вопросов, на которые обращали внимание генерал-губернаторы. Изучение подведомственной территории помогло генерал-губернаторам решать текущие задачи управления краем, планировать преобразования и намечать перспективы его дальнейшего развития. Эффективность проводимых обозрений зависела от ряда факторов, среди которых следует отметить отсутствие удобных путей сообщения в области, личные качества чиновников, бюрократическую волокиту.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Якутская область, управление, генерал-губернатор, губернатор, ревизии, коммуникативные практики.

A.I. ARKHIPOVA

REVISION ACTIVITIES OF THE GOVERNORS-GENERAL OF THE YAKUT REGION IN THE MID-19th – EARLY 20th CENTURIES

Institute for Humanities Research and
Indigenous Studies of the North SB RAS,
1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the main directions and effectiveness of the revision activities of Governors-General based on published and archival documents. The subject of the research is the Yakut region, which was a part of the East Siberian Governor-Generalship (later the Irkutsk Governor-Generalship). The source base includes document management materials: reports to the Governor-General, messages and results of the regional institutions revision, correspondence between departments, and petitions submitted by the population. Inspections of the subordinate territory were one of the most important functions of Governors-General. The difficulty in accessing the territory of the Yakut region contributed to the fact that its revisions took place mainly in summer and required more time. Providing reception and accompaniment for the Governor-General imposed many obligations on the receiving party and required additional preparation, thus the timing of an intended trip became known in advance. During the revisions, the authorities communicated with the society. In addition to communicating with the regional administration officials, the Governors-General actively considered petitions and complaints from the local population and checked the fairness of the conclusions made. The effectiveness of the Governor-General's revisions of the Yakut region was influenced by various factors: the lack of convenient routes of communication within the region, the personal qualities of officials, and bureaucratic red tape. The expansion of the administrative independence of the Yakut region by introducing the post of Governor was the main result of the revision of Governor-General N.N. Muravyov. He set the task of development in the agriculture field for the Yakut Governor. This led to the spread of arable farming, which became one of the important activities for subsequent officials. The revisions helped to actualize the problem of inconsistency between the practice of public management of peasants and the legislation and justify the need for its transformation. During their visits, the Governors-General assessed the activities of the Governors and local administration, which subsequently affected the staffing of the territory. Some of the results of the Governors-General reviews were reflected in annual reports to the Emperor. The inspection results confirmed the validity of the management decisions and formed the basis for the proposed transformations.

Key word: Eastern Siberia, Yakut region, management, Governor-General, Governor, inspections, communication practices.

Алена Ивановна Архипова – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: ali-titova@rambler.ru, orcid.org/0000-0002-2464-0534.

Alena I. Arkhipova – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Важным политическим институтом в Сибири являлся институт генерал-губернаторов. Деятельность генерал-губернаторов по управлению Восточной Сибирью, эволюция этого института власти, социокультурная характеристика данной группы чиновников неоднократно становились объектом исследования отечественных историков [Дамешек, 2002; Матханова, 2016; Матханова, 2020; Дамешек и др., 2020]. Однако поездки генерал-губернаторов с целью обозрения подведомственной территории, в частности Якутской области, еще не были предметом пристального изучения.

Кандидатуры генерал-губернаторов утверждал император, они являлись главными «блюстителями неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего начальства»¹. Одной из важнейших функций генерал-губернатора была «непрестанная ревизия всех действий мест и лиц ему подведомственных, для предупреждения или прекращения нарушения законов, всего противного безопасности и пользе общей...»². Ревизии в России представляли собой одну из форм контроля. Ревизии подразумевали практику поездок сенаторов и высших чиновников в регионы с целью контроля над законностью дел. С этой целью генерал-губернаторы периодически совершали обозрение территории, ревизовали присутственные места, издавали особенные распоряжения местному начальству по исправлению замеченных недостатков.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины XIX в. до начала XX в.: нижняя граница соответствует ревизии генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, в результате которой произошло расширение административной самостоятельности области и была введена должность губернатора, верхняя граница обоснована поездкой генерал-губернатора Л.М. Князева, которая, по нашим данным, была последней.

Географический фактор оказывал влияние на особенности управления краем, функции органов власти, их полномочия, административно-территориальное устройство региона. Якутская область входила в состав Восточно-Сибирского, позднее Иркутского генерал-губернаторства. Взаимодействие генерал-губернатора с губернатором осуществлялось через канцелярию посредством циркуляров, отношений, писем, кроме того, в Иркутск отправляли экземпляр ежегодного губернаторского отчета о состоянии области. Личное общение губернатора с генерал-губернатором происходило во время командировок губернатора, поездок в отпуск, проходивших через Иркутск, либо при приезде генерал-губернатора в Иркутск

с ревизией. При строго обозначенной в законодательстве обязанности проводить ревизии не все генерал-губернаторы посещали Якутскую область. Причиной этого был большой объем их должностных полномочий, труднодоступность территории и отсутствие благоустроенных путей сообщения. С конца XIX в. с развитием судоходства ревизии в область стали носить более регулярный характер. В случае, когда генерал-губернатор не приезжал лично, ревизовать областные учреждения отправляли чиновника Главного управления Восточной Сибири (ГУВС). Так, в 1876 г. область посетил старший советник ГУВС, чиновник особых поручений Новицкий, в программу его действий была включена ревизия Якутского областного правления, суда, казначейства, полицейского управления, Якутского и Олекминского окружных управлений, Якутского городского полицейского управления, больницы, богадельни, тюремного помещения и некоторых учебных заведений.

В рассматриваемый период в Восточной Сибири на посту генерал-губернатора побывали 12 чел. Доступны сведения о приезде в Якутскую область шестерых из них: Н.Н. Муравьева, А.П. Игнатьева, А.Д. Горемыкина, А.И. Пантелеева, А.Н. Селиванова, Л.М. Князева. Занимавший пост генерал-губернатора в течение 11 лет А.Д. Горемыкин приезжал в Якутскую область дважды. В ходе поездок генерал-губернаторы фиксировали свои наблюдения и составляли ряд замечаний, которые направляли местному начальству.

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ РЕВИЗИЙ

Основной целью поездок генерал-губернаторов в Якутский край являлась ревизия территории и управления ею, каждый чиновник ставил перед собой конкретные задачи. Н.Н. Муравьев стремился уточнить возможность развития в области земледелия, выяснить положение народонаселения и определить «степень и точность исполнения законов, учреждений и служебных обязанностей» [Архипова, 2019, с. 57]. А.П. Игнатьев планировал «лично обозреть возможно большее число местностей». А.Д. Горемыкин старался посредством рассмотрения прошений, личного посещения кочевий и расспроса инородцев и их начальников выяснить действительное положение дел. А.И. Пантелеев подчеркивал, что его цель – «не одно только преследование виновных, но, главным образом, исправление неправильностей в их существе».

Приезд генерал-губернатора являлся важным событием и для чиновников областной администрации, и для населения, требовал дополнительной подготовки со стороны местного общества. О сроках поездки становилось известно заранее. Как видно из протоколов Якутской городской думы, в 1886 г. к приезду генерал-губернатора была подготовлена квартира чиновника Климовского, ремонт и обустройство которой стоили городскому бюджету более 300 руб. Генерал-губернатора Л.М. Князева ждала квартира в доме городского головы П.А. Юшманова, в городскую

¹ Свод законов Российской империи. Изд. 1876 г. Т. II. Ст. 415.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. 28. № 27293. С. 260–261.

управу было ассигновано 300 руб. расходов на встречу и прием. Некоторые генерал-губернаторы предпочитали размещаться на пароходе. В 1890 г. перед приездом А.Д. Горемыкина были проведены работы по обустройству удобной пристани, отремонтированы дороги к ней и помосты на городских поперечных канавах³. Для встречи его превосходительства и поднесения хлеба и соли формировали особую депутацию, состоявшую из городского головы и гласных. В 1886 г. А.П. Игнатьев перед приездом отправил якутскому губернатору 15 экземпляров примерного маршрута своего следования из Иркутска в Якутск, поручил разослать их в полицейские управления и волостные правления тех мест, где планировал проезжать. Обеспечение приема и сопровождения генерал-губернатора накладывало много обязательств на принимающую сторону. Генерал-губернатор А.П. Игнатьев прекрасно понимал, что время его приезда совпадает с самой рабочей порой, поэтому распорядился специальные сходы не собирать. Рекомендовал оповестить местное население о точном времени своего прибытия, и в местах остановок собрать инородческих или крестьянских начальников⁴. О предполагаемой поездке Л.М. Князева стало известно в январе этого же года от прокурора Якутского окружного суда, который вернулся из Иркутска.

Атмосферу подготовки к встрече высших должностных лиц управления демонстрирует, например, следующий случай: инспектор Олекминского училища, в обращении к инспектору народных училищ пишет, что у него до сих пор нет парадной форменной одежды, и просит уточнить необходимость ее приобретения ввиду «предполагаемого посещения высшим учебным начальством»⁵.

О масштабе проводимой подготовки в округах свидетельствует переписка губернатора с окружными исправниками северных округов. Получив предписание о предоставлении почетных выборных от Верхоянского улуса, окружной исправник немедленно назначил совещание по этому поводу. В нем приняли участие помощник исправника, улусный голова и 10 представителей наслегов. Была выбрана депутация из 3 чел. во главе с головой Н.Н. Старостиным – человеком «тактичным и основательным, несколько и удовлетворительно владеющим русским языком»⁶. На собрании констатировали, что требовать присутствия части инородческого населения и представителей крестьянских обществ невозможно из-за отсутствия летнего сообщения с местами их проживания. Депутации от округов тщательно планировали свой приезд, чтобы вовремя прибыть в Якутск. Местное общество вместе с выборными отправляли национальные костюмы и произведения кустарного промысла.

Первым генерал-губернатором, посетившим область в рассматриваемый период, являлся Николай Николаевич Муравьев. С его приездом связано последующее расширение административной самостоятельности Якутской области и учреждение должности губернатора. Перед поездкой он приказал, чтобы его караван на всем пути следования не превышал 40 лошадей, именно на такое количество оплачивались прогоны. Областное начальство и якуты были удивлены этому требованию, поскольку ожидали, что генерал-губернатор «потребуется для своего похода не менее 150 лошадей на каждую станцию, соображаясь с числом лошадей, которое занимал каждый отдельный частный путешественник»⁷.

Изучение территории Якутского края было проведено в два этапа по пути в Охотск, куда Н.Н. Муравьев выехал 15 мая 1849 г., в частности, были исследованы Амгинская слобода и волостные правления. При возвращении с Камчатки рассматривался путь через Аян, во время месячного пребывания в г. Якутске изучались округа и областное правление [Архипова, 2019, с. 26–33]. Сложность этого путешествия описал в своих воспоминаниях Б.В. Струве: «Сколько неимоверных трудностей перенесли мы, сколько казавшихся нам непреодолимыми препятствий побороли мы только благодаря настойчивости, твердости и опытности Муравьева, показывавшего во всем пример»⁸.

Несмотря на тщательную подготовку, в пути могли возникнуть непредвиденные трудности. При проезде А.П. Игнатьева в ночь с 20 на 21 июля 1886 г. на реке возникла ситуация, близкая к столкновению с торговыми паузками из-за отсутствия у последних отличительного огня, об этом инциденте был составлен соответствующий акт, переданный в окружное полицейское управление⁹.

К приезду Н.Н. Муравьева, путь которого должен был проходить через Олекминский округ, окружное управление рекомендовало жителям Олекминска отремонтировать заборы и навести чистоту на улицах напротив своих домов, о выполнении этого предписания сообщить в управление¹⁰. Дважды проезжая мимо округа, генерал-губернатор с целью предотвращения спекуляций торгового сословия распорядился увеличить пропорцию заготовления казенного хлеба в хлебозапасных магазинах. Окружному исправнику было поручено к середине сентября подготовить описание округа по специальной программе, включавшей названия деревень и станций, число дорог, число поселенцев мужского и женского пола, число работников, количество земли и сведения о ее расчистке, количество посевов и урожая, домашних животных, промыслов зверя, податей и сборов, магазинов. Н.Н. Муравьев

³ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 164. Оп. 5. Д. 424. Л. 1–3.

⁴ Там же. Ф. 12и. Оп. 1. Д. 4192. Л. 8.

⁵ Там же. Ф. 288и. Оп. 1. Д. 332. Л. 7.

⁶ Там же. Ф. 12и. Оп. 1. Д. 8593. Л. 15.

⁷ Струве Б.В. Воспоминания о Сибири: 1848–1854 гг. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1889. С. 57.

⁸ Там же, С. 67.

⁹ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 4208. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 19и. Оп. 1. Д. 687. Л. 43.

подробно проанализировал все округа Якутской области на предмет развития хлебопашества, тщательно проверил Амгинскую слободу, в которой проживало русское население.

Учитывая удаленность области, для ее ревизии требовалось довольно продолжительное время. Долше других генерал-губернаторов в разъездах пребывал Н.Н. Муравьев. Маршрут следования генерал-губернатора А.П. Игнатьева в 1886 г. был запланирован следующим образом: выезд из Иркутска 8 июня, прибытие в Олекминск 2 июля, прибытие в Якутск 6 июля.

Генерал-губернаторы посещали область как в сопровождении чиновников, так и со своими семьями. Н.Н. Муравьев выезжал на обозрение с супругой, А.П. Игнатьев и А.Д. Горемыкин с супругами и детьми. Воспоминания о путешествии в Якутск на «шитиках» оставил сын А.П. Игнатьева А.А. Игнатьев: «вниз по бесконечной Лене: туда на веслах, а обратно лошадиной тягой, сменяющейся на каждой почтовой станции... Лето выпало особенно жаркое, и Лена обмелела – провести по ней шитиковый караван было нелегко. Особенно памятна та тихая светлая лунная ночь, когда всем нам было предложено высадиться на правом, нагорном берегу и идти пешком, чтобы облегчить шитики» [Игнатьев, 1941, с. 33–34].

Состав чиновников, сопровождавших губернаторов, был различным. Так, в 1901 г. иркутского военного генерал-губернатора, генерал-лейтенанта А.И. Пантелеева сопровождали штаб-офицер для особых поручений, полковник князь М.В. Волконский, чиновники Зубовский и В.А. Мишин. В 1908 г. иркутского военного генерал-губернатора А.Н. Селиванова сопровождало уже больше чиновников, среди них – начальник окружного штаба, генерал-лейтенант П.С. Саввич, окружной генерал-квартирмейстер, генерал-майор А.Д. Кузьмин-Караваев, генерал для особых поручений Стремоухов, три чиновника по особым поручениям и адъютант, подьесаул Забайкальской казачьей батареи Н.А. Булич¹¹.

К приезду генерал-губернаторов Якутск преображался, жители украшали свои дома флагами. При встрече А.Д. Горемыкина его супруге был преподнесен букет живых цветов. А.Н. Селиванова встречали у пристани все гражданские чины и представители духовенства. Епископ Макарий лично приветствовал его с благополучным прибытием и высказал свои наилучшие пожелания¹². Навстречу генерал-губернатору Л.М. Князеву в 1912 г. к границе Якутской области выехали губернатор с советником областного правления и чиновником особых поручений. По прибытии его встречали представители правительственных и общественных учреждений, архипастырь, почетные инородцы и толпа народа. Городской голова П.А. Юшманов встретил хлебом-солью и сказал краткое приветственное слово.

Окружные исправники к приезду генерал-губернатора готовили рапорты, проекты которых предварительно отправляли на одобрение якутскому губернатору. В качестве примера приведем содержание рапорта олекминского окружного исправника: «в районе вверенного мне округа стихийных бедствий от пожаров и наводнений в настоящем году не было, эпидемических и эпизоотических болезней нет, все обстоит благополучно», далее приведено подробное описание территории округа, занятий и условий жизнедеятельности населения¹³. Губернатор требовал от окружных исправников представлять подробную информацию о впечатлениях генерал-губернатора при ревизии округов, сообщать обо всех поступивших распоряжениях и указаниях.

Улусные головы также предоставляли генерал-губернатору рапорт и прилагали приговор родоначальников, в котором последние фиксировали нужды населения, его копию отправляли губернатору. Круг вопросов, поднимаемых перед генерал-губернатором, был довольно широк, в основном он касался непосредственных нужд местного общества. Так, в одном из северных округов общество в своем приговоре озвучило проблему ограничения высылки в улус ссыльных, содержание которых являлось острой проблемой для местного населения. Просили о восстановлении существовавшего ранее порядка содержания казною пяти нарт на станции в г. Верхоянске, об увеличении числа кроватей в местной лечебнице, высылке в магазин 500 пудов разного хлеба для помощи бедным сородичам¹⁴.

РЕВИЗИИ ОБЛАСТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В ходе обозрения подведомственной территории генерал-губернаторы должны были обращать внимание на функционирование основных присутственных мест областного города, составить представление об их деятельности, оценить службу областной администрации. По результатам обозрения Н.Н. Муравьев резюмировал, что областной начальник был обременен делами по областному правлению, объединявшему полицейские обязанности и судебную власть, а также канцелярскими делами. При этом он находился в зависимости от иркутского губернатора, а казенная и хозяйственная части управления не подчинялись местной администрации¹⁵. Для изменения ситуации и привлечения в край чиновников с высшим образованием он предложил ввести в Якутской области должность гражданского губернатора.

После посещения области генерал-губернатор А.П. Игнатьев высоко оценил службу якутского губернатора К.Н. Светлицкого, отметив, что он «своим добросовестным отношением и любовью к делу, с успехом приводит в надлежащий порядок вверенное ему управление»¹⁶. Подчеркнул заслуги К.Н. Светлицко-

¹¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 3. Д. 2227. К. 285. Л. 81.

¹² Якутские епарх. ведомости. 1908. 16 августа. С. 242–244.

¹³ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 2. Д. 22. Л. 9–10.

¹⁴ Там же. Ф. 32и. Оп. 1. Д. 1017. Л. 4.

¹⁵ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 81. Л. 20.

¹⁶ Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 26. К 3. Л. 50.

го, особенно его поездку по Аянскому тракту, ходатайствовал перед министром внутренних дел о присвоении ему чина генерал-майора.

Насыщенность рабочего дня генерал-губернатора в Якутске демонстрирует пример А.Д. Горемыкина. С 4 по 21 июля он ежедневно с 9 до 10 часов утра лично принимал у себя на квартире посетителей и устраивал по вечерам заседания, на которых рассматривались вопросы, требовавшие особого внимания: к их обсуждению привлекались губернатор, вице-губернатор и другие компетентные лица. Обсуждались проблемы земельного устройства местного населения, организации фельдшерской школы в Якутске, развития фельдшерских пунктов в округах, учреждения в городе оспенного телятника, улучшения судебной части, увеличения средств якутского городского общественного управления, женской прогимназии и преобразования якутского городского казачьего полка, уделялось внимание мерам по улучшению экономического положения ссыльных.

Встречи в ходе поездок по обозрению края происходили как с чиновниками местной администрации, так и с местными жителями. А.Д. Горемыкину были представлены депутации во главе с выборными от Якутского, Вилюйского и Верхоянского округов. С ними он обсуждал современное экономическое положение населения, средства по улучшению скотоводства и земледелия. Жалобы и просьбы рассматривал тщательно, вникал в суть дел, поэтому не пользовался предварительными выписками из дел и докладов. В первый приезд он посетил тюрьму, где встретился с областным прокурором и директором якутской тюрьмы. Дал различные указания по тюремному хозяйству, тщательно обошел камеры и подробно расспросил каждого заключенного о ходе дела и продолжительности заключения. В больнице осмотрел временное и ремонтируемое постоянное помещения, отделение для умалишенных. Отметил плохое состояние больничного белья, рекомендовал отделить белье заразных больных и варить его в отдельном котле и т.п. При посещении Якутского реального училища был прослушан «Очерк колонизации северной России и Сибири» озвученный Ф.П. Котляром. В честь приезда генерал-губернатора для учеников за городом было устроено гуляние, на котором он присутствовал вместе с семьей.

А.Д. Горемыкин не любил пышную обстановку на приемах и огорчался, если они сопровождались большими тратами, поэтому в Общественном собрании Якутска был устроен небольшой семейно-танцевальный вечер.

В честь его приезда Ф.В. Астраханцевым было пожертвовано 2 тыс. руб. на учреждение стипендий имени генерал-губернатора для обучения беднейших детей городских обывателей в учебных заведениях города. Вместе с ними всего были собрано пожертвованных в сумме 4730 руб., из которых 2730 руб. получил фонд Якутского комитета попечения о бедных. Что касается стипендий, Горемыкин пожелал, чтобы они были учреждены в честь министра внутренних дел

И.Н. Дурново и военного министра П.С. Ванновского¹⁷. Во второй приезд летом 1897 г. Горемыкин посетил выселок прокаженных, проверил его финансовое и хозяйственное состояние.

Насущной проблемой Якутской области являлось устройство казачьего полка, вопрос о его реорганизации возник еще в 1870-х гг. и обсуждался на протяжении почти 30 лет. Горемыкин во время ревизии подробно и всесторонне обсудил эту проблему с участием губернатора и местных представителей казачьего сословия, был сделан вывод о необходимости его упразднения. Впоследствии генерал-губернатор сообщил об этом в отчете императору.

А.И. Пантелеев посетил духовные и учебные заведения епархии, присутствовал на годичных экзаменах учащихся, 5 июня совершил поездку на пароходе в Тылымскую церковь, на следующий день в Покровскую и Качикатскую церкви, после чего выехал в Иркутск [Якутия, 2002, с. 328]. В 1901 г. в ознаменование сохранения в памяти потомков посещения генерал-губернатором учебных заведений и за его вклад в развитие образования городская дума постановила учредить из городских средств две стипендии в размере 100 руб. имени Александра Ильича Пантелеева: одну – в реальном училище и одну – в женской гимназии для детей бедных горожан.

Одна из ревизий Олекминского округа выявила в инородной управе производство тайных сборов сверх сметных платежей, нарушения в выдаче инородцам и причисленным к ним ссыльным увольнительных паспортов и билетов на простой бумаге, а не на специальных бланках. На обратном пути из Якутска в Олекминском округе к нему обратились инородцы через своего доверенного с просьбой признать их оседлыми и ввести в их поселениях крестьянское управление.

А.Н. Селиванов в 1908 г.¹⁸ осмотрел все учреждения города, посетил кафедральный собор, принял парад якутского гарнизона и казачьего полка. Проявил особый интерес к вопросу участия поднадзорных в различных экспедициях. Ему был предоставлен список должностных лиц области, список должностных лиц, находящихся здесь в командировке, а также список имеющихся правительственных благотворительных обществ.

Во время пребывания Л.М. Князева в городе состоялось совещание, посвященное вопросам колонизации Якутской области. Присутствовали губернатор И.И. Крафт, советники областного управления, руководитель экспедиции Переселенческого управления В.Е. Рудницкий, областной агроном М.Н. Скадченко, представитель инородческого населения И.С. Говоров и др. В.Е. Рудницкий в своем выступлении ознакомил присутствующих с задачами и планами работы экспедиции Переселенческого управления. Все участники подробно высказались по этому поводу. Сам ге-

¹⁷ Пребывание г. иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина в Якутской области летом 1890 г. С. 186.

¹⁸ ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 2227. К. 285. Л. 81.

генерал-губернатор сделал замечание, что нельзя ставить главной задачей «изыскание колонизационной емкости» и вести речь о переселении неаклиматизированных крестьян с запада, а также отметил, что все изыскания должны быть научно основаны. Его заинтересовал вопрос о развитии земледелия среди ссыльных¹⁹.

При посещении Якутской городской думы Л.М. Князеву была вручена докладная записка о насущных проблемах г. Якутска. Требовалось решить проблему расчистки русла р. Лены вблизи Якутска, чтобы сделать возможным доступ пароходов, обеспечить регулярное снабжение города питьевой водой, кроме того, следовало укрепить берег протоки Лены. Необходимо было также расширить базарную площадь за счет двора духовной семинарии, обратить внимание на проблемы проведения зимнего почтового тракта от Якутска к Амурской железной дороге.

15 июня 1912 г. в здании областного музея в присутствии Л.М. Князева состоялось торжественное заседание членов Якутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения быта ее населения. Здание музея было празднично декорировано и украшено флагами. Преподаватель семинарии В. Попов прочитал исторический очерк под названием: «Поход казаков в Якутскую землю в XVII веке и учреждение Якутского воеводства» [Явловский, 2004, с. 345].

Не менее торжественными были проводы генерал-губернаторов. При отъезде А.Д. Горемыкина состоялся прощальный обед с участием епископа Мелетия и представителей всех ведомств, местного общества с супругами и почетных инородцев. Обед закончился сбором подписей на учреждение в области отделения попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, его членами пожелали быть 35 человек. Вечером перед отплытием парохода на берег собралось все местное общество, офицеры и нижние чины. Во время отъезда А.Н. Селиванова 30 июля гражданских чинов не было, его проводил и благословил в обратный путь преосвященный. При отъезде из г. Якутска генерал-губернатора Л.М. Князева с ним прощались в специально устроенной палатке, городской голова преподнес ему альбом видов г. Якутска, член управы – хлеб-соль, а госпожа Сальмонович – роскошный букет из живых цветов от дам города²⁰.

Два генерал-губернатора – граф А.П. Игнатьев и А.Д. Горемыкин – были признаны почетными гражданами г. Якутска. О признании А.П. Игнатьева Якутская городская дума ходатайствовала дважды. В первый раз, 5 ноября 1887 г., якутский городской голова отметил заслуги генерал-губернатора в увеличении городских доходов, повышении благоустройства города, развитии торговли²¹. Поскольку А.П. Игнатьев занимал должность генерал-губернатора, признание его почетным гражданином противоречило существу-

ющему законодательству. Поэтому уже после отъезда Игнатьева из Иркутска, в мае 1890 г., было отправлено повторное ходатайство, которое император Александр III утвердил 25 октября. Впоследствии А.И. Игнатьев в письме к губернатору В.З. Коленко просил от своего имени выразить благодарность городскому голове и горожанам «за память и внимание», пожелал Якутску процветания.

В 1903 г. по ходатайству Якутской городской думы звание почетного гражданина города было присвоено А.Д. Горемыкину. В протоколе заседания отмечены его заслуги в установлении почтово-пассажирского пароходства на р. Лене, в проведении телеграфной линии до г. Якутска, снижении почтового тарифа, введении судебной реформы и реформы областного управления, отмечен вклад в преобразование средних учебных заведений Министерства народного просвещения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приезд главного начальника края являлся важным событием для администрации области и местного населения. Общение с генерал-губернатором позволяло населению напрямую подавать прошения и жалобы, заявлять о насущных проблемах на местах. Важным моментом во время посещения являлось награждение инородцев знаками отличия за различные заслуги. Областная администрация проводила трудоемкую подготовительную работу: оповещала население, оформляла делопроизводственную документацию, организовывала встречу, размещение, проводы и т.п. С развитием регулярного речного транспорта продолжительность поездок генерал-губернаторов сократилась.

На характер рассматриваемых генерал-губернатором вопросов влияли процессы, происходившие в регионе и государстве, при этом в Якутской области всегда актуальным оставался земельный вопрос. В связи с аграрным законодательством в конце XIX – начале XX в. проводилась активная работа по землеустройству народов Сибири: землепользованию коренных народов Якутской области, увеличению пахотных земель и т.п. В период столыпинских аграрных преобразований, попыток решить аграрный вопрос путем переселения особое внимание при очередной ревизии уделялось проблемам колонизации Якутского края. В связи с событиями Первой русской революции и необходимостью усиления контроля был поднят вопрос о привлечении «поднадзорных» к участию в различных экспедициях на территории области.

На эффективность генерал-губернаторских ревизий Якутской области влияли различные факторы: отсутствие удобных путей сообщения в области, личные качества чиновников, бюрократическая волокита. Главным итогом ревизии Якутского края генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым стало расширение административной самостоятельности области, введение должности губернатора. Н.Н. Муравьев составил подробную качественную характеристику области, акцентировал внимание на проблемах в управлении,

¹⁹ Якутская окраина. 1912. 15 июля. С.4.

²⁰ Якутские епарх. ведомости. 1912. 1 июля. С. 221.

²¹ НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 5281. Л. 5.

наметил основные направления дальнейшего развития области, обратив особое внимание на экономический потенциал природных ископаемых и подчеркнув необходимость их изучения. Перед якутским губернатором он поставил задачу развития в области земледелия, именно поэтому распространение хлебопашества стало одним из важных направлений деятельности последующих губернаторов.

На устранение замечаний уходило довольно много времени, при этом поднятые вопросы постоянно находились на контроле губернатора. Так, после замечаний генерал-губернатора по поводу медленного делопроизводства в инородных управах в 1890 г. этот вопрос поднимался перед полицейским управлением еще в течение последующих двух лет.

Ревизии помогали генерал-губернаторам обозначить проблему несоответствия на практике общественного управления крестьян с законодательством и обосновать необходимость его преобразования. Знакомясь с управляемой территорией, генерал-губернаторы лично оценивали деятельность губернаторов и местной администрации, что впоследствии отражалось на кадровом вопросе. Некоторые итоги обзоров генерал-губернаторов находили отражение в ежегодных отчетах императору, результаты проверок подтверждали обоснованность принятых управленческих решений и принимались за основу предлагаемых преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архипова А.И. «Я нахожу личное обозрение... совершенно необходимым»: генерал-губернатор Н.Н. Муравьев и Якутская область // Сибиряковские чтения. Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., 24–25 октября 2019. Иркутск: Оттиск, 2020. 336 с.

Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2002. 208 с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Матханова Н.П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М.М. Сперанский, Н.Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы: моногр. Иркутск: Оттиск, 2020. 340 с.

Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., Гослитиздат. 1941. 296 с.

Матханова Н.П. Диалог власти и общества: опыт генерал-губернаторов Восточной Сибири и Приамурья второй половины

XIX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2020. Т. 33. С. 23–30. DOI: 10.26516/2222-9124.2020.33.23.

Матханова Н.П. Хабаровские съезды «сведущих людей» и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в имперской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 3. С. 65–71. DOI: 10.15372/HSS20200311

Матханова Н.П. М.С. Корсаков в Иркутске: коммуникативные практики // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2016. Т. 16. С. 57–66.

Явловский П.П. Летопись г. Якутска от основания его до настоящего времени Якутск: Изд-во «Якутский край», 2004. Т. 2: 1801–1914 гг. 348 с.

Якутия. Хроника, факты, события. / ред.-сост. А.А. Калашников. Якутск: Бичик, 2002. Ч. 1: 1632–1917. 494 с.

REFERENCES

Arkhipova A.I. (2020). "I find personal survey... absolutely necessary": Governor-General N.N. Muravyov and the Yakut region. *Sibiryakovskie chteniya: materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf. (Irkutsk, 24–25 okt. 2019 g.)*. Irkutsk, pp. 26–33. (In Russ.)

Dameshek I.L. (2002). Siberia in the system of imperial regionalism (a comparative study of Russia's peripheral policy in the first half of the 19th century). Irkutsk, Ottisk, 208 p. (In Russ.)

Dameshek L.M., Dameshek I.L., Matkhanova N.P. (2020). The main guardians of the inviolability of the supreme rights of the autocracy and the benefits of the state: M.M. Speransky, N.N. Muravyov-Amursky and other Siberian Governors General. Irkutsk, Ottisk, 340 p. (In Russ.)

Ignatiev A.A. (1941). Fifty years in service. Moscow, Goslitizdat, bk. 1–2, 296 p. (In Russ.)

Kalashnikov A.A. (ed.-comp.) (2002). Yakutia. Chronicle. Facts. Events. Pt. 1. 1632–1917. Yakutsk, Bichik, 494 p. (In Russ.)

Matkhanova N.P. (2020). Dialogue between government and society: the experience of the Governors General of Eastern Siberia and the Priamurye in the second half of the 19th century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 33, pp. 23–30. (In Russ.)

Matkhanova N.P. (2020). Meetings of "well-informed people" in Khabarovsk and the Priamurye Governor General A.N. Korf: the search for communication channels between the authority and society in imperial Russia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 27, no. 3, pp. 65–71. (In Russ.)

Matkhanova N.P. (2016). M.S. Korsakov in Irkutsk: communicative practices. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 16, pp. 57–66. (In Russ.)

Yavlovsky P.P. (2004). Chronicle of the city of Yakutsk from its foundation to the present. Yakutsk, Yakut. krai, vol. 2: 1801–1914, 352 p.

Статья поступила в редакцию 01.05.2023

Дата рецензирования 06.06.2023

Статья принята к публикации 29.01.2024

DOI: 10.15372/HSS20240108
УДК 94(571.56-25)"1917"
EDN: DCFUVA

П.О. САВВИНОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЯКУТСКА В ГОДЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
РФ, 677000, Якутск, ул. Петровского, 1

Цель исследования – анализ деятельности органов городского самоуправления г. Якутска по снабжению населения продуктами и товарами первой необходимости в годы революции 1917 г. На основе принципов историзма, объективности, системности и комплексности впервые рассмотрены меры, принимаемые системой городского общественного самоуправления по преодолению продовольственного кризиса и дефицита товаров. Ретроспективный подход позволил установить причинно-следственные связи в процессе решения данного вопроса. Показано, что при общей политической и экономической конъюнктуре продовольственный вопрос не был решен и в Якутске, а меры, принимаемые органами городского самоуправления, не были достаточно эффективными.

Ключевые слова: революция 1917 г., городская дума, городская управа, продовольственный вопрос, продовольственный комитет, хлебная монополия, мясной кризис, масляная монополия.

P.O. SAVVINOV

ACTIVITIES OF YAKUTSK URBAN SELF-GOVERNMENT BODIES DURING THE FOOD CRISIS OF THE REVOLUTION OF 1917

Institute for Humanitarian Research
and North Indigenous Peoples Problems SB RAS,
1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677000, Russian Federation

The relevance of the research theme is due to the lack of studies on the Yakutsk urban self-government bodies in the context of the food crisis during the Revolution of 1917. The purpose of the study was to analyze the activities of the Yakutsk urban self-government to resolve the food issue during the period under consideration. The author evaluated the measures of the city self-government aimed at solving food difficulties. The scientific novelty lies in the study of the issue based on the principles of historicism, objectivity, consistency, and comprehensiveness. The use of the retrospective method as a research tool made it possible to reveal cause-and-effect relationship and regularities in the historical development of the problem under consideration. The study established that during the food crisis of the Revolution of 1917, the functions of urban self-government to provide the population with food products were transferred to the Food Committee (council), and the city authorities of Yakutsk could send their representatives to the food committees. Protecting the interests of the citizens, the urban self-government bodies of Yakutsk resisted some of the measures taken by the Food Committee. However, it should be noted that the confrontation between the city authorities of Yakutsk and the regional Food Committee was caused by a political struggle in the City Duma between the factions of Social Democrats (RSDLP), Socialists-Revolutionaries (PSR) and Federalists (LUF). The urban self-government bodies received food and essential goods for sale to the population of Yakutsk upon request from the regional Food Committee. In general, under the conditions of the Revolution of 1917 and the ongoing First World War, no measures taken by the city self-government bodies were not effective enough to resolve the food issue.

Key words: Revolution of 1917, City Duma, City Government, food issue, Food Committee, grain monopoly, meat crisis, oil monopoly.

Павел Олегович Саввинов – младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: pavel_savvinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4260-6225>.

Pavel O. Savvinov – Assistant scientist, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems SB RAS.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор темы исследования определялся недостаточной изученностью в отечественной историографии деятельности органов самоуправления восточносибирских городов по снабжению населения продовольствием в революционном 1917 году. В условиях военного времени обеспечение продовольствием армии и населения, особенно горожан, являлось для Временного правительства задачей первостепенной важности, особенно если учесть, что в Петрограде толчком к началу революции и свержению монархии стал хлебный бунт [Федоров, 2013, с. 360]. Уже 25 марта 1917 г. Временное правительство приняло закон о хлебной монополии и установлении повышенных твердых цен на хлеб. Согласно закону, весь хлеб подлежал учету государственными продовольственными органами, а излишки хлеба – обязательной сдаче в установленные сроки и по твердой цене [Чудаков, 2013, с. 317]. Временным правительством также было принято решение об организации местных продовольственных комитетов «для заведования продовольственным делом» и введении сельскохозяйственного производства в соответствии с приказами и распоряжениями министра земледелия – он же являлся и председателем Общегосударственного продовольственного комитета. Было утверждено Временное положение о местных продовольственных органах [Федоров, 2013, с. 361]. После установления хлебной монополии во всех сибирских городах по постановлению Временного правительства наряду с Общегосударственным продовольственным комитетом учреждались не подчиненные муниципалитетам местные продовольственные комитеты и их исполнительные органы – продовольственные управы, которые подчинялись Центральному правительственному комитету страны [Чудаков, 2013, с. 317; Бурнашева, 2020, с. 162]. Так из компетенции органов городского самоуправления был исключен продовольственный вопрос.

ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ

Среди отечественных исследователей проблемы обеспечения населения продовольствием вызывает нарастающий интерес. Это связано с усилением внимания к месту человека в истории, попытками понять участие различных слоев российского социума как акторов в историческом процессе и т.п. В контексте истории сибирских городов заметное место начала занимать тема продовольственного снабжения горожан и роли в этом различных властных структур, особенно в переломные моменты истории. Впервые новосибирская школа историков, возглавляемая О.Н. Вилковым, создавая концепцию поэтапного развития сибирского города, подняла в конце 1970-х гг. проблему многоукладности городской экономики, актуальности изучения деятельности органов самоуправления [История городов Сибири ..., 1977, с. 1 –

304]. Что касается городов Якутии, то большинство работ посвящалось дореволюционным органам городского самоуправления, среди них следует выделить труды Г.А. Попова [2007, с. 89 – 90], О.В. Ионовой [1950, с. 20], П.П. Петрова [1990, с. 79 – 91] и др. Обзору деятельности органов городского самоуправления Якутска в революционном 1917 г. посвящены работы П.П. Петрова, показавшего, что в 1917 г. городские органы самоуправления стали ареной борьбы разных политических сил Якутии, стремившихся распространить свое влияние через эти органы на население г. Якутска. В непростых условиях нарастающей политизации жизни, обострения экономических проблем в области городская дума и управа занимались административно-хозяйственной деятельностью [Петров, 2012, с. 39]. Продовольственный вопрос в жизни горожан в годы социальных катаклизмов относится к одним из главных в изучении деятельности органов городского самоуправления. Предметно деятельность органов городского самоуправления в отдельных регионах Сибири по организации продовольственного снабжения населения изучали О.В. Чудаков [2013], А.Б. Храмцов [2010, с. 58–74] и др.

РОЛЬ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка проанализировать мероприятия городской общественной системы самоуправления Якутска по разрешению продовольственного кризиса в городе в 1917 г. – в разгар войны и революционных событий в стране. Полученные результаты дают возможность более детально охарактеризовать деятельность органов городского самоуправления Якутска в годы Первой мировой войны и революции 1917 г.

В научно-информационный оборот автором вводятся делопроизводственные материалы органов городского самоуправления и продовольственной управы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), – фонды Якутской городской народной думы (Ф. Р-399), Якутского областного продовольственного комитета (Ф. Р-247).

Февральская революция 1917 г. кардинально изменила взаимоотношения власти и органов местного самоуправления. Государственная дума в лице Временного комитета взяла в свои руки управление страной с целью добиться установления власти, пользующейся доверием общества. В Сибирь сведения о свершившейся революции приходили с опозданием, к тому же телеграммы из Центра задерживались местными властями, дожидавшимися исхода восстания и стремившимися не допустить распространения революции. 2 марта 1917 г. весть о революции и свержении монархии дошла до Якутска, в городе начались массовые митинги и собрания горожан. Местная власть заняла выжидательную позицию [Федоров,

2013, с. 316–319]. Во многих сибирских городах комитеты общественной безопасности создавались по инициативе городских дум, на собраниях и совещаниях гласных городских дум и представителей общественных организаций, а также на митингах. В ночь с 3 на 4 марта 1917 г. в Якутске эсеры и социал-демократы образовали коалиционный Якутский революционный комитет – первый временный орган управления областью, который сложил свои полномочия на следующий день – 4 марта, после избрания горожанами Якутска легального органа власти – Якутского комитета общественной безопасности (ЯКОБ) [Архипова и др., 2020, с. 191; Федоров, 2021, с. 65].

Председателем комитета был избран большевик Г.И. Петровский. В марте 1917 г., когда Временное правительство назначило Г.И. Петровского областным комиссаром, председателем ЯКОБ был избран меньшевик Г.О. Охнянского¹. Если в 1917 г. в некоторых частях Сибири де-юре утвердилось многовластие государственных и самостоятельных структур и организаций (комиссары Временного правительства, КОБы, Советы, профсоюзы, фабзавкомы, городские думы, партийные и национальные комитеты, кооперативы и т.п.), то в Якутии установилась власть социалистов-революционеров и социал-демократов, по сути, власть коалиции левых сил [Шиловский, 2003, с. 41].

В условиях продолжавшейся Первой мировой войны и начавшейся революцией 1917 г., практически разрушивших экономические и хозяйственные связи страны, в Якутской области остро встал вопрос об обеспечении населения продовольствием. Уже 5 марта 1917 г. для его решения была создана продовольственная комиссия ЯКОБ, главной целью которой являлась разработка мер по обеспечению населения области продовольствием [Бурнашева, 2020, с. 164]. В апреле 1917 г. продовольственная комиссия ЯКОБа передала свои полномочия вновь образованному областному продовольственному комитету [Федоров, 2013, с. 362]. Органы городского самоуправления могли наряду с другими общественными организациями, предлагать в продовольственные комитеты своих представителей [Чудаков, 2013, с. 317]. В состав продовольственной управы вошли члены Якутской городской думы. Председателем управы был избран гласный В.Д. Виленский, а членами управы – гласные Н.Е. Олейников, З.Х. Эренбург, Л.Г. Голубков [Федоров, 2013, с. 362].

С первых дней своей деятельности Якутский областной продовольственный комитет направил все усилия на обеспечения продовольствием широких слоев сельского и городского населения [Бурнашева, 2020, с. 164]. Продовольственный комитет установил хлебную монополию на излишки хлеба, которые могли быть в то время только у русских крестьян в пригородных селах вблизи Якутска, в с. Амга и в Олекминском округе.

¹ Вестник Исполнительного комитета общественной безопасности города Якутска. 1917. 14 марта.

Продовольственная управа проявила высокую оперативность, организовав учет хлеба в Мархе, Павловске, Новониколаевке, Амге и других поселениях [Федоров, 2013, с. 363]. Одним из первых мероприятий продовольственной управы было введение карточной системы на наиболее значимые продукты питания и товары первой необходимости. Введение карточной системы объяснялось ограниченностью запаса товаров на складах области. Областной продовольственный комитет и продовольственная управа, в соответствии с действующим положением о них, с июня 1917 г. приступили к учету наличных продуктов в уездах и улусах, в первую очередь в крупных фирмах. Учет товаров более эффективно был проведен в крупных торговых фирмах, например, «Коковин и Басов», «Г.В. Никифоров», «Наследники А.М. Кушнарев» и т. д. [Федоров, 2013, с. 364].

Указанные мероприятия продовольственного комитета и продовольственной управы вызвали сильное недовольство у торговых фирм, купцов, перекупщиков, зажиточных крестьян, чьи интересы были ущемлены. Продовольственный комитет сосредоточил в своих руках всю полноту власти в сфере распределения продовольственных и других товаров среди населения [Федоров, 2013, с. 367–368]. Новые кооперативные законы «О кооперативных товариществах и их союзах» (июнь 1917 г.), «О съездах представителей кооперативных учреждений» (август 1917 г.) способствовали росту популярности идей кооперации и авторитета кооперативных организаций [Бурнашева, 2011, с. 166]. Под влиянием политической ситуации и экономического кризиса в стране кооперативное движение получило развитие и в Якутской области [Бурнашева, 2020, с. 192].

С образованием продовольственного комитета в Якутской области продовольственный вопрос в городах был исключен из ведения городских властей. Однако органы городского самоуправления все еще пытались защищать интересы горожан перед продовольственным комитетом и управой. Следует отметить, что представители различных политических сил практиковали совершенно разные подходы к решению продовольственного вопроса. Летом 1917 г. в ходе реализации мероприятия по учету наличных продуктов продовольственный комитет начал производить обыски в частных квартирах, а городская милиция оказывала ему при этом содействие. 14 августа 1917 г. в городской думе был поднят вопрос о законности данного мероприятия, поскольку действия продовольственной управы нарушали неприкосновенность личности и жилища граждан. Гласный, член фракции федералистов, М.В. Сабунаев заявил, что нельзя безнаказанно нарушать свободу каждого мирного гражданина, уравнивать частные дома с предприятиями². В городской думе было принято решение изучить закон и проконсультиро-

² Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 12 об.

ваться с юристом³. 23 августа 1917 г. на заседании городской думы вновь был поднят вопрос о действиях продовольственной управы⁴. Юрисконсульт Д.Д. Никифоровский на заседании думы сообщил, что представители продовольственного комитета, а также их уполномоченные не имели права производить обыски в частных квартирах, поскольку дореволюционные нормативно-правовые акты не отменены и обыски могли производить только судебные следователи, мировые судья и милиция⁵.

В защиту продовольственного комитета выступили социал-демократы (Российская социал-демократическая рабочая партия), одновременно являвшиеся представителями органов городского самоуправления г. Якутска в продовольственной управе. Так, гласные, социал-демократ и члены продовольственной управы Л.Г. Голубков и Н.Е. Олейников выразили сомнение в правомочности дореволюционных законов в условиях революции и защищали действия областного продовольственного комитета. Продовольственная управа, по их мнению, имела право осматривать амбары, где хранились запасы двух-трех семейств, которые были приравнены к общественным местам. Также обыски в частных домах оправдывались ими под предлогом, что там могут скрывать продукты, а продовольственный комитет должен произвести учет всех наличных продуктов⁶.

Против членов продовольственной управы и социал-демократов выступил блок федералистов (Якутский трудовой союз федералистов) и эсеров (партия социалистов-революционеров). Гласные эсеры и федералисты, осуждая деятельность продовольственной управы, защищали действующие дореволюционные законы, так как в ряде дореволюционных законодательных актов имелись указания о неприкосновенности личности и жилища, а производить учет и реквизицию следовало, не нарушая права личности и неприкосновенность жилищ горожан⁷. В итоге городская народная дума постановила, что продовольственный комитет не должен производить непосредственные обыски и осмотры в частных квартирах, помимо общественных мест, — согласно регламенту, предусмотренному статьями уголовного судопроизводства⁸.

Осенью 1917 г. проявились разногласия между федералистами (Якутский трудовой союз федералистов) и социал-демократами по продовольственному вопросу, особенно остро встал вопрос об обеспечении населения продовольствием и товарами первой необходимости. Представители социал-демократов, возглавившие продовольственную управу, с целью равного обеспечения населения продовольствием установили монополию и твердые цены на хлеб, масло и мясо, запретили частную торговлю, свободный вывоз продуктов местного производства за пределы Якутии.

2 сентября 1917 г. городская дума ознакомилась с телеграфным распоряжением министра продовольствия относительно беспрепятственного вывоза из Якутской области товаров и припасов. Гласными из блока эсеров был поднят вопрос о запрещении вывоза продуктов и предметов потребления из региона, поскольку товары и предметы первой необходимости в Якутии привозные, имелись в ограниченном количестве. Разрешение на вывоз из области могло оставить местное население без какого-либо обеспечения. Председатель думы, федералист Г.В. Ксенофонтов предложил по этому вопросу создать комиссию, которой поручалось бы к следующему заседанию думы разработать проект ходатайства о запрещении вывоза из области продуктов первой необходимости. Гласный Н.Е. Олейников сообщил, что продовольственная управа представила ходатайство министру продовольствия об отмене в обязательном постановлении запрета, касавшегося вывоза продуктов из области, а также о предоставлении права продовольственному комитету регулировать вывоз продуктов при полном запрете вывоза предметов первой необходимости⁹.

Однако гласный И.С. Ожигов попытался внести предложение о передаче регулирования вопроса о вывозе продуктов комиссии, которую следовало бы избирать из представителей местных организаций. Но его предложение осталось без внимания гласных. В итоге городская дума единогласно приняла постановление о ходатайстве на имя министра продовольствия о запрещении вывоза из Якутии привезенных товаров первой необходимости¹⁰.

Против такой монопольной продовольственной политики социал-демократов развернули борьбу федералисты. В сентябре 1917 г. ЦК Якутского трудового союза федералистов направил министру продовольствия телеграмму, подписанную председателем союза А.Д. Широких. В ней был выражен протест против политики регулирования вывоза предметов местного производства. В телеграмме говорилось о том, что ограничение вывоза лишает золотопромышленные районы Лены и Витима продуктов потребления, таких как мясо, масло, хлеб, создает переизбыток на рынках г. Якутска, снижая цены на эти продукты, нанося тем самым непоправимый ущерб сельскому населению [Бурнашева, 2006, с. 123–126].

18 сентября 1917 г. состоялось заседание Якутской городской народной думы, где рассматривалась упомянутая телеграмма Союза федералистов на имя министра продовольствия. Председатель думы Г.В. Ксенофонтов отказался председательствовать при рассмотрении этого вопроса, мотивируя свой отказ принадлежностью к Трудовому союзу федералистов (ТСФ). Временным председателем городской думы был избран эсер В.В. Попов¹¹. Социал-демократы выступили против фракции федералистов. По их мне-

³ НА РС (Я) Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 195 об.

⁵ Там же. Л. 196.

⁶ Там же. Л. 196 об. — 198.

⁷ Там же. Л. 196 об. — 197 об.

⁸ Там же. Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 198.

⁹ Там же. Л. 14 об.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 17.

нию, федералисты не защищали интересы горожан. Н.Е. Олейников заявил, что в г. Якутске не было масла ни на центральном складе, ни в других магазинах и лавках, зато масло было за пределами города в улусах у зажиточной части населения. Однако федералисты выступали за беспрепятственный вывоз местных продуктов, способствуя тем самым повышению цен на них. Социал-демократы считали, что если принять идею федералистов об установке высокой цены на муку – по 3 руб. 50 коп. за пуд, с учетом высокого спроса на продукты и высоких цен на них в г. Бодайбо, пос. Тиреть, Замари и других, то продукты и товары будут беспрепятственно вывозиться из Якутии, вследствие чего жители г. Якутска останутся без продовольствия¹².

Некоторые гласные из блока Союза федералистов и эсеров (ПСР) выступили в защиту предложения фракции федералистов. Причем федералисты заявили, что они имеют право защищать интересы населения Якутской области. Они утверждали, что продовольственная управа своей деятельностью опустошила местные магазины, а товары были вывезены на север, поэтому городская дума вообще не имеет никакого права судить о действиях фракции федералистов¹³. Также они указали на отсутствие в телеграмме, посланной городской думой, данных об отчислении для нужд города 10 % от вывозимых продуктов. В 1917 г. на север продовольственным комитетом было вывезено товаров в 3 раза больше, чем в предыдущие годы. Ряд гласных из фракции эсеров и федералистов выступили с объяснением телеграммы федералистов с «контр-ходатайством» о том, что союз федералистов и население не доверяют продовольственному комитету, поскольку постановление городской думы давало право регулировать вывоз из области продовольственному комитету, устанавливая высокие цены на продукты первой необходимости, но дальнейшее их повышение угрожает увеличением вывоза продуктов из области, минуя г. Якутск¹⁴. Некоторые гласные из фракции социал-демократов (РСДРП) и эсеров (ПСР) критиковали деятельность Трудового союза федералистов, в результате которой в июне 1917 г. по настоянию федералистов населению округа было выдано продуктов по карточкам на два-три месяца вперед. Социал-демократы утверждали, что на север Якутской области было вывезено не более 8 аршинов мануфактуры на душу, если не считать вывоз товаров спекулянтами тайно на лодках¹⁵. Некоторые гласные обвиняли федералистов в защите интересов Ленского золотопромышленного товарищества, которое скупало припасы на год вперед, тем самым вызывая повышение цен на продукты в г. Якутске. В городе, по словам гласного эсера П.П. Филиппова, начинается продовольственный кризис, некоторые горожане не получают мяса

по 5 дней и более, перебои замечаются и с молоком, «пока мы пользуемся милостями купца П.А. Юшманова, который все еще держит свое обещание и снабжает город мясом»¹⁶.

В итоге городская дума приняла постановление, предложенное Г.В. Ксенофонтовым и Н.Е. Олейниковым – подтвердить ходатайство городской думы от 2 сентября 1917 г. о регулировании вывоза предметов первой необходимости местного производства и установить размеры отчисления для нужд города из предназначенных к вывозу из области продуктов, он должен составлять не более 15 %¹⁷. Следует отметить, что в декабре 1917 г. благодаря решительной позиции федералистов была отменена монополия на хлеб и масло, введена меновая торговля [Бурнашева, 2006, с. 123–126].

С июля 1917 г. вследствие недостатка мяса на рынке и искусственного повышения цен областная продовольственная управа начала реквизирировать для нужд г. Якутска 10 % от всего количества убойного скота, предназначенного к вывозу из области по цене 7 руб. 50 коп. за пуд. В городе временно были установлены твердые цены на мясо: на мясо летнего забоя – 8 руб. за пуд, а в зимнее время на мясо первого сорта – 6 руб. 40 коп., второго сорта – 6 руб. 20 коп. и третьего сорта – 6 руб.¹⁸ 25 сентября 1917 г. на экстренном заседании городской думы рассматривался вопрос о мясном кризисе. По сведениям гласных, торговцы не могли приобрести мясо крупного рогатого скота из городской бойни по установленной в городе цене – 8 руб. 40 коп. за 1 пуд. Чтобы обеспечить горожан мясом, городская управа временно отменила таксу на мясо, но это не дало ожидаемых результатов. Мяса оказалось на базаре мало, его количество не удовлетворяло потребности горожан. По мнению гласного П.П. Филиппова, городским властям следовало бы установить на мясо твердые цены, повысив прежнюю, и продолжать торговать мясом из городской лавки¹⁹.

В городской думе для разрешения мясного кризиса продовольственной управой предлагался проект, согласно которому продовольственная управа должна привлечь инородческое население области к заводу мяса в г. Якутск в обмен на необходимые им товары. Однако в городе не было излишков товаров, чтобы осуществлять такой обмен, не лишая горожан необходимых предметов. Получив распоряжение правительства о свободном вывозе продуктов из Якутской области, продовольственная управа стала вывозить хранившиеся товары в г. Якутске из области, оставшаяся часть товаров распределялась между городским населением и населением округа²⁰.

Гласными была предложена идея учредить городской продовольственный комитет, который должен

¹² Там же. Л. 17 об.

¹³ Там же. Л. 17 об. – 18.

¹⁴ Там же. Л. 18 – 18 об.

¹⁵ Там же. Л. 17 об. – 18.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 18 об. – 19.

¹⁸ Там же. Ф. Р-247. Оп. 1 Д. 31. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 21.

²⁰ Там же. Л. 21 об.

был бы взять в свои руки продовольствие города; относительно мясного вопроса предлагалось избрать комиссию, которая должна была следить, чтобы товары не попадали в одни руки. Однако некоторые гласные выступали против этой идеи. Например, федералист М.В. Сабунаев категорически отрицал полезность создания городского продовольственного комитета, поскольку в Якутске нет никаких запасов, и предлагал организовать скупку мяса по округам²¹. Вместо вышеизложенной идеи одни гласные предлагали скупать товары, предназначенные для населения улусов, чтобы пустить их в обмен на мясо или организовать скупку мяса по улусам, заключая соглашения с местными организациями, в крайнем случае – посылать своих агентов. Другие гласные предлагали ввести карточки на мясо. Гласный Н.Е. Олейников напомнил об ограниченном количестве товаров, что не позволяло и говорить об обмене, причем бедные слои населения не смогут дать взамен полученного товара мясо, и все товары попадут в руки зажиточной части населения. Поэтому Н.Е. Олейников предлагал создать специальную комиссию по мясному вопросу. Ряд гласных предлагали повысить цену на мясо. Так, гласный П.П. Филиппов внес предложение о временном повышении таксы на мясо у частных торговцев. А цены на мясо, отпускаемое из городских лавок, установить до 9 руб. за пуд; гласный, эсер В.Н. Соловьев считал необходимым повысить цену до 10 руб. за пуд²².

Городская дума, заслушав стороны, постановила повысить цены на мясо у частных продавцов до 10 руб. за пуд, а для городской лавки – на усмотрения управы. Рассматривая вопрос о взыскании 200 голов скота с П.А. Юшманова, дума решила просить управу использовать его обещание уплатить городу 10 % от выручки за вывозимый из области скот²³.

28 сентября 1917 г. на заседании городской думы по мясному кризису гласными обсуждался вопрос об отсутствии поступления мяса на рынок в связи с теплыми погодными условиями и высокими ценами на крупный рогатый скот, который скупали крупные торговцы. По данному вопросу П.А. Юшманов предлагал организовать продажу городом мяса таким образом, чтобы городские власти не извлекали из этой продажи прибыль, повысив цену. П.А. Юшманов обещал также заплатить городу 10 %, числящихся за ним, и предлагал снабжать город маслом в зависимости от количества покупаемого им масла. Однако некоторые гласные назвали меры, принимаемые органами городского самоуправления г. Якутска по обеспечению города мясом, полумерами, которые привели бы город к зависимости от П.А. Юшманова, а тот по тем или иным причинам мог бы и отказаться снабжать город мясом. Гласные предлагали установить недельную норму и реквизировать скот и мясо для нужд города, а также потребовать от П.А. Юшманова 10 %-го от-

числения по решению суда, организовать закуп мяса в улусах²⁴. Гласные считали, что затруднения в снабжении города мясом сохраняются до открытия зимней дороги. Предлагалось также воспользоваться услугами одной из фирм, занимающихся скупкой крупного рогатого скота и мяса. Предложение гласного И.А. Ожигова о снятии таксы на мясо было отклонено большинством голосов гласных, так как эта мера впоследствии помешала бы установить нормальные цены²⁵. Однако городская дума так и не приняла никаких решений по выходу из мясного кризиса.

27 июня 1917 г. Якутский областной продовольственный комитет, с целью урегулировать снабжение маслом и упростить порядок его закупки у населения Якутской области, принял постановление, вводившее монополию на масло. Согласно этому постановлению, все запасы масла, хранившиеся у скупщиков, частных лиц и кооперативов, подлежали учету и реквизиции с оплатой по твердым ценам. Все закупленное в Якутской области масло поступало на склады продовольственного комитета, и никто без разрешения продовольственной управы не имел права закупать масло в области. На масло устанавливались следующие временные твердые цены: масло первого сорта – по 38 руб., второго сорта – по 37 руб., а маслозаменители оценивались согласно их качеству и количеству²⁶. 2 октября 1917 г. в Якутской городской народной думе проводилось экстренное заседание по вопросу о снабжении городских жителей маслом. Продовольственный комитет предложил провести учет наличных запасов в городе масла и реквизировать излишки. Но городская управа сообщила, что масло скупалось продовольственной управой, поэтому у частных лиц не может быть никаких запасов, а кроме того, органы городского самоуправления не могли обеспечить население Якутска маслом в связи с прекращением речного сообщения по р. Лене²⁷. Были случаи, когда просьба одного лица об отпуске масла удовлетворялась служащими продовольственной управы по три раза²⁸.

На заседании был поднят вопрос о взаимодействии органов городского самоуправления Якутска и областного продовольственного комитета. Одни гласные считали, что городская дума не подчинена продовольственной управе. А другие, особенно представители продовольственной управы, полагали, что городская управа подчинена продовольственной управе в вопросе продовольствия. Фракция Союза федералистов утверждала, что ни органы городского самоуправления, ни продовольственная управа не подчинены друг другу и что городская дума не может издавать обязательные постановления по продовольственному вопросу, но может вносить свои предложения. Также было отмечено, что масла

²⁴ Так же. Л. 24 – 24об.

²⁵ Так же. Л. 25.

²⁶ Там же. Ф. Р-247. Оп. 1 Д. 22. Л. 1.

²⁷ Там же. Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 29 об.

²⁸ Там же. Л. 18 – 18 об.

²¹ НА РС (Я). Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 22.

²² Так же. Л. 22 – 22 об.

²³ Там же. Л. 23.

в г. Якутске нет, а продовольственный комитет, издавая обязательные постановления о производстве обыска, настроил горожан против себя²⁹. Гласный, социал-демократ З.Х. Эренбург попытался вернуть работу заседания к вопросу о снабжении города маслом, сообщив, что в г. Якутске в продаже нет масла, хотя оно может быть куплено у спекулянтов по 3 руб. за фунт. Однако фракция эсеров (ПСР) продолжала критиковать деятельность областного продовольственного комитета, который, по их мнению, вместо того чтобы разрешить свободную скупку масла всем желающим, запретил покупку масла и сам занялся его скупкой с целью вывоза из области в приисковый район и Киренский уезд. При этом, по утверждениям эсеров, продовольственная управа, оставив г. Якутск без масла, предложила городскому самоуправлению взять ответственность на себя за обеспечение горожан маслом. Некоторые гласные из социал-демократов заявили, что поскольку продовольственная управа обратилась к городской управе за помощью по данному делу, то они все же считают, что городские власти в интересах горожан должны провести учет наличных запасов масла и реквизировать излишки. А вывоз масла летом 1917 г. из г. Якутска объясняли тем, что данное мероприятие проводилось в рамках распоряжения министерства продовольствия о свободном вывозе продуктов из области.

Гласный, эсер П.П. Филиппов внес предложение подготовить ходатайство на имя министерства продовольствия об отмене монополии и о полном запрете вывоза масла из Якутской области вследствие того, что принимаемые продовольственным комитетом меры по урегулированию вывоза масла привели к тому, что город остался совершенно без масла. Однако гласный, федералист Р.И. Оросин выступил против его предложения, так как оно нарушало интересы населения.

В итоге городская дума поддержала ответ городской управы продовольственному комитету и признала, что продовольственный комитет, взяв на себя монопольное право скупки масла и отправив в г. Киренск и Бодайбо более 9 тыс. пудов, не исполнил своей прямой обязанности по обеспечению продовольствием населения Якутской области и, в частности, г. Якутска³⁰. В целом, как видно из постановления, введенная продовольственной управой монополия на масло встретила осуждение со стороны городской думы.

Органы городского самоуправления получали продукты и товары первой необходимости для реализации населению г. Якутска по ходатайству от областного продовольственного комитета. 26 октября 1917 г. продовольственная управа постановила отпускать Якутской городской управе 1000 пуд. зерновой ярицы с целью продажи жителям г. Якутска по норме и карточкам – продавать муку по цене 6 руб. за 1 пуд³¹. 4 ноября 1917 г. вышло постановление продовольственной

управы об отпуске 3 тыс. пуд. яричной муки для продажи городскому населению по 6 руб. за пуд из хлебозаготовительного магазина³².

К осени 1917 г. продовольственный вопрос стал еще более острым. С 1 сентября продовольственные комитеты начинают возвращать функции по обеспечению продовольствием населения под контроль органов городского самоуправления, что было связано с выполнением постановления «Об изменении действующего Положения об общественном управлении городов» от 9 июня 1917 г., которое считалось временно действующим до принятия нового закона [Чудаков, 2013, с. 327]. Согласно данному постановлению, функции органов городского самоуправления значительно расширились при сохранении надзора за ними со стороны представителей центральной власти – губернских комиссаров Временного правительства [Чудаков, 2013, с. 82]. 6 ноября 1917 г. в Якутской городской народной думе открылось заседание, на котором рассматривался вопрос об образовании продовольственной комиссии при городской управе. Фракция эсеров (ПСР) предложила создать продовольственную комиссию в составе трех членов, причем председателем этой комиссии, по мнению гласного, должен быть член управы, заведующий продовольственным делом, а остальные два члена могут быть избраны из числа гласных или посторонних лиц. По мнению эсеров, деятельность продовольственной комиссии будет зависеть от членов комиссии. Отношения между областным продовольственным комитетом и городской продовольственной комиссией должны быть плодотворными, поскольку, часть работы областного комитета будет передана в городской продовольственный отдел³³.

Создание городского продовольственного отдела требовало выделения средств для содержания целого штата служащих, а также разработки детального плана деятельности этого отдела, регламентации его отношений с областной продовольственной управой. Поэтому эсерами было предложено городской думе сначала определить количество штата сотрудников, наметить план работы комиссии, а затем уже приступить к выборам председателя и членов продовольственного отдела. Так, по предложению фракции эсеров (ПСР), продовольственная городская комиссия стала исполнительным органом городской думы, которая должна была получить для горожан г. Якутска от областного продовольственного комитета продукты и товары. Фракция социал-демократов (РСДРП) также поддерживала создание городского продовольственного отдела, но заявляла, что невозможно сразу определить точную деятельность продовольственного отдела. Чтобы избежать зависимости от правительственных учреждений в получении товаров, они предложили не ограничиваться только внутренним рынком, а выходить и на внешний рынок³⁴.

²⁹ Так же. Л. 29 об.

³⁰ Так же. Л. 29 об. – 30.

³¹ Так же. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

³² Там же. Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 4.

³³ Там же. Л. 39.

³⁴ Там же. Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 39 об.

В итоге городская дума постановила создать продовольственную комиссию (продовольственный отдел), которая являлась бы исполнительным органом городской думы по снабжению горожан г. Якутска предметами первой необходимости. Гласные новообразованной городской продовольственной комиссии при обсуждении называли ее комиссией и отделом³⁵. Однако согласно Городовому положению от 1892 г. для заведывания отдельными отраслями хозяйства городской думой создавались исполнительные комиссии³⁶. В задачу городской продовольственной комиссии входили предварительная разработка плана мероприятий продовольственной компании, взаимоотношения с учреждениями и лицами, сбор статистических сведений и других необходимых сведений по решению продовольственных задач, касающихся города. Также комиссия должна была произвести учет продуктов и товаров в г. Якутске. В состав продовольственной комиссии входили председатель продовольственной комиссии – один из членов городской управы, и два члена, избранные гласными³⁷. Органы городского самоуправления в деятельности по снабжению населения г. Якутска продуктами первой необходимости оставались зависимыми от областного продовольственного комитета. Так, с 16 ноября 1917 г. по 12 мая 1918 г. продовольственный комитет выдал органам городского самоуправления г. Якутска ярицу, пшеничную муку по цене 6 руб. за пуд в количестве 11 393 пуд. 31 фунт. на общую сумму 74 744 руб. 14 коп.³⁸

Таким образом, в результате настоящего исследования установлено, что функции по обеспечению населения продовольствием органов городского самоуправления были переданы продовольственному комитету (управе). Однако городские власти могли наряду с другими общественными организациями направлять в продовольственные комитеты своих представителей. Так, в состав продовольственной управы входили три гласных Якутской городской думы, которые являлись социал-демократами (РСДРП). Меры, принимаемые продовольственным комитетом, встречали сопротивление со стороны органов городского самоуправления г. Якутска, защищавшего интересы горожан. Противостояние городских властей Якутска и областного продовольственного комитета было вызвано политической борьбой в городской думе между фракциями социал-демократов (РСДРП), эсеров (ПСР) и федералистов (ТСФ). В городской думе социал-демократы (РСДРП) поддерживали деятельность областного продовольственного комитета, а блок эсеров (ПСР) и федералистов (ТСФ) выступал против этого комитета. Проведенные продовольственной управой обыски в домах горожан были раскритикованы

органами городского самоуправления. Введенная масляная монополия и вывоз реквизированного масла в Иркутскую губернию продовольственной управой были осуждены органами городского самоуправления и оценены ими как неисполнение обязанностей по обеспечению населения Якутской области продовольствием.

В рассматриваемый период в Якутской области получили развитие потребительские кооперативные организации, тем не менее городские власти не взаимодействовали с кооперативами, поскольку все продовольственные вопросы решались продовольственным комитетом.

С осени 1917 г. начался процесс обратного перехода под контроль муниципалитета продовольственного вопроса, что было связано с выполнением закона от 9 июня 1917 г., согласно которому функции городских органов самоуправления расширялись. В ноябре 1917 г. в Якутске городской думой было принято решение об организации городского продовольственного комитета, куда вошли два члена городской управы и два гласных городской думы. В целом в условиях общей политической и экономической конъюнктуры в стране продовольственный вопрос в Якутской области не был решен, а меры, принятые органами городского самоуправления, не были достаточно эффективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипова А.И., Борисов А.А., Бурнашева Н.И., Захарова Т.В., Макарова А.И., Петров П.П., Радченко Н.Н., Юрганова И.И. Якутия в условиях реформирования системы управления имперскими окраинами (XVIII – начало XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2020. 267 с.
- Бурнашева Н.И. Кризис экономики Якутии в период борьбы за власть (1917–1919 гг.) // Вестн. Якут. гос. ун-та. 2006. Т. 3, № 1. С. 123–126.
- Бурнашева Н.И. Кооперация в социально-экономической развитии Якутии (1870 – 1980-е гг.). М.: Изд-во МБА, 2011. 368 с.
- Бурнашева Н.И. Власть и управление национальной окраиной: экономика Якутии в XIX – первой трети XX века. М.: АИРО-XXI, 2020. 320 с.
- Ионова О.В. Якутская куорат. Якутск: Саха АССР Госиздат, 1950. 42 с. (на якут. яз.).
- История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX вв.): сб. стат. под общ. ред. О.Н. Вилкова. Новосибирск: Наука, 1977. 304 с.
- Петров П.П. Город Якутии. 1861–1917 гг. (социально-экономические очерки истории). Якутск: Кн. изд-во, 1990. 124 с.
- Петров П.П. Город Якутск: представительные органы управления (1622–2012 гг.). Якутск: Якутская городская дума, 2012. 110 с.
- Попов Г.А. Сочинения. Якутск: Изд-во ЯГУ: ИГИ АН РС (Я), 2007. Т. 3: История города Якутска, 1632–1917. 305 с.
- Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций. Новосибирск: Гео, 2013. 676 с.
- Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. 423 с.
- Храмунов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2010. 316 с.
- Шилковский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917 – 1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.

³⁵ НА РС (Я). Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 39 об.

³⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. СПб.: Гос. тип., 1885. Т. XII. С. 448 – 449.

³⁷ НА РС (Я). Ф. Р-399. Оп. 1 Д. 1. Л. 39 об.

³⁸ Там же. Ф. Р-247. Оп. 1. Д. 162. Л. 10.

REFERENCES

- Borisov A.A.* (ed.) (2020). Yakutia in the context of reforming the management system of imperial outskirts (18th – early 20th centuries): collective monogr. Irkutsk, Ottisk, 267 p. (In Russ.)
- Burnasheva N.I.* (2011). Cooperation in the socio-economic development of Yakutia (1870–1980). Moscow, Izd-vo MBA, 368 p. (In Russ.)
- Burnasheva N.I.* (2020). Power and management of the national outskirts: the economy of Yakutia in the 19th – first third of the 20th century. Moscow, AIRO-XXI, 320 p. (In Russ.)
- Burnasheva N.I.* (2006). The economic crisis in Yakutia during the struggle for power (1917–1919). *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3, no. 1, pp. 123–126. (In Russ.)
- Chudakov O.V.* (2013). Urban self-government in Siberia during the First World War and the period of social cataclysms (July 1914 – the first half of 1918). Omsk, Izd-vo Om. gos. un-ta, 422 p. (In Russ.)
- Fedorov V.I.* (2013). Yakutia in the era of wars and revolutions (1900–1919). Novosibirsk, Geo, 676 p. (In Russ.)
- Ionova O.V.* (1950). City of Yakutsk. Yakutsk, Sakha ASSR Gosizdata, 42 p. (In Yakut.)
- Khramtsov A.B.* (2010). Power and society in the cities of the Tobolsk province of the late 19th – early 20th centuries. Tyumen, TyumGASU, 316 p. (In Russ.)
- Petrov P.P.* (2012). City of Yakutsk: representative governing bodies (1822–2012). Yakutsk, Yakut. gorod. Duma, 112 p. (In Russ.)
- Petrov P.P.* (1990). Cities of Yakutia, 1861–1917 (socio-economic outline of the history). Yakutsk, Kn. izd-vo, 124 p. (In Russ.)
- Popov G.A.* (2007). Writings. Yakutsk, Izd-vo YaGU, vol. 3. History of the city of Yakutsk, 1632–1917, 311 p. (In Russ.)
- Shilovskiy M.V.* (2003). Political processes in Siberia during the social cataclysms of 1917–1920. Novosibirsk, Sibir. khronograf, 428 p. (In Russ.)
- Vilkov O.N.* (ed.) (1977). History of the cities of Siberia in the pre-Soviet period (17th – early 20th centuries): collection of articles. Novosibirsk, Nauka, 304 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.04.2023

Дата рецензирования 01.06.2023

Статья принята к публикации 29.01.2024

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20240109

УДК 94(574)"182/184"

EDN: AXJVXW

И.Р. ПРОХОРОВ

УЧАСТИЕ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ УСТАВА О СИБИРСКИХ КИРГИЗАХ В 20–40-е гг. XIX в.

Национальный архив Республики Казахстан,
Республика Казахстан, 010000, г. Астана, Бульвар Нуржол, 12

Статья посвящена изучению особенностей реализации реформы М.М. Сперанского по организации внешних округов в Среднем казахском жузе, в соответствии с Уставом о сибирских киргизах. Главную роль в реализации этой реформы сыграло Сибирское казачье войско. Расположенные в казахской степи казачьи станицы и поселки позволили прекратить вмешательство среднеазиатских государств в жизнь казахов, обеспечили мирное развитие казахских земель под властью России. Вместе с тем создание внешних округов вызвало противодействие со стороны части местной знати и населения, возглавленное потомками хана Аблая. Важную роль в сопротивлении российской администрации играли действия Кокандского ханства по подчинению казахских земель Среднего жуза. Среди важнейших причин успеха реформы М.М. Сперанского отмечается заинтересованность казахских родовых правителей в установлении твердой власти в регионе под покровительством России, способствовали этому и столкновения среди казахов разных родовых структур.

Ключевые слова: сибирские казаки; казахи, Западно-Сибирское генерал-губернаторство, Сибирская пограничная линия, Саржан Касымов, Омская область, Устав о сибирских киргизах, внешние округа, Акмоллы, император Николай I.

I.R. PROKHOROV

THE PARTICIPATION OF THE SIBERIAN COSSACKS IN THE IMPLEMENTATION OF THE "CHARTER ON THE SIBERIAN KYRGYZ" IN THE 20–40s OF THE XIX CENTURY

National Archive of the Republic of Kazakhstan,
12, Nurzhol Boulevard, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan

The article is devoted to the study of the role of the Siberian Cossack army in the implementation of the reform of M.M. Speransky. The author analyzed modern Kazakh and Russian historical literature, archival documents of the Historical Archive of the Omsk region related to the reform of M.M. Speransky in the Middle Kazakh Zhuz. The article uses the principle of consistency, which allows us to consider the political features in the territory adjacent to the Siberian border of Russia, in the Kazakh steppe and Central Asia as a single process. The content of the documents shows that the Siberian Cossacks became the main driving force of the reform. The transformations were carried out primarily in the interests of the Russian Empire, however, the fundamental interests of the Kazakhs, primarily representatives of the ruling class, were taken into account. The introduction of a new management system contributed to the suppression of cattle theft and the settlement of long-standing conflicts between Kazakh tribal units over the possession of pastures. The actions of the Kokand Khanate aimed at conquering the Kazakh lands of the Middle Zhuz and separating the Kazakhs from ties with Russia had a negative impact on the reform. The Kokand rulers actively recruited their supporters among the representatives

Игорь Русланович Прохоров – канд. ист. наук, научный сотрудник, Национальный архив Республики Казахстан, e-mail: prohorov1974@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5952-3867>.

Igor R. Prokhorov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, National Archive of the Republic of Kazakhstan.

of the Kazakh aristocracy and involved them in military operations in the territory of the Middle Zhuz. It soon became clear that the senior sultans elected in the outer districts of the Omsk region did not have sufficient power and authority to keep the population under their control in obedience. The real power in the steppe was increasingly concentrated in the hands of the Siberian Cossack army, which became the main guarantor of the success of M.M. Speransky's reform. The uprisings led by members of the family of Kasym Ablaihanov and other sultans, which covered the entire territory of the outer districts, especially vividly demonstrated this fact. Military force had to be used to suppress them. Nevertheless, the new administrative structure proved to be viable and achieved its goals – the establishment of real Russian power in the territory of the Middle Kazakh Zhuz. The analysis of publications shows that researchers of the national liberation movement in the territory of the Middle Zhuz paid little attention to the strife within the Kazakh ruling class. Meanwhile, the weakness, intrigues and strife of the Kazakh aristocracy – the sultans – became one of the reasons for the success of M.M. Speransky's reform. As a result, most of the Kazakh sultans supported the Russian reform, and supporters of the restoration of Khan's power were in the minority.

Key words: Siberian Cossacks; Kazakhs; West Siberian Governor-General; Siberian border line; Sarzhan Kasymov; Omsk region; "Charter on the Siberian Kirghiz"; outer districts; Akmol residents; Emperor Nicholas I.

ВВЕДЕНИЕ

Административно-территориальные преобразования в Среднем казахском жузе в рамках реформы Сперанского начались в 1822 г. с введением Устава о сибирских киргизах. В России в то время сибирскими киргизами называли казахов Среднего жуза. Указанной реформе предшествовала отмена в 1819 г. ханской власти. Согласно реформе была образована Омская область с внешними округами на территории Среднего жуза. Начиная с 1828 г., было образовано семь внешних округов – Каркаралинский, Аягузский, Кокчетавский, Акмолинский, Кушмурунский, Баян-аульский, Кокпектинский. Они возглавлялись административными органами – приказами, состоявшими из канцелярии, полиции, судов. Руководили приказами старшие султаны. В каждое правление приказа входили четыре заседателя, два из которых были казахами и два назначались российской администрацией. Султаны объявлялись «высшим и почетнейшим между киргизами сословием». Причем глава приказа – старший султан – избирался всеми султанами округа.

Главным проводником административно-территориальных преобразований и залогом их успешной реализации стало Сибирское казачье войско, действовавшее в составе Отдельного Сибирского корпуса. В документах российских военных и гражданских администраторов особо подчеркивается мирный характер преобразований, их направленность, прежде всего, на обеспечение интересов казахов. Однако введение новшеств столкнулось с широкомасштабными трудностями. Поэтому необходимо выяснить причины противодействия преобразованиям, факторы, повлиявшие на их конечный успех, и роль в этих процессах сибирского казачества. Цели и результаты реформы М.М. Сперанского в Среднем жузе, участие в ней сибирского казачества до сих пор остаются дискуссионными в современной казахстанской и российской историографии. Поэтому их переосмысление с учетом новых исторических знаний и реалий является, на наш взгляд, актуальной исторической задачей.

В статье прослежены этапы внедрения реформы, роль в ней различных социальных групп, особенности административно-территориальных и политических преобразований на территории Среднего жуза. Настоящее исследование основано на документах, выявленных в Историческом архиве Омской области

(далее – ИАОО), в частности, в фонде Главного управления Западной Сибири, где имеются сведения о методах проведения реформы Сперанского в Среднем жузе, планах переселения сибирских казаков с Сибирской пограничной линии в казахские степи. В этом фонде отложились также материалы о восстаниях казахских султанов, выступавших против образования внешних округов, о сборе налогов с местного населения, международных отношениях и политике иностранных держав, влиявших на проведение реформы.

Современные казахстанские исследователи отмечают, что в трудах дореволюционных российских историков о колонизации казахских территорий прочно утвердилась концепция, полностью оправдывавшая включение Казахской степи в состав Российской империи. Большинство историков-государственников в XIX – начале XX в. доказывали, что российское правительство было вынуждено прибегать к крайним мерам только тогда, когда требовалось защитить границы государства. Этот подход нашел отражение и в оценке действий сибирских казаков – первых проводников военной и аграрной колонизации в Казахской степи. Вместе с тем в современной казахстанской историографии встречаются и позиции, отвергающие положительное влияние сибирского казачества на ситуацию в степи, за исключением некоторых моментов культурного взаимодействия [Аубакирова, 2015, с. 14–19]. В работах Х.А. Аубакировой [2000], Ж.С. Мажитовой [1997], Р.Х. Сариевой [2002], М. Абдирова [2000] освещается участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительных движений. Еще в начале 1990-х гг. в оценке российской колонизации была выдвинута концепция «абсолютного зла», получившая обоснование в официальной историографии Казахстана. Академик Национальной академии наук, профессор М.К. Козыбаев сформулировал свой взгляд на историю Казахстана в составе Российской империи предельно ясно: «Проводя четкую грань между нацией А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского и царизмом, в то же время скажем, что колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм – антиподы, зло малое и большое, оно олицетворяет национальный гнет, грабеж природных богатств, геноцид. Колониализм, неоколониализм как зло подлежат осуждению» (цит. по: [Абселемов, 2020, с. 108–109]).

Между тем современные российские исследователи отмечают, что в процессе колонизации приграничных территорий, в том числе Среднего жуза, российской администрацией проводилась гибкая национальная политика. Земельная политика государства была направлена на обеспечение лояльного отношения к нему местного населения и одновременно на обеспечение поселенцев [Рахимов, 2013, с. 104]. Русское население, в том числе сибирские казаки, адаптировались к местной среде, обычаям. Приверженность новому подходу к исследованию имперских и национальных составляющих российской колонизации зафиксирована в вводной части коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи». По мнению Л.М. Дамешека и А.В. Ремнева, «имперский нарратив, который в значительной мере унаследован современной русской историографией... неизменно фокусировался на центре, на государстве, на власти. Национальные же историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь концентрируются на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя – лишь тягостный контекст, в котором “просыпалась”, зрела, боролась за независимость та или иная нация» [Сибирь в составе..., 2007, с. 5]. В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится, видимо потому, что на веру принимается утверждение о желании власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной [Там же]. Российские историки в основном занимаются изучением национальных аспектов колонизационной политики Российской империи на восточных окраинах [Ремнев, 1997, с. 79–85]. Современные российские историки считают, что интересы местного населения, особенно знати, учитывались при колонизации [Ремнев, Суворова, 2013; Дацышен, Зиновьев, Лысенко и др., 2019]. Аграрные вопросы колонизации Степного края, взаимоотношения местного населения, российской администрации и переселенцев рассматривают омские исследователи М.К. Чуркин, Б.С. Токмурзаев [Чуркин, Токмурзаев, 2019].

РЕАЛИЗАЦИЯ УСТАВА О СИБИРСКИХ КИРГИЗАХ И СИБИРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

С началом реализации Устава о сибирских киргизах на территории Среднего жуза среди влиятельной казахской знати появились противники новых порядков управления, вводимых в Степи. «Во главе недовольных встали султаны Габайдулла Валиханов, Саржан Касымов и Сартай Чингисов, которые с шайками своих единомышленников производят беспорядки в степи: грабят наши торговые караваны, нападают на аулы киргизов, принявших новый порядок управления и вошедших в состав внешних округов, угоняют у них скот, грабят их аулы и всеми силами стараются разжигать умы народа и вооружать его против нового управления, вводимого русским правительством. Бес-

порядки эти не замедлили превратиться в открытый мятеж, для усмирения которого пришлось действовать уже не путем увещаний и угроз, а силой оружия» [Путинцев, 1891, с. 129]. Так, Сартай Чингисов «не признал прошедших выборов ага-султана [Кокчетавского округа] и угрожал карой всякому, кто будет поддерживать задумку российских властей» [Темиргалиев, 2019, с. 264].

Однако проведение реформы продолжалось. В годовщину коронации императора Николая I, 9 марта 1833 г., в присутствии военных и гражданских чиновников, было открыто два новых внешних округа – Учебакский при оз. Джукейкуль, где пребывала семья влиятельного султана Нурмухамета Сыздыкова, и Баян-аульский при урочище Баян-аул¹. Для открытия Баян-аульского округа понадобилось привлечь значительные военные силы сибирского казачества. С целью успеть застать казахов на зимних кочевьях предполагалось открытие округа совершить не позже первой половины апреля, а для того следовало сформировать в Ямышевской крепости отряд из 100 казаков и одного орудия конной артиллерии с потребным числом резерва и провианта. Отряд должен был выступить в степь под командою того, кому поручено будет открытие округа².

Казалось бы, открытие этого внешнего округа проходит мирно и согласно желанию народа. Зачем же собирать такой сильный казачий отряд с конным оружием? Ситуация, на наш взгляд, объясняется, не только присутствием недовольных среди местного населения открытием округа, но и периодически вспыхивающими конфликтами между казахами, разделенными административными границами между Сибирским и Оренбургским генерал-губернаторствами. Границы между родовыми подразделениями казахов четко не были определены до прихода российской администрации, и оренбургские казахи нередко занимались барантой на землях сибирских казахов. Поэтому командирам отрядов сибирских казаков предписывалось: «хищничеством киргисцов оренбургского ведомства старайтесь воспрепятствовать благоразумными мерами, оставляя воинские над ними поиски, ловить их на самом месте преступления, в пространстве степей, охранению вашему вверенных, соблюдая доброе согласие с старшим султаном восточной части Малой орды, предупреждать от бесчинств подвластных ему киргисцов, захваченных же в воровстве, баранте и поджогах, отправлять по линии в крепость Петропавловскую для предания их военному суду..., тогда покорившиеся нам волости киргисцов и сама линия будут защищены и оренбургские хищники будут обезохожены пускаться на шалости»³.

Многочисленные факты свидетельствуют, что межродовые распри казахов накануне и во время внед-

¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1413. Л. 1 об.–2.

² Там же. Д. 568. Л. 8 об.

³ Там же. Л. 127 об.

рения Устава в значительной степени способствовали успеху реформы. Однако случаи вмешательства сибирских казаков в местные конфликты неизбежно портили их отношения с частью казахских родовых структур. Так, Коржас-Туртугульская и Кенжигалинская волости находились под управлением: первая – биев Чормана Кучукова и Чона Ндигина, вторая – султана Нурмухамета Сыздыкова. Эти волости в 1830 г. присягнули на верность России, приняв ее подданство. В них предполагалось открыть два округа. С этой целью в Туртугульскую волость были отправлены военные отряды под начальством есаула Махонина, а сотника Панкова – в Кенжигалинскую волость. Между тем у населения этих волостей возникли обоюдные споры о принадлежности кочевых мест при урочище Эремельтау.

Для их разрешения генерал-губернатор Западной Сибири 14 сентября 1831 г. предписал предоставить это урочище в обоюдное владение как туртугульцам, так и кенжигалинцам. Исполнение было возложено на есаула Махонина. Однако 31 октября 1831 г. последний сообщил, что султан Нурмухамет Сыздыков с большим числом подвластных ему казахов, не допуская Туртугульскую волость до Эремельтау, напал на нее и, буйствуя, ранил 12 чел., в том числе двух султанов и султанскую дочь; а посланному же им, Махониным, уряднику Анциферову с двумя казаками нанес чувствительные удары. Спустя некоторое время Сыздыков во второй раз напал на туртугульских казахов, разбил их и прогнал. Поэтому Махонин был вынужден отправиться к урочищу Эремельтау с хорунжим Наумовым, одним урядником, толмачем и 16 казаками. Махонин встретил султана с вооруженными казахами – 400 чел. Открыв ружейный огонь, кенжигалинцы заставили казаков обороняться. Как описывает бой Махонин, он выстроил 16 чел. во фронт, сделал из всех ружей залп и ударил в центр пиками, несколько казахов было убито, но под сильным многочисленным напором казаки отступили, продолжая отстреливаться. Строевой казак Василий Власов был поражен пулей в грудь. Между тем Махонин заметил намерение противника обхватить казаков с флангов и поэтому, «чувствуя сколько было бы больно потерять честь русского оружия, с 10 казаками быстрым и сильным ударом в центр поразил до 10 человек...» По подсчетам Махонина, погибло свыше 25 казахов. После донесения есаула Махонина омское областное начальство немедленно приступило к усилению его отряда и захвату султана Нурмухамета⁴.

Однако Нурмухамет вскоре сам явился в Омск с жалобой на есаула Махонина и сообщил, что тот без всякой причины напал с казаками и туртугульскими казахами на его аулы, разбил и разграбил их; поэтому султан просил произвести о том следствие. При этом Сыздыков подчеркнул, что донесение Махонина вовсе не справедливо, потому что ни он, ни его казахи в казаков не стреляли, и даже не имеют никакого оружия,

а сам Махонин с командой спровоцировал драку. Началось следствие о том, кто прав, а кто виноват⁵.

Межродовые распри затрагивали и казахов разных образований. Так, в 1835 г. оренбургские казахи угнали у жителей Кокчетавского и Аман-Карагайского округов значительное количество скота; началась переписка омского областного начальства с оренбургской пограничной комиссией, отрядами сибирских казаков велись розыски барантовщиков для удовлетворения обиженных казахов⁶. Не брезговали заниматься барантой и сами султаны. Так, 2 мая 1839 г. султан вновь образованного Кокбектинского округа Тауке Досанов и его свита в составе 30 чел. угнали табун рогатого скота, принадлежавший казахам Аягузского округа Матаевской волости, из преследовавших их хозяев угнанного скота убили Утея Кульханова, а Джулдаса Муктасова увлекли с собой неизвестно куда. И по этому вопросу началось следствие⁷.

Использование военного потенциала сибирского казачества этими мерами не ограничивалось. Так, в марте 1833 г. казахи Каркаралинского и Акмолинского внешних округов, всего 1490 юрт, оказали сопротивление при сборе с них ясака и удалились в пределы Ташкентского владения кокандского хана. По данным источников, они собирались соединиться с восставшим султаном Саржаном Касымовым⁸.

Однако далеко не все казахи последовали призыву Саржана Касимова. Как отмечено в отчете омского областного начальника за 1833 г., «во внешних Каракаралинском, Кокчетавском и вновь открытом Аягузском округах спокойствие между киргизами не было нарушаемо, кроме Алтай-Карпыковской волости султана Саржана Касимова, принявшего на верноподданство России присягу, изменившего вероломно оной и отложившегося к Кокандскому владетелю. Но хотя Саржан Касымов, с сообщниками своими, сделав значительный угон скота, разносил разные слухи с целью поколебать приверженность киргиз к России, примеру его больше никто не последовал, к водворению в степи совершенного спокойствия приняты надлежащие меры»⁹.

Подготовка к сбору ясака в ряде внешних округов началась еще в 1831 г. Так, у населения Каркаралинского и Кокчетавского округов стали проводить перепись скота. Их жителям была дарована льгота в сборе ясака на восемь лет – с 1824 до 1832 г. Однако закончить перепись не успели. Во многом это было связано с начавшимися восстаниями и откочевками казахов в пределы Кокандского государства¹⁰. Тем не менее в 1835 г. сбор ясака в округах Каркаралинском, Кокчетавском, Аягузском, Акмолинском, Баян-аульском, Учбулакском был проведен успешно, жалоб «на притеснение и неудовольствие» не зафиксировано¹¹.

⁵ Там же. Л. 97.

⁶ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1540. Л. 20.

⁷ Там же. Д. 1797. Л. 15.

⁸ Там же. Д. 1413. Л. 2 об. – 3.

⁹ Там же. Д. 1141. Л. 79–79 об.

¹⁰ Там же. Л. 89.

¹¹ Там же. Д. 1540. Л. 19.

⁴ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1141. Л. 96–96 об.

Вскоре пограничной администрации и военным стало известно, что кокандский хан благодаря посредничеству ташкентского кушбека, правителя, решил распространить свою власть на казахов Среднего жуза, подчинить их своему управлению. Сначала многочисленные известия из Коканда не обращали на себя особого внимания, но вскоре они были подтверждены официальными донесениями линейного начальства, а затем был получен рапорт начальника акмолинского казачьего отряда подполковника Шубина. Его сведения подтверждали полученную из Коканда информацию.

Рапорт Шубина содержал подробное описание обстоятельств, предшествовавших переходу султана Саржана Касымова на сторону Коканда. Так, на приглашение подполковника прибыть к нему для личных объяснений по поводу поступавших жалоб о грабежах и насилиях, производимых подведомственным ему, Саржану, казахами, последний ответил, что «киргизы ушли к Кокандскому владетелю, заплатили ему дань и остались под его управлением, а потому и он [Саржан] не может к нему, Шубину, явиться»¹². После этого Саржан прислал к Шубину еще одно письмо, излагая свои доводы о невозможности явиться к подполковнику в связи с его переходом в распоряжение кокандского хана. Саржан пояснил, что кокандский повелитель сделал его предводителем 22 тыс. чел., вручил белое, с черной маковкой, знамя, золотой меч, латы, стоимостью в 500 червонных, и выразил уверение жить дружелюбно¹³.

О неприязненном поведении кокандского правителя пограничная администрация проинформировала Петербург. Император Николай I признал после этого неуместным ни допустить в столицу кокандского посланника, ни принять от него дары, в том числе слона¹⁴.

Вместе с тем были случаи, когда избранные старшие султаны сами начинали выступать за отмену системы внешних округов, и не только. К примеру, руководитель Акмолинского внешнего округа Губайдулла Валиханов решил принять ханский титул из рук послов китайского императора, для чего оставил свой пост в приказе и отправился им навстречу. Однако он был остановлен и возвращен на прежнее место отрядом сибирских казаков. За такой проступок Губайдулла Валиханов был арестован и сослан на жительство в г. Березов. Вскоре он был прощен императором Николаем I и вернулся в Кокчетав¹⁵. По мнению современных казахстанских исследователей, эти поступки Губайдуллы можно объяснить стремлением сохранить казахскую государственность, вернуть в Среднем жузе ханскую власть [Хафизова, 2019, с. 21].

Таким образом, на сибирских казаков были возложены во вновь открытых внешних округах полицейские функции, а также задачи военной охраны внутреннего порядка. Зачастую казачье войско под-

меняло собой властные функции приказов, являясь в Степи и реальной властью, и военной силой. Однозначно высказался русский военный и администратор, долгое время находившийся в казахских степях Александр Гейнс: «...подчинение войска окружному приказу стало аномалией и оставшийся в бездействии закон мог только породить в сороковых годах странную мысль у одного заседателя в Акмоллах требовать, чтобы батальонный командир вывел бы свой батальон на смотр окружного приказа. В сущности, с того времени действительная охрана внутреннего спокойствия в степи, преследование и пресечение убийств, грабежей и разбоев, баранты перешло в руки казаков. К довершению ко всему казачьим станицам были предоставлены многие права, подрывавшие всякую власть приказов на всем пространстве станичных земель; члены же окружного приказа по полицейскому надзору оказались в подчинении у станичных начальников, назначаемых из казахских урядников» [Гейнс, 1897, с. 111].

ВЫВОДЫ

Настоящее исследование позволяет сделать некоторые выводы.

1. Сибирское казачество стало именно той силой, которая способствовала успешной реализации реформы Сперанского на территории Среднего жуза. Ее осуществлению благоприятствовали такие факторы, как межродовые распри казахов, противоречия между султанами, борьба родовых структур за пастбища и зимовки.

2. Сибирское казачество выполняло свою миссию в сложных условиях, когда часть казахских родовых старейшин, султанов стремилась использовать его отряды в своих интересах, рассчитывая на упрочение личной власти при помощи отрядов сибирских казаков. Нередко представители казахской знати стремились заручиться поддержкой казаков, чтобы использовать их в своей борьбе с политическими противниками из других влиятельных семей. Зафиксированы случаи, когда казахи разных родовых подразделений втягивали в свои распри сибирских казаков. При этом сибирское казачество зачастую оказывалось в роли пострадавшей или виновной стороны. Большая часть казахского правящего класса того времени, особенно султаны, поддерживали политику России и приняли активное участие в создании новой системы управления.

3. Успех выборной системы управления, введенной по Уставу о сибирских киргизах, был частичным. Реальная власть во внешних округах все больше переходила к Сибирскому казачьему войску.

4. Внедрение реформы М.М. Сперанского в 1820–1840-е гг. осложнялось внешнеполитическими факторами. Кокандский хан вступил в противоборство с Россией, пытался установить свою власть на территории уже созданных внешних округов, активно вербуя своих сторонников среди казахской знати. Однако ему вследствие военного потенциала и боеспособности сибирского казачества в конечном счете пришлось отказаться от своих завоевательных планов в Среднем жузе.

¹² ИАОО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 1141. Л. 90.

¹³ Там же. Л. 90–91об.

¹⁴ Там же. Л. 92.

¹⁵ Национальный архив Республики Казахстан (НАРК). Ф. 83. Оп. 7. Д. 238. Л. 9.

5. Внедренная благодаря сибирскому казачеству новая система управления на территории Среднего жуза продемонстрировала свои положительные черты: началось разграничение путей кочевания и зимовок между казаками разных родовых структур, успешно велась борьба с барантой, самоуправством и злоупотреблениями султанов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдилов М. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (Из истории военно-казачьей колонизации края XVI – начала XX вв.). Астана: Елорда, 2000. 204 с.
- Абселемов С.А. Современная российская историография колонизации степного края во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 452. С. 108–117.
- Аубакирова Х.А., Джумагалиева К.В. История сибирского казачества в исследованиях ученых XIX – XX веков // Вестн. науки Казахского агротехн. ун-та им. С. Сейфуллина. 2015. № 4(87). С. 14–19.
- Аубакирова Х.А. Участие сибирского казачества в подавлении национально-освободительного движения казахского народа под предводительством султанов Саржана и Кенесары Касымовых (1824–1847 гг.): дис... канд. ист. наук. Астана. 2000. 130 с.
- Гейнс А. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 589 с.
- Дацышен В.Г., Зиновьев В.П., Лысенко Ю.А., Некрылов С.А., Скубневский В.А., Старцев А.В., Степнов А.О., Фоминых С.Ф., Харусь О.А., Храмков А.А., Шевелев Д.Н., Шевцов В.В., Шерстова Л.И. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 340 с.
- Мажитова Ж. С. Военное присутствие в северо-западном Казахстане в XVII–XIX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Караганда, 1997. 25 с.
- Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск: Тип. окружного штаба. 1891. 271 с.
- Рахимов Р.Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестн. ТГУ. 2013. Вып. 10(126). С. 104–112.
- Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Вестн. Ом. отд-ния Академии гуманитарных наук. 1997. № 2. С. 79–85.
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Наука, 2013. 248 с.
- Россия–Казахстан. По-новому о старом. Век 21-й. Историко-публицистические очерки / Редактор-составитель: С.Ш. Хусаинов. Омск: Тип. «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2023. 302 с.
- Сариева Р.Х. Колониальная политика царизма в Казахстане на примере Тургайской области (1868–1914 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Алматы, 2002. 17 с.
- Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: НЛЮ, 2007. 368 с.
- Темиргалиев Р.Д. Казахи и Россия. Алматы, 2019. 402 с.
- Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2019. 480 с.
- Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 262 с.

REFERENCES

- Abdirov M. (2000). The conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia and the struggle of the Kazakh people for independence (from the history of the military Cossack colonization of the region in the 16th – early 20th centuries). Astana, Elorda, 304 p. (In Russ.)
- Abseleymov S.A. (2020). Modern Russian historiography of the colonization of the Steppe region in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 452, pp. 108–117. (In Russ.)
- Aubakirova Kh.A., Dzhumagaliyeva K.V. (2015). History of the Siberian Cossacks in the research of scientists of the 19th – 20th centuries. *Vestnik nauki Kazakhskogo agrotekhnicheskogo universiteta im. S. Seifullina*, no. 4, pp. 14–19. (In Russ.)
- Aubakirova Kh.A. (2000). Participation of the Siberian Cossacks in the suppression of the national liberation movement of the Kazakh people under the leadership of Sultans Sarzhan Kasymov and Kenesary Kasymov (1824–1847): Cand. hist. sci. diss. Astana, 130 p. (In Russ.)
- Churkin M.K., Tokmurzaev B.S. (2019). Agrarian colonization of the Steppe region: socio-political discourse and imperial practices of the second half of the 19th – early 20th centuries. Omsk, Izd-vo OmGPU, 262 p. (In Russ.)
- Dameshek L.M., Remnyov A.V. (eds) (2007). Siberia as part of the Russian Empire. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 362 p. (In Russ.)
- Datsyshen V.G., Zinoviev V.P., Lysenko Yu.A., Nekrylov S.A., Skubnevsky V.A., Startsev A.V., Stepnov A.O., Fominykh S.F., Kharus O.A., Khrankov A.A., Shevelev D.N., Shevtsov V.V., Sherstova L.I. (2019). Essays on the history of the development and study of North Asia. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 340 p. (In Russ.)
- Geins A. (1897). Collection of literary works by Alexander Konstantinovich Geins. Vol. 1. Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 589 p. (In Russ.)
- Khafizova K.Sh. (2019). Steppe rulers and their diplomacy in the 18th–19th centuries. Nur-Sultan, Kazakhstan. in-t strateg. issled. pri Prezidente RK, 476 p. (In Russ.)
- Khusainov S.Sh., Zhumabaev E.S. (eds-comps) (2023). Russia – Kazakhstan. In a new way about the old. The 21st century: hist. and journalistic essays. Omsk, Tip. “Zolotoy tirazh” (Omskblankizdat), 300 p. (In Russ.)
- Mazhitova Zh.S. (1997). Military presence in northwestern Kazakhstan in the 17th–20th centuries: Cand. hist. sci. diss. abstr. Karaganda, 25 p. (In Russ.)
- Putintsev N.G. (1891). Chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army: since the establishment of the West Siberian Cossacks in the territory they currently occupy. Omsk, Tip. okr. shtaba, IV, 256, VIII p. (In Russ.)
- Rakhimov R.N. (2013). Orenburg and Siberian border lines in the 18th – first half of the 19th centuries as the southeastern and eastern frontiers of Russia. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 10, pp. 103–109. (In Russ.)
- Remnev A.V. (1997). Governor-General's power in the 19th century. On the problem of organizing regional administration of the Russian Empire. *Vestnik Omskogo otdeleniya Akademii gumanitarnykh nauk*, no. 2, pp. 79–85. (In Russ.)
- Remnev A.V., Suvorova N.G. (2013). Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th centuries. Omsk, Nauka, 248 p. (In Russ.)
- Sariyeva R.Kh. (2002). Colonial policy of tsarism in Kazakhstan by the example of the Turgai region (1868–1914): Cand. hist. sci. diss. abstr. Almaty, 17 p. (In Russ.)
- Temirgaliev R.D. (2019). Kazakhs and Russia. Almaty, 402 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.12.2023

Дата рецензирования 29.01.2024

Статья принята к публикации 15.02.2024

DOI: 10.15372/HSS20240110
УДК 069.01+94(470)"1800/1850"
EDN: WDNBZE

И.В. ЧУВИЛОВА

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В СРЕДЕ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДУХОВЕНСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Институт государственной службы и управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
РФ, Москва, 119571, пр. Вернадского, 82

В статье впервые рассматривается феномен коллекционирования в среде русского духовенства; представлен опыт создания коллективного портрета на основе реконструкции биографий лиц духовного звания. Такой подход позволяет рассмотреть феномен коллекционирования как в контексте исторической эпохи в целом, так и в процессах становления личности и социальной группы первой половины XIX в. в частности. На основе биографического и просопографического методов, анализа репрезентативного корпуса исторических источников выявлены просопографически значимые характеристики представителей духовенства, акцентируется внимание на мировоззрении и интеллектуально-досуговой стороне их жизни, а также на их собирательской деятельности, которая способствовала становлению провинции как самостоятельной и значимой константы отечественной культуры.

Ключевые слова: просопография, духовенство, коллективный портрет, российская провинция, коллекционирование, коллекции древностей, Российская империя XIX в.

I.V. CHUVILOVA

COLLECTING AMONG THE RUSSIAN PROVINCIAL CLERGY OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation

The article is the first to examine the phenomenon of collecting among the Russian clergy; the author presents the experience of creating a collective portrait of one of the class groups based on the reconstruction of the biographies of persons of clergy rank. This approach allows us to consider the phenomenon of collecting both in the context of the historical era in general, and in the processes of formation of individuals and social groups of the first half of the 19th century, in particular. Based on biographical and prosopographical methods, analysis of the representative corpus of historical sources (memoirs, correspondence, periodicals, and church and parish clerical documentation), the author identifies prosopographically significant characteristics of clergy representatives and focuses on the ideological, intellectual and leisure aspects of their lives. In this period, they stood on a par with enlightened and active people from other urban classes, contributing to the emergence of local history, archaeological research, and the formation of value orientations in the preservation of heritage. Clergymen collected, systematized, and described historical and cultural artifacts, and the collections they formed in the wake of the national upsurge and Enlightenment ideas were organically integrated into the historical and cultural context of the epoch. Because of these activities, in the first half of the 19th century in Central Russia and the Volga region, they formed significant so-called collections of antiquities, which later became the basis of collections of seminaries, universities, church and archaeological museums. The collecting activity of the clergy representatives contributed to the saturation of the cultural field of the Russian province, the development of socially significant activities there and, in general, the establishment of the Russian province as an independent and significant constant of national culture.

Key words: prosopography, clergy, collective portrait, Russian province, collecting, collections of antiquities, Russian Empire of the 19th century.

Ирина Валентиновна Чувилова – канд. ист. наук, доцент, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, e-mail: ivl12@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8287-9674>.

Irina V. Chuvilova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

ВВЕДЕНИЕ

Образование, наука и искусство, издательская и выставочная деятельность – эти составные части культуры в первой половине XIX в. распространялись вширь, становясь значимым фактором жизни российской провинции. Постепенно проявлялась социокультурная специфика регионов Российской империи, связанная с историческим прошлым, социальным составом населения, климатическими условиями и природным ландшафтом, что требовало изучения присущего им своеобразия. С 1834 г. в губерниях создавались местные статистические комитеты, деятельность которых была направлена также на сохранение и изучение историко-культурного наследия в регионах. Устанавливались связи с научными обществами – Московским обществом истории и древностей российских при Московском университете (МОИДР, основанном в 1804 г.), Русским географическим обществом (РГО, основанном в 1845 г.). Под влиянием новых тенденций в русской культуре, стремящейся к освобождению от прежних канонов и условных форм [Логвинская, 1978, с. 10], повсеместное увлечение историей отечества, так называемыми древностями, способствовало развитию в провинции частного коллекционирования. В ряде городов наблюдаются первые попытки формирования музейных собраний, коллекций при учебных заведениях, архиерейских домах.

Поскольку крепостничество во многом налагало тотальные ограничения на социальную, экономическую и политическую деятельность, духовная сфера оставалась единственной сферой реализации внутренних устремлений личности. Влияние духовенства в рассматриваемый период значительное: оно являлось привилегированным сословием, имело длительную традицию хранения и передачи культурного опыта, соответствующий уровень образования. В городской среде выделялись ректоры гимназий и приходское священство. Епископальное, а особенно монастырское духовенство было более обособлено; тем не менее именно в первой половине XIX в. намечаются тенденции к сближению местных руководителей епархий с научными кругами городского общества. Русское провинциальное духовенство являлось самым массовым отрядом провинциальной интеллигенции, посредником между системами культуры и образования и массой неграмотного сельского населения. Духовное образование, начиная с семинарий, стало в 1830 – 1850-е гг. каналом, по которому в Россию из Европы передавались элементы современных для того времени философских и исторических знаний, в том числе Канта, Гегеля, Фихте, Гиббона и др. [Дворянов, 1995, с. 31–32].

Целью статьи является рассмотрение феномена коллекционирования, характеризующего процесс становления личности в среде русского духовенства. Данная тема начала разрабатываться автором в диссертации «Формирование художественных коллекций в провинции в первой половине XIX века: Центральный и Поволжский районы» (см.: [Чувилова, 1999]).

Поиск и изучение новых источников, как и появление новых исследований по биографике (см., напр.: [Петровская, 2003]) расширяют возможности для продолжения этой работы. В статье получили развитие неопубликованные ранее заключения автора, на основе представленного в диссертационном исследовании и впоследствии дополненного корпуса исторических источников. Их репрезентативную совокупность составили воспоминания, эпистолярные источники, периодическая печать, церковно-приходская делопроизводственная документация XIX в.

Изучение явления коллекционирования в среде духовенства в историческом контексте является вкладом как в исследование индивидуальных биографий, так и в просопографическую реконструкцию коллективной биографии духовного сословия, позволяя акцентировать внимание на мировоззрении и интеллектуально-досуговой стороне жизнедеятельности его видных представителей.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДУХОВЕНСТВА
В КОНТЕКСТЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ярким представителем духовного сословия, оставившим заметный след в культурной летописи провинциальной России, был преосв. **Афанасий (Дроздов) (1794–1876)**¹. Во всех местах своего служения он проявлял себя как талантливый педагог, «пробуждал в учениках такую любовь к самообразованию, что многие из них и по вступлении в священники продолжали учиться»², содействовал открытию новых духовных училищ, развитию светского и духовного образования, заботился о ремонте и украшении храмов. Им был создан хор в Саратове, «самый лучший из провинциальных». Относительно «благоустройства» хора он пользовался советами такого знатока, каков был саратовский помещик Бахметев³... Пело человек сорок отборных певцов, число, какое редко бывает в провинциальных хорах». Духовный композитор протоиерей П.И. Турчанинов «не раз спускался к нему вниз по матушке Волге» из Петербурга в Саратов «послушать и поруководить его хором»⁴. Когда преосв. Афанасия

¹ Родился в Тульской губернии, в семье священника. Учился в Тульской семинарии, за успехи в обучении был направлен в Московскую духовную академию, где в 1823 г. принял постриг, а после окончания преподавал священное писание и герменевтику, английский язык. С 1828 г. последовательно был ректором Пензенской, Костромской, Рязанской, Херсонской семинарий, настоятелем Костромского Богоявленского и Рязанского Спасского монастырей. С 1841 г. – ректор Петербургской духовной академии, епископ Винницкий (1842); с 1847 г. – епископ Саратовский, с 1858 г. – архиепископ Астраханский. Окончил свои дни на покое в Астраханском Иоанно-Предтеченском мужском монастыре.

² *Еп. Никанор*. Преосвященный Афанасий, архиепископ Астраханский // Странник. 1896. Июнь–июль. С. 324.

³ *Бахметев Николай Иванович* (1807–1897) – композитор, генерал-майор. В 1861–1883 гг. – директор Императорской Певческой капеллы в Петербурге.

⁴ *Еп. Никанор*. Преосвященный Афанасий ... 1896. Август. С. 569.

перевели в Астрахань, за ним последовала часть хора, став одним из культурных украшений города.

Он пользовался большим уважением горожан, – «его любили дворяне за его высокий ум, за его толерантность...»⁵ – и имел широкий круг общения. Близким другом преосв. Афанасия называли профессора Московского университета Н.И. Надеждина – одного из основоположников исторической географии, члена РГО. Среди его знакомых – ученые и литераторы, представители духовенства; среди них историк М.П. Погодин, протоиерей и ученый М.Я. Диев, писатель П.П. Свинын, купец Н.А. Папулин – известные коллекционеры.

Главным свойством преосв. Афанасия современники отмечали «ученость»: «Этот иерарх был если не чудо по учености, то явление феноменальное, в своем роде исключительное...»⁶; «один из самых умных и ученых наших иерархов, замечательный лингвист, хорошо... знакомый с немецкою философией»⁷. Владея несколькими европейскими и древними языками, преосв. Афанасий прекрасно разбирался во многих отраслях науки: «Он специально изучал и отлично знал ботанику и имел у себя гербарии. Он в совершенстве знал геологию и минералогию и собрал у себя громадные минералогические кабинеты. Он изучал астрономию и занимался астрономическими наблюдениями при помощи весьма мощных телескопов. Он изучал и знал анатомию, для чего имел у себя анатомические атласы. Он знал математику, даже высшую, в совершенстве...»⁸. Входящий в узкий круг близких преосв. Афанасию людей, еп. Никанор (Бровкович) отмечал его страсть к познанию, чтению, чему служила громадная, собранная им библиотека. «Греческих, латинских писателей он перечитал всех... Он изучил все новейшие открытия по части памятников первобытного христианства, римских катакомб, богослужебных остатков, первых живописных изображений и т.п. ... Имел у себя исследования итальянских ученых о помпейских древностях...»⁹

Многие современники называли его энциклопедистом. Он был ярким представителем века Просвещения. Его любовь к древностям и глубокий интерес к естественным наукам – из одного источника миропонимания. Поэтому и коллекционирование его носило, прежде всего, познавательный характер, столь же многоуровневый, как и его научные интересы. Так, в период служения в Костроме у преосв. Афанасия имелись микроскоп и «электрическая машина», и своим гостям он «показывал физические опыты»¹⁰. Позже, в Сара-

тове, он устроил небольшую обсерваторию. Примечательно, что архиерейская дача в пригороде Саратова, возле Спасо-Преображенского мужского монастыря, находилась рядом с археологическим памятником – стоянкой древнего человека «Вишневое городище». Мы не имеем прямых свидетельств интереса преосв. Афанасия к этому памятнику, но как «человек, зарывающийся вглубь археологических изысканий» (еп. Никанор), он, скорее всего, не мог оставить без внимания такой объект для изучения. Здесь же он устроил¹¹ «своего рода Елладу с гротами, ручьями, горными тропинками в дремучем лесу и разного рода постройками в классическом стиле»¹².

Закономерно, что при таком внимании к истории и любви к «изысканиям» преосв. Афанасий стал заниматься собирательской деятельностью. В 1831 г. протоиерей М.Я. Диев писал историку И.М. Снегиреву: «Костромская епархия может гордиться любителем древностей отечественных архимандритом о. Афанасием... Наша семинария еще не имела такого ученойшего ректора, и я никогда не видел такого собрания редкостей как у него»¹³. Священник Симеон Костров в письме П.П. Свиныну: «Он превосходит всех и ученостью, и смирением... Сего не довольно. Подобно Вам, Отец Архимандрит ревностный любитель отечественной истории и нумизматики. У него собрано до 200 разных штук редких древностей...»¹⁴. Надо отметить, что преосв. Афанасий считается автором изданного в 1837 г. сочинения «Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре с XV по XIX век».

Когда же начинает формироваться это собрание? Известно, что, покидая в 1828 г. стены Московской духовной академии, преосв. Афанасий уже оставил в дар «на память о себе» собрание нумизматики¹⁵. В Костроме в это время велик был интерес горожан к древностям – собирательством занимались купцы Н.А. Папулин и А.В. Красильников, мещанин И.И. Тычинкин, протоиерей М.Я. Диев, костромской помещик П.П. Свинын. С появлением преосв. Афанасия здесь сфера его собирательства расширилась. В Херсоне он продолжал «заниматься разными науками, особенно же древностями за что и был избран в члены местного ученого общества»¹⁶. Речь, видимо, идет о причерноморских античных памятниках, открытие и изучение которых в начале века дало мощный толчок развитию отечественной археологии и музейного дела. Именно

⁵ Еп. Никанор. Преосвященный Афанасий ... 1896. Август. С. 587.

⁶ Письмо С. Кострова П.П. Свиныну, 1832 // Отдел рукописей Российской научной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 679. Д. 69. Л. 2.

⁷ Колупанов Н.П. Из прошлого. Посмертные записки. 1823–1849 гг. // Русское обозрение. М., 1895. № 1. С. 249.

⁸ Еп. Никанор. Преосвященный Афанасий Август. С. 584.

⁹ Там же. С. 583.

¹⁰ Воспоминания о высокопр. Афанасии // Астраханские епарх. ведомости. 1877. № 15. 10 апр. С. 10.

¹¹ Часть из этих построек сохранялась до начала XX в., что видно на некоторых фотоснимках того периода.

¹² Пр. Н.К. 31-й Астраханский и Енотаевский арх. Афанасий // Астраханские епарх. ведомости. 1887. № 5. С. 3.

¹³ Письмо М.Я. Диева к И.М. Снегиреву, 1831 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1887. Кн. 1, ч. 1. С. 28–29.

¹⁴ Письмо С. Кострова П.П. Свиныну, 1832 // ОР РНБ. Ф. 679. Д. 69. Л. 2.

¹⁵ Еп. Никанор. Преосвященный Афанасий ... Июнь-июль. С. 323.

¹⁶ Там же. С. 326.

в Крыму и на прилегающих к нему территориях юга России в 1810 – 1820-е гг. на государственные средства была создана первая в России сеть общедоступных музеев исторического профиля: Музей в Николаеве (1803), Феодосийский музей древностей (1811), Музей при Симферопольской мужской гимназии (1812), Одесский городской музей древностей (1825), Керченский музей древностей (1826). Этот период имел важное значение для формирования уже в последней трети XIX в. сети провинциальных музеев местного края. Несомненно, преосв. Афанасий знал местные коллекции и многих членов научных обществ, среди которых были выдающиеся исследователи и коллекционеры. За успехи в изучении древностей он был избран членом Херсонского ученого общества, Статистического отделения Министерства внутренних дел, Одесского общества истории и древностей (ООИД), Датского Королевского общества северных антиквариюв.

Тесно переплетены были миссионерская, просветительская и собирательская сферы деятельности у архиепископа **Тобольского и Сибирского Афанасия (Протопопова) (1785–1843)**¹⁷. Уже при жизни он был известен как покровитель храмоустроительства. При этом, запретив оставлять в храмах резную деревянную скульптуру, он велел отправлять ее не в костер, как это часто бывало, а на хранение в ризницы. По распоряжению архиеп. Афанасия была «описана и приведена в порядок... старинная и довольно богатая соборная ризница [в Тобольске] и ризницы по церквам приходским, особенно в городах...» Во всех вверенных ему епархиях он содействовал созданию и увеличению церковных и семинарских библиотек, вменяя это в обязанность причтам, «в надежде чрез чтение книг... возвысить сперва уровень образованности в духовенстве, а потом посредством духовенства действовать на умы и сердца народа»¹⁸.

Архиепископ Афанасий «основательно знал и чрезвычайно любил библейские и церковные древности; весьма много занимался вообще древностями, например, египетскими, греческими, индийскими, американскими, русскими... и по всем этим отраслям истории у него были дорогие издания». Круг чтения, кроме богословских трудов, – «все греческие классики», исследования по археологии и древностям, в том числе Мая, Яна и Розенмиллера; преподавание богословия он «сопровождал историческими и археологическими изысканиями»¹⁹. Составленные им «Материа-

лы по церковным древностям» остались неизданными. Проявлял также интерес к географии, минералогии, зоологии. Являлся членом Датского Королевского общества северных антиквариюв.

В Костроме, где в первой трети XIX в. сформировалось интереснейшее общество местных интеллектуалов и коллекционеров, работал ученый, краевед и коллекционер протоиерей **Михаил Яковлевич Диев (1794–1866)**²⁰.

Уже в 1820-е гг. на волне всеобщего увлечения археологией он начал изучать и собирать памятники старины и нумизматику, отмечая: «Все остается еще много редкостей, неизвестных ученому свету» [Титов, 1887, с. 66]. В круг основных интересов Диева входили этнография, археология, история, архитектура и прикладное церковное искусство. Ценные научные результаты были получены им в исследованиях по местной истории, нумизматике и иконописанию. «Жаль, – писал он в 1835 г., – что почти все иконы по ветхости поправлены, но некоторые из местных, кажется, сохранились в целости без поправки. Искусство отличное; очерк совершенно греческого штиля, но в лицах примечен штиль и фряжский или примесь западного к восточному, итальянского к византийскому» [Титов, 1887, с. 66]. Диев одним из первых исследователей произведений древнерусского искусства стал относиться к ним не только как к сакральным памятникам, но и как к произведениям искусства.

Этим он предвосхитил деятельность по изучению православных памятников известного исследователя и путешественника, своего земляка, **епископа Порфирия (Успенского) (1804 – 1885)**²¹. В 1820-е гг. еп. Порфирий служил в Костромской епархии. Возможно, он знал о собраниях М.Я. Диева и преосв. Афанасия (Дроздова), был знаком с ними. Коллекционировать иконы о. Порфирий начал в 1840-е гг. Но, возможно, собирательской деятельностью он занялся еще раньше, в Костроме: в состав его коллекции входили многие разнородные предметы, с которых обычно начиналось коллекционирование в период всеобщего увлечения древностями и археологией.

Служение в 1830-е гг. в Одессе – центре становления отечественной археологии – как и служение преосв. Афанасия (Дроздова) в Херсоне, не могло не по-

¹⁷ Родился в семье священника Ярославской губернии, обучался в Ярославской семинарии, здесь же до 1808 г. служил учителем. Закончив в 1814 г. Петербургскую духовную академию, последовательно был ректором Казанской духовной академии, Тверской семинарии, настоятелем Калязинского Макарьева монастыря, викарием Киевской митрополии под руководством митрополита Евгения (Болховитинова); епископом в Нижегородской епархии. С 1832 г. – архиепископ Тобольский и Сибирский.

¹⁸ *Протоиерей Сулоцкий А.* Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 191. Оп. 1. Д. 2974. Л. 8об.

¹⁹ Там же. Л. 4, 6 об.

²⁰ Родился в семье священника, обучался в Костромской семинарии. С 1832 г. – действительный член МОИДР. Был сотрудником Общества любителей отечественной словесности, членом Костромского статистического комитета. С 1857 г. – благочинный Костромской епархии.

²¹ Обучался в Костромской семинарии, с 1823 г. преподавал в Костромском духовном училище. Позже закончил Петербургскую духовную академию, преподавал в Ришельевском лицее в Одессе и был настоятелем Одесского Успенского монастыря. В 1840 г. молодого ученого-богослова, проявившего свой интерес к археологии и древнерусскому искусству, отправили в Иерусалим для исторических исследований; эта научная командировка, с немногими перерывами, продлилась до 1861 г. По возвращении в Россию завершил свою деятельность членом Московской Синодальной канцелярии и настоятелем Новоспасского монастыря.

влиять на его дальнейшую деятельность. Как писала М. Боде в воспоминаниях об известном своей деятельностью по охране отечественных памятников архиепископе Херсонском и Таврическом Иннокентии (1800 – 1857), он «прилепился душою к поэтическому краю, – колыбели нашего христианства, где находится так много святынь»²². Пути архиеп. Иннокентия и еп. Порфирия также пересекались.

Если научные изыскания Диева преимущественно были связаны с зарождающимся краеведением, а преосв. Афанасия (Дроздова) и архиеп. Афанасия (Протопопова) – с комплексным изучением памятников, то еп. Порфирий «весьма много потрудился над историей православного богослужения, собирал для нее богатый и неисчерпаемый материал...» [Дмитриевский, 1886, с. 332]. В Иерусалиме, Палестине, на Синае и Афоне он собирал и исследовал те предметы искусства и древности, которые помогали ему в его научных изысканиях: коллекционирование стало частью его профессиональной деятельности.

Собранные материалы увидели свет в многочисленных его публикациях по археологии, палеографии, церковной живописи («Книга о живописном искусстве Даниила священника 1674 г.», «Письма о пресловутом живописце Панселине», «Просопография церковная и живопись церковная» и мн. др.). В деятельности еп. Порфирия можно наблюдать формирование важного направления: изучение истории через источники (памятники) и изучение памятников и произведений искусства с использованием инструментария ученого-историка. Это отметил в 1886 г. Н.И. Петров: «Рядом с собиранием... преосв. Порфирий заботился и о теоретическом изучении восточной церковной иконописи и книжной живописи...» [Петров, 1886а, с. 164]. В собирательской деятельности еп. Порфирия прослеживается тенденция, которая станет более характерной для конца XIX в. – изучение *результатов* коллекционерской деятельности.

Интерес к собирательству у **архиепископа Нижегородского и Арзамасского Иакова (Вечеркова) (1792 – 1850)**²³ возник на основе его профессиональной деятельности в годы борьбы с расколом. Современник характеризовал его как «сурового аскета..., выдающуюся личность», он «на местный раскол шел прямо, не сворачивая в сторону»²⁴ (в период его служения в Саратовской епархии было обращено в пра-

вославие около 20 тыс. старообрядцев). Архиеп. Иаков глубоко изучил историю раскола, посвятил этой теме несколько работ. Одновременно он начал собирать старопечатные и рукописные книги, «снимки с древних вещей, тщательно изучал их, чтобы поражать ревнителей мнимой старины собственным их оружием»²⁵. Некоторые современники считали, что именно эта деятельность, а также «беседы со старообрядцами естественно обратили его внимание на наши отечественные древности, как церковные, так и гражданские, и Иаков полюбил археологию...» [Терсков, 1856, с. 41].

При этом архиеп. Иаков был, как и многие другие его современники-коллекционеры, сыном своего века. Близкие ему люди отмечали его склонность в молодости к созерцательности, «наслаждению красотой природы, ночной тишиной, звездным небом»²⁶. Известно, что в духовных училищах он возобновлял так называемые диспуты – методику обучения, перенятую эпохой классицизма у древних греков; во всех местах своего служения «отличался пламенной любовью к науке отечественного самопознания и был ревностным ее деятелем»²⁷.

Епископ Никанор отмечал, что «как покровитель науки, о. Иаков обнаруживал замечательную широту взглядов»²⁸. Имея глубокие познания в науках исторических и естественных, он способствовал распространению просвещения, «изыскивал повсюду людей способных и давал им разные поручения. Он хотел, чтобы все духовенство приносило плоды своих занятий по разным отраслям науки» [Терсков, 1856, с. 56–57]. Только в Саратовской губернии его трудами было открыто три духовных училища.

Деятельность архиеп. Иакова в Нижнем Новгороде началась с того, что он осматривал все церкви, «обращая внимание на степень их благолепия, на количество и качество церковной утвари..., на древности и достопримечательности церкви» [Палисадов, 1895, с. 316]. Обнаружив в Печерском монастыре около 1000 столбцов с грамотами царей и патриархов, организовал их переписывание, после чего отправил столбцы в Императорскую Археологическую комиссию.

Один из знавших его священников вспоминал, что архиеп. Иаков отличался «любовью и внимательным отношением к древним достопримечательностям, книжным редкостям, памятникам старины». В 1849 г. архиеп. Иаков писал М.П. Погодину, что хочет посмотреть при проезде через Москву «на древности отечественные, находящиеся в этом царственном граде». Он также извещал Погодина о своих находках, советовался «по делам ризницы» [Барсуков, 1896, с. 419].

²² Боде М. Воспоминания о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Странник. 1861. Кн. 7. Отд. 1. С. 7.

²³ Родился в семье дьякона Курской губернии. Обучался в Белгородской семинарии, Петербургской духовной академии. С 1823 г. – ректор Екатеринославской семинарии, профессор богословия; с 1827 г. – архимандрит Григорьевского Бизюкова монастыря в Херсонской губернии. С 1832 г. – епископ Саратовский и Царицынский, с 1847 г. – епископ Нижегородский и Арзамасский, настоятель Нижегородского Печерского монастыря; с 1849 г. – архиепископ.

²⁴ Еп. Никанор. Преосвященный Афанасий ... Июнь–июль. С. 326.

²⁵ Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 в. М., 1908. Май. С. 181.

²⁶ Там же. С. 180.

²⁷ Надеждин Н.И. Известие о жизни и трудах Преосвященного Иакова, Архиепископа Нижегородского и Арзамасского // Географические известия. СПб., 1850. Вып. 4. С. 665.

²⁸ Еп. Никанор. Преосвященный Афанасий ... Июнь–июль. С. 24.

В изучении памятников старины пользовался советами архиеп. Тверского и Кашинского Гавриила (Розанова), известного знатока и исследователя древностей, сам содействовал ему в собирании памятников и «преданий туземной старины»²⁹.

Также он занимался археологическими, этнографическими, статистическими изысканиями, принимал активное участие в деятельности ООИД (действительный член общества с 1840 г.). Работы его опубликованы в «Ученых записках Казанского университета», в «Записках РГО», членом которого он являлся с 1847 г. «В Нижегородской епархии возбудил он такое сочувствие к нашему Обществу [РГО], – вспоминал Н.И. Надеждин, – что ниоткуда не имеет оно столько ответов и материалов, как от тамошнего православного духовенства»³⁰.

Архиеп. Иаков считается одним из основоположников исторических научных исследований в Саратовском крае. Он нередко присылал исторические и археологические заметки в редакцию «Саратовских губернских ведомостей»; в 1830–1840-е гг. опубликовал «Исторический очерк Саратовского края», «Исследование о месте Сарая, столицы Кипчаковской орды» и др. На основе своей коллекции им написано фундаментальное исследование «Церковная археология», к сожалению, оставшееся неизданным.

ПРЕДМЕТЫ И КОЛЛЕКЦИИ

Чем же интересны сформированные собрания и как они отражают личность коллекционера?

По сути, все указанные коллекции являются комплексными, но в каждой из них собиратель особо выделял раздел, наиболее близкий ему в силу личных предпочтений. Состав коллекции также во многом зависел от целеполагания собирателя.

Коллекцию преосв. Афанасия (Дроздова) можно отнести к комплексному научному собранию, цель которого – удовлетворение познавательных запросов собирателя. В некоторой степени это собрание является примечательным в силу его типичности для собирательской деятельности просвещенного духовенства; причем его коллекция является одной из самых представительных. Она включала несколько значительных разделов.

Библиотеку преосв. Афанасия считали самым крупным частным собранием, «какого у частных лиц духовных на Руси ни у кого не бывало... Главное его сокровище – книги, а также разного рода картины классического мира»³¹.

Неопределенные на первый взгляд понятия «древности», «редкости» и «сокровища научные» могут дать представление и об остальной части его собрания. Под «сокровищами научными», скорее всего, подразумевались научные приборы, инструменты, издания, которые могли служить пособиями в его научных ис-

следованиях. В астраханский период служения у преосв. Афанасия имелось также «богатое собрание разного рода картин, атласов и тому подобных сокровищ научных»³².

К «древностям» классическим и отечественным относились, прежде всего, предметы археологии в современном понимании, и то, что именовалось археологией в начале XIX в.: нумизматика, старинные рукописи, предметы быта и церковного обихода. Известно, что в рукописном собрании преосв. Афанасия находилась рукопись XVII в. «Азбуковник», а также жалованные грамоты монастырям и «старинные антимины» XVI – XVIII вв. московского митрополита Афанасия и патриарха Гермогена»³³. О собранных им рукописях упоминает В.С. Иконников как о «собрании специального характера», на основании которого было написано одно из исследований Д.Л. Мордовцева [Иконников, 1892, с. 1315].

Значительным было собрание нумизматики: «древние монеты, жетоны и медали... монеты Василия Темного, Дмитрия Шемяки, князей Ивана Андреевича, Иоанна Ш, Иоанна Грозного, ярлыки, медали, выдававшиеся раскольникам на право ношения бороды 1705 г. и др.» [Смирнов, 1879, с. 308]; польские монеты, «кроме римских и русских монет, начиная с Донского, некоторые касаются первых столетий Российского христианства»³⁴, всего около 300 экз. Его собрание в Саратове пополнилось золотоордынскими монетами (эту коллекцию специалисты оценивали в 100 тыс. руб.)³⁵ и «вещами», найденными в Увек (21 предмет).

Художественная часть коллекции преосв. Афанасия состояла из картин, скорее всего, копий и гравюр, тематически близких его научным занятиям, посвящавшимся классическим и христианским древностям, истории религии, искусству и истории Ближнего Востока и Европы. Художественная часть как бы иллюстрировала предметный состав коллекции и, видимо, имела вспомогательное значение для научных исследований. Так называемая Портретная галерея в его коллекции (непременный атрибут не только частных, но и общественных собраний этого времени) была представлена «в медалях, монетах и картинах; ... снимках великих людей и замечательнейших предметов классической древности»³⁶.

Отдельный комплекс составляла естественнонаучная часть собрания – гербарии и минералогический кабинет: «Довольно богатое собрание разных предметов из царства ископаемого, и особенно богат был мелкими отшлифованными камнями»³⁷.

Примечательно, что преосв. Афанасий задумывался о систематизации своих коллекций. Им была составлена хорошо известная в Костроме (и неиз-

³² Там же.

³³ Письмо М.Я. Диева... С. 28–29.

³⁴ Там же. С. 30.

³⁵ Еп. Никанор. Преосвященный Афанасий ... Август. С. 584.

³⁶ Там же.

³⁷ Палимпсестов И.У. Указ. соч. С. 273.

²⁹ Надеждин Н.И. Известие о жизни ... С. 665.

³⁰ Там же. С. 667.

³¹ Пр. Н.К. 31–й Астраханский ... С. 8.

вестная нам сегодня) опись – «Известный каталог, относительно которого шутили “Opera omnia”, “Arch. Athanasius”»³⁸. Что это мог быть за каталог? Книг, рукописей...? Известно, что им была предпринята попытка систематизации своей библиотеки. Установить это вряд ли удастся, однако известие о составлении каталога в 30-е гг. XIX в. в провинции заслуживает пристального внимания. Можно вспомнить, что первый печатный каталог частной коллекции (галереи А.С. Строганова) был опубликован в 1793 г., а описание «музеума» П.П. Свинына – в 1829 г. Своёобразие решил преосв. Афанасий вопрос систематизации части минералогической коллекции: «Из этих камней ему хотелось сделать покрывку на один круглый стол, чтобы с изяществом рисунка был соединен и научный элемент, известная система в расположении камней...»³⁹. Этот факт интересен как свидетельство начавшегося процесса систематизации коллекций, их изучения, приобретения ими общественно значимого статуса.

О подобном комплексном собрании древностей, хотя и не столь фундаментальном, можно говорить применительно к коллекции **архиеп. Афанасия (Протопопова)**. Занимаясь «историческими и археологическими изысканиями», он собрал множество разнородных материалов⁴⁰. По свидетельству его ученика, «любопытность и страсть к ученым занятиям расположили его собрать богатую библиотеку и минералогический кабинет с некоторыми физическими инструментами, а когда ... был ректором в Казани и Твери, собирал материалы для церковных древностей»⁴¹.

С интересом к отечественной истории (прежде всего, истории раскола), а затем и к этнографии, и к археологии, формировалась коллекция **архиеп. Иакова (Вечеркова)**. Начало его собирательской деятельности относится ко времени его служения в Екатеринославле в 1824–1831 гг., где «свободное от должности время он посвящал на ученые занятия, не оставляя без внимания ни одного памятника, сколько-нибудь важного для Истории и Археологии...» [Терсков, 1856, с. 17]. В его коллекции появляются рукописи, книги, разделы с русскими, восточными и западными монетами, гербарии. Кроме того, архиеп. Иаков «собирал памятники монгольского владычества, которых особенно много отыскивалось в развалинах Сараева... Собирал он также окаменелости, остатки древнейших геологических образований, кости исчезнувших животных, морские раковины»⁴². По его инициативе впервые были проведены археологические раскопки на месте золотоордынского города Увек (Укек) в Саратовской губернии, а обнаруженные там уникальные находки стали достоянием отечественной культуры.

³⁸ Еп. Никанор. Преосвященный Афанасий ... Июнь–июль. С. 326.

³⁹ Палимпсестов И.У. Указ. соч. С. 273.

⁴⁰ Протоиерей Сулоцкий А. Жизнеописание Афанасия ... Л. 6 об.

⁴¹ Там же. Л. 36 об.

⁴² Еп. Никанор. Преосвященный Афанасий ... Июнь–июль. С. 24.

Основные разделы коллекции архиеп. Иакова – археологический, минералогический, нумизматический, палеонтологический, рукописный и книжный – отражают характер его просветительской деятельности как служителя церкви, его личных научных увлечений.

Примером целенаправленного собирательства сакральных памятников стала коллекция **еп. Порфирия (Успенского)**. Она выходит за рамки модели комплексного собрания древностей и тяготеет к тематическому собирательству. В его коллекции выделялись собрания: этнографических предметов; церковно-славянских, русских, греческих, арабских и турецких рукописей (около 400); «фотографических снимков с произведений книжной живописи» (миниатюр), неких «картин на стекле» духовного и светского содержания; «древностей», в том числе предметов археологии; античных, восточных и русских монет и жетонов. Ему принадлежала обширная, около 7 тыс. томов, библиотека.

Епископ Порфирий не избежал, как и многие его современники, разнородных включений в свое достаточно цельное собрание. В его коллекции можно было увидеть «3 куса гранита от кессарийской колонны, фляжку из клешни морского рака, целую коллекцию камней, окаменелостей, кораллов и других произведений природы» [Петров, 1886а, с. 319]. Увлекался античностью (что характерно для многих его современников): античные монеты и камеи, «этресская росписная вазочка поддельная» [Петров, 1886, с. 170] наравне с христианскими древностями сосуществуют в его коллекции, образуя, как отмечали современники, «своего рода музей, довольно оригинальный...», свидетельствующий о самых широких и разнообразных научных тенденциях и деятельности пр. Порфирия...» [Петров, 1886б, с. 320].

Главной частью коллекции еп. Порфирия являлись иконы и христианские древности (образа, кресты, фрагменты мозаик), собрание «древних восточных икон» греческого, московского, византийского, грузинского, абиссинского письма VII – XVII вв. [Петров, 1886, с. 171]. Образцы «христианской древней иконописи и книжной живописи» собиратель приобретал как в подлинниках, так и в «снимках». Он отыскивал их, собирал, а затем изучал: им написаны исследования по истории и технике иконописи.

К середине XIX в., когда много внимания стали уделять соединению искусства с промышленностью, важным становится не только извлечение памятника из среды бытования и его изучение, но и получение практической пользы для «работ» иконных собраний художественных школ, формируемых как образцы для учеников школ, в том числе будущих иконописцев и художников. Для наиболее полного представления об изучаемом предмете еп. Порфирий собрал коллекцию иконописных красок с их греческими названиями: «Поэтому иконописная и живописная коллекции преосв. Порфирия возбуждали в любителях и знатоках христианской иконографии живейший интерес не только количеством экземпляров и их историко-археологическим или художественным значением, но

и предполагавшимся строго научным определением и описанием» [Петров, 1886а, с. 164].

Судьба таких комплексных коллекций, как и их влияние на культурную жизнь города, – особые. Поскольку большая часть коллекционеров являлись представителями местной интеллигенции, состоявшими членами различных научных обществ, то и судьба коллекций связана с научными обществами, музеями, учебными учреждениями, а в целом с расширением поля культуры в провинциальных городах. Значение коллекций, сформированных духовными лицами, определялось их просветительской и конфессиональной деятельностью. В местах своего служения представители духовенства оставляли после себя насыщенную культурную среду, жертвовали часть своих собраний.

Так, при отъезде из Костромы, а затем из Саратова преосв. Афанасий (Дроздов) оставил местным духовным заведениям книги и редкости. В Саратове им были оставлены также «бывшие увекские коллекции»⁴³. Библиотека, картины, атласы и «тому подобные сокровища» после его смерти были переданы по завещанию астраханским Иоанно-Предтеченскому монастырю и духовной семинарии. Книги из библиотеки – более 1000 томов – пожертвованы в Казанскую духовную академию. Современник упоминает о «тысячах фолиантов» в библиотеках Петербургской духовной академии, Саратовской и Астраханской семинариях, которые были переданы туда преосв. Афанасием.

Благодаря его нумизматической коллекции получил свое начало не только Минц-кабинет при Московской духовной академии, но и Церковно-археологический музей (до 1892 г. входил в состав академической библиотеки): в 1834 г. им было пожертвовано «105 русских монет, медалей и жетонов и 115 иностранных, в числе которых есть золотые и серебряные» [Смирнов, 1879, с. 308]. Часть библиотеки и нумизматического собрания поступила в музей Саратовской ученой архивной комиссии (см.: [Иконников, 1892]).

Архиеп. Иаковом (Вечерковым) в библиотеку Саратовской семинарии были пожертвованы различные «предметы, служившие к увеличению знаний учеников по разным отраслям наук. Все книги и другие учебные пособия... он непременно препровождал в семинарскую библиотеку», а также коллекции минералов, монет, гербариев, памятники монгольского владычества» [Палисадов, 1895, с. 319]. При его участии в семинарии создается музей, который впоследствии содействовал становлению церковно-исторических и краеведческих исследований в губернии. В Нижегородскую семинарию им переданы нумизматическая и минералогическая коллекции, положившие начало соответствующим Кабинетам. Некоторые древние ру-

кописи были отосланы в Санкт-Петербургскую археологическую комиссию. Также преосв. Иаков являлся «одним из первых обогатителей учрежденного при РГО этнографического музея»⁴⁴.

Поступившие в собрания учебных заведений и научных обществ предметы из частных коллекций постепенно «социализировались», оказывая непосредственное влияние на студентов, преподавателей, местную интеллигенцию, на провинциальное общество, которое впоследствии стало играть существенную роль в деле охраны и изучения историко-культурного наследия страны. Предметы из коллекций становились доступными для обозрения; опосредованно они были знакомы интересующейся аудитории через научные исследования, опубликованные в местной печати и в изданиях научных обществ. Несомненно, что существование в провинции такого культурного феномена, как частная или музейная коллекция, инициировало собирательскую деятельность, а в целом оказывало воздействие на формирование общественного сознания. Работа эта «скрытая, подспудная» (А.И. Герцен), поэтому и прямые указания на ее результаты немногочисленны, в отличие, например, от непосредственного воздействия других форм просветительской деятельности (образования, книгопечатания и пр.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа репрезентативного корпуса исторических источников можно выявить основные характеристики коллективной биографии лиц духовного звания первой половины XIX в.

Видные представители духовенства активно включились в работу по освоению исторического наследия. Стесненность в денежных средствах не позволяла им в полной мере реализовывать свои увлечения, что накладывало отпечаток как на сам процесс коллекционирования, так и на состав собраний. Не случайно в 1820-е гг. П.П. Свинын называл коллекционирование «предприятием весьма трудным, требующим не только денег, но необыкновенных способов, глубокого изучения, однако, удобоисполнительное»⁴⁵. В связи с этим, несмотря на традиционный консерватизм и скромные финансовые возможности, состав коллекционеров духовного звания включал представителей как приходского духовенства, так и епископата – людей образованных, увлеченных историей, словесностью, археологией. Многие из них были связаны с научными обществами, местными статистическими комитетами. Ученик архиеп. Афанасия (Протопопова) в Ярославской семинарии вспоминал: «Он не был из тех людей, которые свое образование вершат школьным учением, жаждая новых и обширнейших познаний»⁴⁶. Эта характеристика может быть применена ко всем коллекционерам духовного звания: именно личное стремление к познанию и «изысканиям» выделяет их из до-

⁴³ Протокол III общего собрания членов Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете 4 сентября 1878 г. // Известия и ученые записки Имп. Казан. ун-та. Казань, 1879. Т. 15. Январь–февраль. С. 90–93.

⁴⁴ Надеждин Н.И. Известие о жизни ... С. 667.

⁴⁵ Свинын П.П. С. 316.

⁴⁶ Протоиерей Сулоцкий А. Жизнеописание Афанасия ... Л. 3.

статочно рутинной среды провинциального города первой половины XIX в.

Состав таких комплексных коллекций отражает увлеченность идеями Просвещения. Стремление к универсальному знанию, характерное для деятелей отечественной культуры этого периода, способствовало тому, что все частные коллекции имели схожий состав, включая археологические, нумизматические, рукописные, книжные, естественнонаучные, художественные разделы. Их набор и соотношение зависели от личности собирателя, его научных и профессиональных интересов, эстетических запросов, но в целом повторяли характерную структуру.

Цель формирования таких коллекций – удовлетворение познавательных запросов собирателя и зачастую – просветительская деятельность на основе полученных знаний. Часто они связаны с профессиональной деятельностью владельца. Практически все владельцы комплексных коллекций занимались на их основе научными изысканиями, публиковали полученные результаты, а представители духовенства оставляли в местах своего служения часть собственных собраний для учебных и просветительских целей.

Созданные на волне национального подъема и идей Просвещения такие коллекции встраивались в историко-культурный текст эпохи, преодолевая элитарность предыдущего периода. Роль духовенства в этом процессе представляется весьма значительной. В первой половине XIX в. представители духовенства встали в один ряд с просвещенными и деятельными людьми из других городских сословий, способствуя зарождению краеведения, созданию церковно-археологических музеев и формированию ценностных ориентиров в деле сохранения культурно-исторического наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1896. Т. 10. 583 с.
- Дворянов В.А. Роль культуры провинциального духовенства в формировании интеллигенции в пореформенной России // Российская провинция XVIII – XX вв.: Реалии культурной жизни: тез. докл. III Всерос. науч. конф. Пенза, 1995. С. 76–82.
- Дмитриевский А. Поминки преосв. Порфирия Успенского и профессора Московской духовной академии И.Д. Мансветова // Труды Киевской духовной академии. 1886. № 3. С. 331–391.
- Иконников В.С. Опыт русской историографии: в 2 т. Киев, 1892. Т. 1, вып. 2. 976 с.
- Логвинская Э.Я. Интерьер в русской живописи первой половины XIX века. М., 1978. 119 с.
- Палисадов Гр. Высокопреосвященный Иаков, архиепископ Нижегородский и Арзамасский // Странник. 1895. № 12. С. 301–356.
- Петров Н.И. Коллекция древних восточных икон и образчиков древней книжной живописи, завещанных пр. Порфирием (Успенским) Церковно-Археологическому обществу при Киевской духовной академии // Труды Киевской духовной академии. 1886а. № 9. С. 163–177.
- Петров Н.И. Коллекция древних восточных икон и образчиков древней книжной живописи, завещанных пр. Порфирием (Успенским) Церковно-Археологическому обществу при Киевской духов-

ной академии // Труды Киевской духовной академии. 1886б. № 10. С. 294–320.

Петровская И.Ф. Биографика: введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб., 2003. 490 с.

Смирнов С. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879. 632 с.

Терсков В.А. Жизнь преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского. СПб., 1856. 96 с.

Титов А.А. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву. 1830 – 1857 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1887. Кн. 1, ч. 1. С. 5–116.

Чувилова И.В. Формирование художественных коллекций в провинции в первой половине XIX века: Центральный и Поволжский районы: дис. ... канд. ист. наук / Рос. ин-т культурологии. М., 1999. 301 с.

REFERENCES

- Barsukov N.P. (1896). The life and works of M.P. Pogodin. Bk. 10. Saint Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, XV, 583 p. (In Russ.)
- Chuvilova I.V. (1999). Formation of art collections in the province in the first half of the 19th century: Central and Volga regions: Cand. hist. sci. diss. Moscow, 301 p. (In Russ.)
- Dvoryanov V.A. (1995). The role of the culture of provincial clergy in the formation of intelligentsia in post-reform Russia. *Rossiyskaya provintsiya XVIII–XX vv.: realii kul'turnoy zhizni: tez. dokl. III Vseros. nauch. konf.* (Penza, 26–28 iyunya 1995 g.). Penza, p. 76–82. (In Russ.)
- Dmitrievsky A. (1886). Funeral service for the Right Reverend Porfiry Uspensky and Professor of the Moscow Theological Academy Ivan Danilovich Mansvetov. *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii*, no. 3, pp. 331–391. (In Russ.)
- Ikonnikov V.S. (1892). The experience of Russian historiography. In 2 vols. Vol. 1, bk. 2. Kiev, Tip. Imperator. un-ta sv. Vladimira, [1016] p. pag. var. (In Russ.)
- Logvinskaya E.Ya. (1978). Interior in Russian painting of the first half of the 19th century. Moscow, Iskustvo, 119 p. (In Russ.)
- Palisadov Gr. (1895). His Eminence Jacob, Archbishop of Nizhny Novgorod and Arzamas. *Strannik: dukhov. ucheno-lit. zhurn*, no. 12, pp. 301–356. (In Russ.)
- Petrov N.I. (1886). Collection of ancient Oriental icons and samples of ancient book paintings bequeathed by His Grace Porfiry (Uspensky) to the Church-Archaeological Society at the Kyiv Theological Academy. *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii*, no. 9, pp. 163–177. (In Russ.)
- Petrov N.I. (1886). Collection of ancient Oriental icons and samples of ancient book paintings bequeathed by His Grace Porfiry (Uspensky) to the Church-Archaeological Society at the Kiev Theological Academy. *Trudy Kievskoy dukhovnoy akademii*, no. 10, pp. 294–320. (In Russ.)
- Petrovskaya I.F. (2003). Biographica: an introduction to science and a review of the sources of biographical information about Russian figures of 1801–1917. Saint Petersburg, Logos 489 p. (In Russ.)
- Smirnov S. (1879). History of the Moscow Theological Academy before its transformation (1814–1870). Moscow, Univ. tip., 632, XIX p. (In Russ.)
- Makariy (Mirolyubov N.K.; archbishop). (1856). The life of His Grace Jacob, Archbishop of Nizhny Novgorod and Arzamas. Saint Petersburg, V.A. Terskov, 96 p. (In Russ.)
- Titov A.A. (1887). Biographical essay of Archpriest Mikhail Diev, supplemented by his letters to Ivan Mikhailovich Snegirev. 1830–1857. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete*. Moscow, bk. 1, pp. 3–116. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.10.2023

Дата рецензирования 15.11.2023

Статья принята к публикации 29.01.2024

DOI: 10.15372/HSS20240111
УДК 94:342.5 (571.1)"1850/1899"
EDN: VSWGHNQ

Е.И. МИХАЙЛЕНКО

**ИНСТИТУТ ЧИНОВНИКОВ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
КАК ИНСТРУМЕНТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ
В ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ И СТЕПНОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВАХ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.***

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
РФ, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55

В статье на основе формулярных списков и личных дел чиновников особых поручений при генерал-губернаторах и губернаторах Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств охарактеризованы направления деятельности этих чиновников, их влияние на административную политику на окраинных территориях. С применением системного подхода рассматриваются положение чиновников особых поручений в составе управленческой элиты региона, их полномочия и их карьерные траектории. Впервые вводятся в научный оборот многие архивные документы, анализируются персональные биографии чиновников. Влияние чиновников особых поручений на управленческие решения властей освещается с позиций концепций о «реальной административной элите», «колониционных экспертах», «целевой администрации» и «инструментальной» функции экспертного знания.

Ключевые слова: чиновники особых поручений, Западно-Сибирское генерал-губернаторство, Степное генерал-губернаторство, Российская империя, окраины Российской империи.

E.I. MIKHAILENKO

**OFFICIALS OF SPECIAL ASSIGNMENTS
AS AN INSTRUMENT OF ADMINISTRATIVE POLICY
IN THE WEST SIBERIAN AND STEPPE GOVERNORSHIPS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky,
55a, str. Mira, 644077, Russian Federation

The article is an analysis of the position and influence of officials of special assignments under the governors-general and governors of the West Siberian and Steppe Governor-Generals in the administrative elite of the region. The research is based on the form lists and personal files of officials stored in the Historical Archive of the Omsk region, the Russian State Historical Archive and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, data from which are published for the first time. The degree of influence of officials of special assignments on management decisions is analyzed using the concepts of “real administrative elite”, “colonization experts”, “target administration” and the “instrumental” function of expert knowledge. Special attention is paid to characterizing the expert role of officials of special assignments, the presence of “uniformed scientists” among them and the influence of the composition and nature of assignments from the Governor-General or the governor on the development of competence in the management of the marginal territory. The article highlights three main areas of activity of officials of special assignments: “expert”, “steppe” and “civil”. In each area, options for executed orders are presented, as well as competence in these issues and the result achieved by them are analyzed. Based on the analysis of

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Управленческая элита Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств: механизмы и практики построения общественно-государственного диалога (конец XIX – начало XX вв.)», проект № 20-39-90024.

Елизавета Ивановна Михайленко – преподаватель кафедры отечественной истории, политологии и социологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, e-mail: elizaveta-mihailenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0295-1139>.

Elizaveta Iv. Mikhailenko – Lecturer, Department of National History, Political Science and Sociology, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky.

career trajectories and biographies, it is concluded that, in comparison with other officials, the “human dimension” is of increased importance - the level of knowledge, competencies, education, personal qualities and relations with the Governor-General or the governor for officials of special assignments. The functions of the special assignments officials were extensive and combined different spheres in their service. The officials of special assignments were trusted representatives of the top officials of the region and made up the “management team”. Given the remoteness of the region and vastness of the territory, the activities of special assignments officials played a key role in managing the region and making managerial decisions.

Key words: official of special assignments, West Siberian Governor-General, Steppe Governor-General, Russian Empire in the second half of the XIX century, outskirts of the Russian Empire.

ВВЕДЕНИЕ

Генерал-губернаторы и губернаторы, являясь высшими должностными лицами административно-территориальных образований и обладая большим объемом полномочий, далеко не всегда могли лично разбираться в каждом деле, происходящем на подвластных им территориях ввиду их обширности. Весь аппарат канцелярии генерал-губернаторов и губернаторов влиял на трактовку той или иной проблемы, представляя им доклады и отчеты. От того, насколько глубоко и добросовестно чиновники канцелярии вникали в возникавшие проблемы и какие варианты их решения предлагали руководству, нередко зависели и управленческие решения.

Особое место среди служащих канцелярии занимали чиновники особых поручений. В отличие от других чинов, их обязанности и функции не упоминаются ни в Сибирском учреждении, ни в Положении об управлении Степными областями. Отдельных законодательных актов, регулирующих их деятельность, не так много. Одним из таковых является «Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О чиновниках особых поручений в разных ведомствах» (1835). Основной целью данного нормативного акта является решение вопроса о продвижении в чинах данной категории служащих. Здесь же дано и общее определение круга их обязанностей – «для исполнения особенных поручений, выходящих из круга действия обыкновенных штатных чиновников, но при всем том столь же важных, а иногда и важнейших»¹.

Этой проблеме посвящено не много работ [Матханова, Андриянова, 2018; Оспанова, 2020]. Влияние данной категории служащих на управленческие решения на окраинных территориях недостаточно изучено. Причем персональные биографии чиновников особых поручений уже становились отдельным предметом интереса исследователей, особенно наиболее яркие персональные истории [Филимонов, 2016].

Государственный совет в 1835 г. определил несколько направлений деятельности чиновников особых поручений: дела, требующие особой тайны, отправка по высочайшим повелениям или по усмотрению начальника в отдаленные места, производство следствий, проверки распоряжений «в необыкновенно затруднительных случаях»². Однако сама формулировка «особых поручений», выдаваемых лично начальником, и использование данных чиновников «по

своему усмотрению», создает довольно расплывчатое понимание их функционала. Источником для решения данного вопроса могут служить формулярные списки чиновников, касающиеся описания исполняемых поручений, заносившихся в дело. Например, А.А. Оспанова, рассматривая деятельность чиновников особых поручений на материалах Оренбургского генерал-губернаторства, выделяет три основных направления их деятельности: реализация колониальной политики в Средней Азии, «гражданское направление» – руководство и надзор за всеми подведомственными учреждениями в регионе, «секретное направление» – охрана общественного порядка и надзор за неблагонадежными лицами, а также «назначение на различные значимые должности в губернии, не оставляя своих обязанностей по канцелярии» [Оспанова, 2020, с. 98–99]. Д.В. Андриянова на основе материалов губерний Западной Сибири в конце XIX – начала XX в. отмечает, что предметом служебного интереса чиновников особых поручений при губернаторах была переписка, требующая «особой тайны и личного распоряжения губернатора», а также составление маршрута и сопровождение губернатора во время обзорных поездок по территории губернии, самостоятельные ревизии делопроизводства. Часто формулировка поручения от губернатора ограничивалась лишь фразой «отправлен в уезд для моих поручений», а суть дел при этом не прояснена [Андриянова, 2018, с. 22]. Н.П. Матханова, изучая материалы по Восточной Сибири, пришла к выводу, что большая часть особых поручений заключалась в «расследовании как важных и сложных, так и вполне обычных дел» [Матханова, 2022, с. 16].

Определение института чиновников особых поручений как специфического инструмента управленческой политики объясняется не только их широкими полномочиями, но и положением в управленческой элите региона. Учитывая реальные властные полномочия, предоставляемые данной должностной категорией, на основе этакратического типа стратификации Н.П. Матханова включает категорию чиновников особых поручений, адъютантов и офицеров для поручений при генерал-губернаторе в круг «реальной административной элиты», что объясняется их «близостью к главному местному начальнику» [Матханова, 2002, с. 33–34] и «возможностью влиять на его решения» [Матханова, 1998, с. 72]. Само получение данной должности было возможно только при наличии полного доверия к кандидату, «которое чиновники получали вследствие результативности выполнения предыдущих заданий» [Андриянова, 2018, с. 21]. Доверие к чиновникам особых поручений формиро-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. X. Отд. 2. № 8595.

² Там же.

валось и через рекомендации генерал-губернатору от высших сановников.

**ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОЖЕНИЯ
ЧИНОВНИКА ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
В АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ
УПРАВЛЕНИЯ КРАЕМ**

На основании имеющихся формулярных списков чиновников особых поручений при генерал-губернаторах Западной Сибири и Степного края, а также губернаторов областей и губерний, входящих в состав данных административно-территориальных образований, попытаемся выявить основные направления деятельности этих чиновников, а также определить степень их влияния на принятие управленческих решений.

В канцелярии Западно-Сибирского генерал-губернатора, по штатам 1856 г., полагалось восемь чиновников особых поручений (из них двое – без содержания), при губернаторах – от одного до трех чиновников, в зависимости от губернии. В канцелярии Степного генерал-губернатора, по представлению 1883 г., было всего три чиновника особых поручений, по одному на область, и чиновник для переписки по китайским делам³. Такое количество чиновников особых поручений по временным штатам было спроектировано Г.А. Колпаковским, но уже в конце 1883 г. в письме генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину он признается, что «преследовал цель заменить количество служащих их нравственными интеллектуальными качествами»⁴. Осознавая необходимость дополнительных штатных единиц, генерал-губернатор просит ввести еще 3 ставки чиновников особых поручений: по горной, строительной и дорожной и переселенческой части⁵. Вообще, в канцелярии Степного генерал-губернатора, согласно данным адрес-календарей, в отличие от Западно-Сибирского, присутствует распределение обязанностей чиновников особых поручений уже «по должности». С 1897 г. среди старших чиновников особых поручений были: по дорожной и строительной части, для командировок и для переписки по китайским делам; среди младших чиновников – старший переводчик, а с 1904 г. – чиновник по гидротехнической части. В Западно-Сибирском генерал-губернаторстве чиновников особых поручений разделял только статус должности: старшие и младшие чиновники.

Чиновники особых поручений губернского и областного уровня в период существования Западно-Сибирского генерал-губернаторства не разделяются по статусам на «младших» и «старших» и не имеют никакой специализации. В Степном генерал-губернаторстве в каждой области появляются старшие и младшие чиновники особых поручений, общее их число остается также небольшим – от одного до трех человек в зависимости от области. Единственная специализация,

которую удалось обнаружить – в Семиреченской области, где с 1885 по 1892 г. старший чиновник особых поручений при военном губернаторе являлся одновременно и заведующим канцелярией по кулджинским делам. Это был Н.Н. Пантусов, который с 1872 г. занимался исследованием Туркестанского края и в свободное от государственной службы время научными изысканиями [Байгабатова, 2021].

Штатное расписание и наименование должностей дает первоначальный вариант круга служебных обязанностей чиновников особых поручений. На основании вышеизложенного можно выделить специфические сферы управления, в которых генерал-губернатору нужен был узкопрофильный специалист: по дорожной и строительной части, гидротехническим сооружениям, переселенческому делу и ведению диалога с иностранными государствами на приграничных территориях (переписка по китайским делам) и местным обществом (переводчики с киргизского). Указанные должности требовали высокого уровня образования и специальных знаний, а служившие на таких должностях зачастую являлись не только чиновниками, но и учителями, учеными, просветителями. Например, чиновник особых поручений по дорожной и строительной части при Степном генерал-губернаторе И.Г. Хворинов имел обширный опыт работы архитектором – строил здания Нижегородской ярмарки⁶. Являясь членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ЗСО ИРГО), он занимался подготовкой плана здания и сметы для музея общества, а затем – здания Омского драмтеатра и дома Шаниной на Любинском проспекте [Лебедева, 1996, с. 68–69]. После окончания службы в канцелярии Степного генерал-губернатора Хворинов продолжал работать городским архитектором и являлся автором проектов многих значимых для г. Омска достопримечательностей.

**ЭКСПЕРТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧИНОВНИКОВ:
«МУНДИРНЫЕ УЧЕНЫЕ» И ЭКСПЕРТЫ**

Исследование территории края можно рассматривать как одно из важнейших направлений деятельности чиновников особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири Н.Г. Казнакове. Старший чиновник по особым поручениям при Главном управлении Западной Сибири (далее – ГУЗС) Н.Н. Балкашин был членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1879 г. по итогам поездки с генерал-губернатором на север края он наметил новые возможные торговые пути на севере Сибири – напрямую по Оби до Обдорска⁷. Об этом докладывал в своем отчете императору

³ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 2738. Л. 117.

⁴ Там же. Д. 167. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 2738. Л. 58.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 2. Д. 935. Л. 110–114.

⁷ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 10. Д. 17051. Л. 1–612, см. также: Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Омск: Тип. Окружного штаба. 1879. Кн. 1. С. 3.

и генерал-губернатор Н.Г. Казнаков, отмечая, что «экономическое развитие Западной Сибири поставляется в зависимость от благоустройства путей»⁸. Тем самым исследовательская деятельность Балкашина способствовала обоснованию управленческих решений в области экономического развития и путей сообщения. С 1878 г. временно исполняющим должность чиновника по особым поручениям при ГУЗС, по приглашению генерал-губернатора Н.Г. Казнакова, служит Николай Михайлович Ядринцев – известный писатель, ученый и общественный деятель⁹ [Шиловский, 2012, с. 105]. Ядринцев не был «рядовым чиновником», генерал-губернатор поручал ему экспедиции в отдаленные части края для сбора сведений. Так, например, в 1878–1880 гг. Ядринцев осуществил две экспедиции в Алтайский горный округ, а в 1880 г. он собирал сведения о быте инородцев Томской губернии и об особенностях их общественного управления¹⁰. Н.Г. Казнаков привлекал Н.М. Ядринцева и как талантливого журналиста для создания в центральной и местной прессе «привлекательного имиджа региона и обоснования необходимости проведения в нем реформ» [Шиловский, 2012, с. 106], а также при его помощи подготовил проект ограничения ссылки и упорядочения управления [Ремнев, 1997, с. 48].

Чиновники, проводившие исследования «по запросу государства», работали и на губернском уровне управления. Приказом военного губернатора Семипалатинской области к исправлению должности младшего чиновника особых поручений был допущен Е.П. Михаэлис. Согласно его формулярному списку, в 1871 г. он был командирован к озеру Зайсан для осмотра окрестностей с целью разведки каменного угля и известняка. В июле 1870 и 1880 гг. командировали для исследования течения Иртыша в пределах Семипалатинской области¹¹. При этом он занимался и обычными для чиновников делами – расследованием, надзором, выполнением обязанностей отсутствующих чиновников. В формулярном списке также отмечено, что с 1875 г. Е.П. Михаэлис составлял проекты всеподданнейших отчетов о состоянии области и приложений к ним, что указывает на высокий статус чиновника особых поручений как представителя губернской канцелярии. Находясь на государственной службе, он занимался также геологическими и археологическими исследованиями, этнографией казахского народа [Игумнов, 2018, с. 243].

Кроме научно-исследовательской деятельности, Н.М. Ядринцева и Е.П. Михаэлиса объединяет и то, что до поступления на государственную службу, они были осуждены по политическим делам: Н.М. Ядринцев – по делу об областниках, а Е.П. Михаэлис – о студенческих волнениях 1861 г. в г. Санкт-Петербурге.

Поступление на государственную службу людей с блестящим образованием и талантом, но не вполне «политически благонадежных», на наш взгляд, также является специфической чертой чиновников особых поручений – исполнять эту должность по причине «личного доверия» со стороны генерал-губернатора или губернатора.

Важное значение в экспертном направлении деятельности чиновников особых поручений имело также их участие в комиссиях при центральных ведомствах и генерал-губернаторе. Чиновник особых поручений при Степном генерал-губернаторе (с 1893 по 1900 г.) Г.В. Абаза участвовал в июле 1894 г. в качестве члена-докладчика в Комиссии по пересмотру некоторых отделов законодательства о крестьянах применительно к Акмолинской области (впоследствии по личному распоряжению Степного генерал-губернатора)¹². В этой же комиссии работал и другой чиновник особых поручений – Д. Розалион-Сошальский¹³. Он занимался в основном вопросами поземельного устройства крестьян, являлся членом Комиссии для выработки инструкции агроному Степного края. Кроме того, Д. Розалион-Сошальский в 1891–1892 гг. принимал участие в работе комиссии по вопросам колонизации «киргизской степи» и устройству переселенцев, преобразования «киргизско-сельскохозяйственных школ». Эксперт в вопросе приграничных отношений с китайцами, чиновник особых поручений при Степном генерал-губернаторе (для переписки по китайским делам), надворный советник А.П. Плахов в мае 1895 г. участвовал в работе «комиссии по обсуждению вопросов об охране нашей государственной границы от заноса из Китая чумной эпизоотии», а в феврале 1902 г. был членом комиссии для пересмотра инструкций пограничным отрядам Семипалатинской области, учрежденной приказом по войскам Сибирского военного округа¹⁴. Участие чиновников особых поручений в комиссиях по выработке нормативно-правовых актов или в разрешении проблемных ситуаций подтверждает экспертное направление их деятельности и участие в принятии управленческих решений.

ЧИНОВНИКИ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ – КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ЭКСПЕРТЫ В СТЕПИ

Как и в Оренбургском генерал-губернаторстве, в Западной Сибири и Степном крае можно выделить особое – «степное» – направление деятельности чиновников особых поручений. Поездки в степь чиновников при Оренбургском генерал-губернаторе, согласно инструкциям, подразумевали два вида задач: «практические, связанные с решением конкретных проблем и теоретические, касающиеся оценки условий жизни киргиз» [Оспанова, 2020, с. 95]. Согласно материалам исследуемой нами территории, поручения в отношении казахов и колонизационной деятель-

⁸ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1880–1881 г., с. 14.

⁹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 13681. Л. 5.

¹⁰ Там же. Оп. 10. Д. 17022. Л. 4.

¹¹ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 2. Д. 1. Л. 62–77.

¹² РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 341. Л. 1–37.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 3830. Л. 43–54.

¹⁴ Там же. Д. 3476. Л. 17–32.

ности правительства в степных областях в целом совпадали. Задачи теоретические по изучению условий жизни и способов колонизации территории отражены в экспертном направлении деятельности чиновников особых поручений. Задачи практические зачастую выражались в разборе жалоб, расследовании преступлений и решении поземельных споров казахов. Немалый интерес в данном контексте представляет служба султана Иш-Мухамед Сюк-Оглы Аблайханова в канцелярии степного генерал-губернатора. За время службы он неоднократно направлялся в командировки на съезды выборных для разрешения земельных споров между казахами Акмолинского и Атбасарского уездов [История Казахстана..., 2006, с. 494–499]. Кроме того, Аблайханов являлся переводчиком особого приложения к «Акмолинским областным ведомостям». Учитывая, что Г.А. Колпаковский, создавая эту газету, ставил целью усиление коммуникаций с казахским населением, данную деятельность чиновника особых поручений также можно считать элементом «степного» или «колонизационного» направления¹⁵.

Одним из главных направлений степной, или колонизационной, деятельности чиновников особых поручений было решение земельных вопросов. Такого рода вопросы возникали в связи с колонизационными процессами, созданием оседлых поселений и появлением переселенцев – категории населения, выпадающей из традиционных структур кочевого сообщества. При этом и центральное правительство, и администрация края рассматривали вопросы организации переселения как важную часть политики в отношении степи. В начале 1890-х гг. ситуация оставалась неразрешенной в правовой плоскости, и генерал-губернаторы направляли для решения частных вопросов чиновников особых поручений. Поручения от генерал-губернаторов, зафиксированные в формулярных списках чиновников, позволяют судить об основных направлениях их деятельности в степи: разбирательство земельных споров между казаками, между «разными лицами и киргизскими волостями», сбор и анализ данных по жалобам казахов, участие в съездах и предоставление заключений по решениям чрезвычайных съездов. Коллежскому секретарю Д. Розалион-Сошальскому в 1892 г. вместе с подобными заданиями было поручено расследовать ряд дел по жалобам казахов, а также «дать заключение по представлению Акмолинского губернатора об образовании оседлых поселений по берегам р. Ишим»¹⁶. Основной целью командировки чиновника по особым поручениям был осмотр и определение участков земель, пригодных для оседлых поселений. Впоследствии Д. Розалион-Сошальский участвовал в комиссиях по разработке инструкции для агронома Степного края, по рассмотрению законодательства о крестьянах применительно к Акмолинской области.

Определить статус участия чиновников особых поручений в съездах по решению поземельных споров не всегда представляется возможным. Например, титулярный советник Г.В. Абаза направлялся в качестве председательствующего на съездах¹⁷. В положениях об управлении Степными областями были определены нормы правового регулирования съездов, решающих имущественные споры и судебные вопросы: на таких съездах «специально назначенный чиновник» не имел права вмешиваться в споры казахов, а других норм правового регулирования съездов о поземельных спорах не было. Отчеты чиновников особых поручений, фиксирующих результаты чрезвычайных съездов, дают возможность предположить, что чиновник все же не только присутствовал, но и как представитель власти выступал гарантом переговоров между казаками.

Споры о принадлежности земель между казаками происходили постоянно. С включением территорий в состав Российской империи и распространением российского законодательства администрация стала принимать постоянное участие в их разрешении, в том числе с целью обезопасить и подготовить территории для переселения крестьян из Европейской России на степные территории. Эти мероприятия стали одним из ключевых направлений административной деятельности генерал-губернаторов Степного края, особенно Г.А. Колпаковского.

**ДОЛЖНОСТЬ ЧИНОВНИКА
ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ КАК ИНСТРУМЕНТ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ:
ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО ГУБЕРНАТОРА
И «КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ»**

Важным направлением деятельности чиновников особых поручений во второй половине XIX в. остается «гражданское», к которому можно отнести расследование и дознание секретных и необычных дел. Причем в формулярных списках некоторых чиновников можно обнаружить, что эти обязанности были основным видом их деятельности. Особенно это характерно для чиновников при губернаторах и губернских управлениях. Например, чиновник особых поручений Тобольского общего губернского управления, титулярный советник Н.А. Попов производил секретные расследования об обольщении и растлении крестьянской дочери, о попытках скрыть уголовные преступления (убийство, разбой, выкинутый младенец, ограбления), о безвинном наказании розгами волостным чиновником, об убийствах среди поселенцев и неправомерных действиях полицейских чинов¹⁸. Например, по поручению генерал-губернатора Западной Сибири – статский советник А.И. Орлов (с 1875 г. – старший чиновник по особым поручениям) проводил секретные дознания и расследования по особо важным делам¹⁹. Статский советник П. Фризель в декабре 1874 г. был назначен

¹⁵ Акмолинские областные ведомости. 1888. № 2. С. 1. Особое приращение.

¹⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Д. 3830. Л. 43–54.

¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 341. Л. 1–37.

¹⁸ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15871. Л. 74–111.

¹⁹ Там же. Оп. 10. Д. 17051. Л. 40–55.

председателем Следственной комиссии, учрежденной в г. Томске для расследования дела о краже из кладовой Томского отделения Государственного банка денежных сумм, совершенной посредством подкупа²⁰. Следствие было успешным, и большая часть похищенных денег и ценных бумаг была найдена.

А.А. Оспанова, изучая расследования чиновников особых поручений на материалах Оренбургского генерал-губернаторства, отмечает, что при расследовании дел в качестве следователей чиновники наделялись огромными полномочиями, но ставит под вопрос их компетентность в данной сфере [Оспанова, 2020, с. 97]. Компетентность в расследовании дел могла определяться или соответствующим образованием, или релевантным в этом отношении опытом службы. Старший чиновник по особым поручениям ГУЗС статский советник А.И. Орлов закончил юридический факультет Императорского Казанского университета со степенью кандидата, а чиновник особых поручений Тобольского общего губернского управления титулярный советник Н.А. Попов не имел соответствующего образования, но более десяти лет выполнял поручения по расследованию дел в Тобольской губернии. Статский советник П. Фризель до службы чиновником особых поручений несколько лет являлся председателем Томского губернского правления, и приобретенный опыт помог ему в раскрытии преступлений. Поскольку информация о расследованиях носит фрагментарный характер, вряд ли мы можем оценить в полной мере компетентность и эффективность деятельности чиновников. Однако чиновники особых поручений в силу их управленческого статуса должны были быть теми, кого губернатор или генерал-губернатор направлял для «наведения порядка», «усмирения недовольных», «разбора жалоб»; вряд ли такие поручения можно было доверить некомпетентному человеку. В данном случае привлечение к расследованиям чиновников особых поручений свидетельствует о низкой эффективности/компетентности местных полицейских чинов и необходимости вмешательства «извне» для наведения порядка.

Одним из направлений деятельности чиновников особых поручений при генерал-губернаторах Западной Сибири и Степного края было временное замещение других вакантных должностей. «Исправление должности» предполагалось в случаях: отсутствия лица, ее занимающего; испытания способностей в качестве испытательного срока; до указа о назначении. Это могло быть замещение на время отпуска/поиска нового сотрудника, а иногда из-за отсутствия специалиста в данной области. Как выяснилось из формулярных списков чиновников особых поручений, корпус этих чиновников был своеобразным кадровым резервом в распоряжении генерал-губернатора. Вместе с тем, временное исполнение должностей обеспечивало карьерный рост для чиновника особых поручений, и многие успешные

карьеры в Западной Сибири и Степном крае начинались именно с этой должности.

Интересным примером карьерного роста благодаря временному исправлению должности является служба Г.В. Абазы²¹. С 1895 по 1901 г. он регулярно исполнял должность вице-губернатора Акмолинской области в течение нескольких недель до 9 месяцев, а всего за шесть лет он находился в этой должности почти 3 года. Причина столь продолжительного замещения – болезни и возраст вице-губернаторов. В 1898–1900 гг. вице-губернатором был действительный статский советник В.М. Ергольский, переехавший из Пермской губернии и скончавшийся на своем рабочем месте в возрасте 60 лет²². 30 апреля 1901 г. после продолжительного «временного» исполнения служебных обязанностей в должности вице-губернатора Акмолинской области 37-летний перспективный чиновник особых поручений, статский советник в звании камер-юнкера, получивший многочисленные благодарности генерал-губернатора, Г.В. Абаза был назначен на эту должность [Губернии Российской империи..., 2003, с. 346]. Кроме В.М. Ергольского, Абаза также заменял на посту вице-губернатора в 1895–1898 гг. А.И. Дмитриева-Мамонова. Последний завершил свою карьеру в должности вице-губернатора в звании действительного статского советника, но начинал он свою службу в Западной Сибири в 1876 г. в возрасте 27 лет на должности старшего чиновника особых поручений при генерал-губернаторе²³. Через несколько месяцев после назначения Дмитрием-Мамонов «был прикомандирован к временному исправлению должности» председателя Томского губернского правления. В 1878–1881 гг. он неоднократно управлял губернией в связи с отсутствием или болезнью губернатора. 14 июля 1883 г. А.И. Дмитриев-Мамонов был утвержден в должности председателя губернского правления, а спустя два года вступил в должность вице-губернатора Акмолинской области.

ВЫВОДЫ

Институт чиновников особых поручений Н.П. Матхановой предлагается рассматривать в контексте идеи о «целевой администрации», высказанной современным французским политологом Р. Драго [Матханова, 2002, с. 125]. Данным термином обозначаются «специальные административные органы, используемые для выполнения разовых поручений или создаваемые в порядке эксперимента». Отмечается, что преимуществами такой категории профессионалов являются легкость на подъем, работа на совесть, гибкость и инициативность.

Участие чиновников особых поручений в различного рода комиссиях, связанных с организацией переселенческого дела, решение вопросов и выработка технологий организации переселения крестьян позволяют

²¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. Д. 341. Л. 1–37.

²² Там же. Ф. 1284. Оп. 46. Д. 117. Л. 1–3.

²³ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 2. Д. 210. Л. 23–44.

²⁰ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 14375. Л. 4–21.

относности некоторых чиновников к категории «колониционных экспертов». Данную категорию Н.Г. Суворова и А.В. Филимонов определяют как лиц, влияющих на «формирование у правительства и общества представления о переселении как инструменте политического конструирования государства» [Суворова, Филимонов, 2016, с. 6]. Особенности службы, довольно высокий уровень образования и широкий круг компетенций, доступных чиновникам особых поручений, особенно при генерал-губернаторах, позволяют считать их экспертами в определенных сферах государственного управления. Во многих случаях поручения, фиксируемые в их формулярных списках, диктовались необходимостью проведения экспертизы конкретным чиновником для принятия решения губернатором или генерал-губернатором. Взаимоотношения экспертов и власти некоторые исследователи называют «инструментальной» функцией экспертного знания, т.е. государство привлекало носителей знания «с целью подготовки более качественного ответа на сложные вызовы» [Сунгуров, 2020, с. 15].

Приглашение экспертов (академических исследователей, общественных деятелей, узких специалистов) на государственную службу и поручение им административных задач позволяло повысить качество решения вопросов государственного управления. Кроме того, именно среди чиновников особых поручений встречаются те, кто занимался в рамках служебных обязанностей или по государственному заданию научными исследованиями. Таких чиновников на основании классификации Д. Стоун можно определить как «in-house» researchers [Сунгуров, 2020, с. 22] – т.е. сотрудники органов власти, занимающиеся исследованиями. В отношении российских чиновников-экспертов используется понятие «мундирные ученые», при этом следует отметить довольно широкую представленность такой категории среди чиновников особых поручений. Они не только обеспечивали стабильность государственной власти на окраинах, но и изучали их особенности с целью разработки адекватных управленческих решений. Немаловажную роль в реализации данной функции играл и сам глава региона – генерал-губернатор, его уровень понимания необходимости изучения края.

Появившаяся впервые по штатам «Сибирского учреждения» должность чиновников особых поручений трансформировалась в течение XIX – начала XX вв. в соответствии с государственными задачами в Западной Сибири и Степном крае, что позволяло генерал-губернаторам и губернаторам более адресно решать возникавшие проблемы, повышая эффективность управляемости краем. Функционал чиновников особых поручений, по данным формулярных списков, был обширен и иногда сочетал совершенно разные направления в службе одного человека. Для назначения, исполнения обязанностей и продвижения по службе данных чиновников огромное значение (больше, чем у других категорий) имело «человеческое из-

мерение» – уровень знаний, компетенций, образования, личностные качества, отношения с губернатором или генерал-губернатором. Являясь их доверенными лицами, чиновники особых поручений были «управленческой командой» первых лиц края. В условиях отдаленности региона от столицы и обширности территории, отсутствия дворянского землевладения, низкого уровня компетентности местного чиновничества, большой доли аборигенного населения деятельность чиновников особых поручений – в решении секретных, ординарных и экстраординарных вопросов, проведении ревизий, организации постоянных командировок – при личном доверии генерал-губернатора или губернатора ключевым образом влияла на принятие тех или иных решений по управлению регионом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрянова Д.В. Чиновники особых поручений при западносибирских генерал-губернаторах: роль и функции в губернской администрации в 1895–1917 гг. // Манускрипт. 2018. № 12-1(98). С. 21–24.
- Байбабатов Н.К. Вклад Н.Н. Пантусова в изучение археологических памятников Семиречья // The Scientific Heritage. 2021. № 58-3(58). С. 15–18.
- Губернии Российской империи: История и руководители. 1708–1917 / М.: Объед. ред. МВД России, 2003. 479 с.
- Игумнов Е.В. Секретари Сибирских статистических комитетов - чиновники, ученые и общественные деятели // Власть. 2018. Т. 26. № 8. С. 239–246.
- История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. VIII. Ч. 2. 971 с.
- Лебедева Н.И. Илиодор Хворин – архитектор «Сибирского Лейпцига» // Вестн. Ом. ун-та. 1996. Вып. 2. С. 67–70.
- Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
- Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 250 с.
- Матханова Н.П. Чиновники особых поручений в системе управления Восточной Сибири XIX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2022. Т. 41. С. 14–21.
- Оспанова А.А. Деятельность чиновников особых поручений канцелярии оренбургского генерал-губернатора // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. М.: Изд-во: «ОнтоПринт», 2020. С. 92–99.
- Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1997. 253 с.
- Суворова Н.Г., Филимонов А.В. Колонизационные эксперты: человеческое измерение миграционных процессов в поздней имперской и раннесоветской России // Антропология в поисках нового языка описания: тезисы. Томск: Том. гос. ун-т, 2016. С. 5–7.
- Сунгуров А.Ю. Экспертные сообщества и власть. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 231 с.
- Филимонов А.В. Роль чиновников особых поручений в реализации переселенческой политики на примере А.А. Станкевича // Вестн. Том. гос. ун-та, 2016. № 407. С. 156–169.
- Шиловский М.В. Н.М. Ядринцев – чиновник Главного управления Западной Сибири // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894). Омск: Ом. гос. ист.-краевед. музей, 2012. С. 105–108.

REFERENCES

- Andriyanova D.V. (2018). Officials of special assignments under the West Siberian governors-general: role and functions in the provincial administration in 1895–1917. *Manuskript*, no. 12–1(98), pp. 21–24. (In Russ.)
- Baigabatova N.K. (2021). N.N. Pantusov's contribution to the study of archaeological monuments of Semirechye region. *The Scientific Heritage*, no. 58-3(58), pp. 15–18. (In Russ.)
- (2006) History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries, vol. VIII, part 2, Almaty, Daik-Press, 971 p. (In Russ.)
- Filimonov A.V. (2016). The role of officials of special assignments in the implementation of resettlement policy by the example of A.A. Stankevich. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 407, pp. 156–169. (In Russ.)
- Igumnov E.V. (2018). Secretaries of the Siberian Statistical Committees – officials, scientists and public figures. *Vlast'*, vol. 26, no. 8, pp. 239–246. (In Russ.)
- Lebedeva N.I. (1996). Iliodor Khvorinov – architect of “Siberian Leipzig”. *Vestnik Omskogo universiteta*, iss. 2, pp. 67–70. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. (1998). Governors-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V.Y. Rupert, N.N. Muravyov-Amursky, M.S. Korsakov. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 428 p. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. (2002). Higher administration of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: Problems of social stratification. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 250 p. (In Russ.)
- Matkhanova N.P. (2022). Officials of special assignments in the system of administration of Eastern Siberia in the XIX century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, vol. 41, pp. 14–21. (In Russ.)
- Morukov Yu.N. (Ed.-Comp.) (2003). The provinces of the Russian Empire: History and leaders. 1708–1917. Moscow, Ob'ed. red. MVD Rossii, 479 p. (In Russ.)
- (1879) Notes of the West Siberian Division of the Imperial Russian Geographical Society, book 1, Omsk, Tipografiya okruzhnogo shtaba, 229 p. (In Russ.)
- Ospanova A.A. (2020). Activities of officials of special assignments of the Orenburg Governor-General's Office. *Tsentral'naya Aziya na perekrestke evropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* Moscow, OntoPrint, pp. 92–99. (In Russ.)
- Remnev A.B. (1997). The autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX – early XX centuries. Omsk, Izd-vo Omsk. un-ta, 253 p. (In Russ.)
- Shilovskiy M.V. (2012). N.M. Yadrintsev – an official of the Western Siberia Main Directorate. *Pervye Yadrintsevskie chteniya: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 170-letiyu so dnya rozhdeniya Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva (1842–1894 gg.)*. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kraevedcheskiy muzey, pp. 105–108. (In Russ.)
- Sungurov A.YU. (2020). Expert communities and power. Moscow, Politicheskaya ehntsiklopediya, 231 p. (In Russ.)
- Suvorova N.G., Filimonov A.V. (2016). Colonization Experts: The Human Dimension of Migration Processes in Late Imperial and Early Soviet Russia. *Antropologiya v poiskakh novogo yazyka opisaniya: tezisy*, Tomsk, TGU, pp. 5–7. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.02.2024

Дата рецензирования 17.02.2024

Статья принята к публикации 19.02.2024

DOI: 10.15372/HSS20240112
УДК 94(470+470.11)"1870"
EDN: VRFFPS

Н.В. МАНВЕЛОВ

ОТЧЕТ О РЕВИЗИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ВОЕННОГО ПОРТА В 1870 г.

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
РФ, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

Восемь лет спустя после ликвидации в 1862 г. главного военного порта, единственного на Русском Севере, в 1870 г., в Архангельск был направлен с ревизией капитан 2-го ранга Н.В. Копытов. Проверка выявила проблемы с базированием боевых судов в Архангельском порту, отсутствие у Российской империи боевых судов для охраны побережья Русского Севера, низкий интерес местной гражданской администрации к использованию имущества, ранее принадлежавшего Российскому Императорскому флоту и переданного властям города. Комплекс нерешенных проблем появился после процедуры ликвидации, включая незащищенность зверобойных и рыболовных промыслов, расположенных на побережье Русского Севера. Были внесены конкретные предложения по решению ряда проблем, но они остались без внимания руководства Морского ведомства. В настоящей статье впервые публикуется группа архивных документов, касавшихся результатов этой проверки и отложившихся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота (Санкт-Петербург).

Ключевые слова: Архангельск, Н.В. Копытов, Морское министерство, судоремонт, Русский Север, военный порт, Соломбала.

N.V. MANVELOV

REPORT ON THE INSPECTION OF THE ARKHANGELSK MILITARY PORT IN 1870

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, building 1, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation

In 1870, eight years after the liquidation of the main military port in 1862, the only one in the Russian North, an inspection was sent to Arkhangelsk, entrusted to Captain 2nd rank N.V. Kopytov. The revision identified problems with basing combat ships in the Arkhangelsk port, the lack of combat ships for the Russian Empire to protect the coast of the Russian North, and low interest of the local civil administration in the use of property that previously belonged to the Russian Imperial Navy and was transferred to the authorities of the city of Arkhangelsk. The inspection revealed a set of unresolved problems that remained after the liquidation procedure, including the vulnerabilities of hunting and fishing industries located on the coast of the Russian North. The inspector made specific proposals that went unnoticed by the leadership of the Naval Department. For the first time, the article publishes and introduces into scientific circulation a group of archival documents based on the results of this inspection, preserved in the Russian State Archives of the Navy (St. Petersburg).

Key words: Arkhangelsk, Kopytov, Naval Ministry, ship repair, Russian North, military port, Solombala.

В конце 1869 г. Морское министерство организовало в Архангельский военный порт первую с 1862 г. проверку, которая завершилась в январе 1870 г. С этой целью был отправлен капитан 2-го ранга Николай Васильевич Копытов, которому предстояло изучить состояние строевой и хозяйственной частей, а также произвести смотр расквартиро-

ванной в Архангельске флотской роты. О результатах проверки мы имеем возможность узнать из его отчета.

Н.В. Копытов (1833–1901) к моменту ревизии Архангельского военного порта уже был опытным военным моряком. В 1858–1859 гг. он командовал корветом «Новик», в 1860–1863 гг. – корветом «Гридень»,

Николай Владимирович Манвелов – преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, e-mail: manvelov-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7787-3879>.

Nikolay V. Manvelov – Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

в 1863–1866 гг. – фрегатом «Пересвет», в 1866–1867 гг. – фрегатом «Адмирал Чичагов», в 1867–1870 гг. – броненосной батареей «Первенец», в 1870–1871 гг. – фрегатом «Дмитрий Донской», в 1871–1872 гг. – фрегатом «Адмирал Спиридов». После службы в должности морского агента (военно-морского атташе) в Великобритании в 1872–1876 гг. он исполнял в 1876–1882 гг. должность капитана над Санкт-Петербургским портом, в 1882–1884 гг. – командовал отрядом судов в Тихом океане. В 1884–1888 гг. Копытов – младший флагман Балтийского флота, в 1888–1891 гг. – старший флагман. В 1891–1898 гг. – главный командир Черноморского флота и портов Черного и Каспийского морей, в 1898–1901 гг. – член Адмиралтейств-совета, высшего совещательного органа Морского министерства. С 1888 г. состоял в чине вице-адмирала, а с 1898 г. – в звании генерал-адъютанта [Манвелов, Гостев, 2021, с. 212–213].

Особое внимание проверяющий уделил вопросам размещения личного состава. Помещения, отведенные в качестве казарм для Архангельской флотской роты, были крайне тесны, несмотря на наличие двух простаивавших без дела зданий, ранее служивших для размещения морских команд. Н.В. Копытов ходатайствовал об увеличении площади казарменных помещений, о выделении квартир для семейных матросов, оборудовании лазарета и гимнастического зала. Лазарет имел особое значение, поскольку к услугам морского врача – единственного медика в данном районе Архангельска – обращалось также большое количество местных жителей.

В ходе проверки выяснилось, что базирование в Архангельске боевых судов крайне затруднено полным отсутствием казенных мастерских, уничтоженных при упразднении порта [Приказ Генерал-Адмирала, с. 52]. Поскольку все существовавшие судостроительные эллинги и мастерские были переданы в частные руки и городу, работы по ремонту механизмов, базировавшихся в порту судов приходилось

вести силами самих экипажей. Вопрос о возврате Морскому ведомству мастерских, ранее переданных городу, не решался.

Н.В. Копытов предлагал восстановить в Архангельском военном порту судоремонтные мощности, что позволило бы увеличить количество приписанных боевых судов, а также усилить оборону Русского Севера. Эти предложения в основном были отвергнуты.

К рапорту Н.В. Копытова подшиты две копии сопроводительных писем в Инспекторский и Гидрографический департаменты Морского министерства за подписью вице-директора канцелярии министерства Алексея Алексеевича Пешурова¹.

Резолюция управляющего Морским министерством адмирала Николая Карловича Краббе² позволяет пояснить официальную реакцию ведомства. Поскольку к тому моменту главный начальник флота и Морского ведомства великий князь Константин Николаевич³ уже в значительной степени передал свои полномочия Н.К. Краббе, резолюция управляющего министерством имеет основополагающее значение. Он счел ненужным расширение российского военно-морского присутствия на Русском Севере, как и воссоздание судоремонтных мощностей, предложив использовать возможности местных предприятий. Вопрос расширения казарм и создания лазарета в своей резолюции Н.К. Краббе не затрагивал.

Многочисленные справки, которые были приложены, согласно описи, к рапорту, в архивном деле не сохранились. Рукописный текст источника содержит на полях пометы, имеющие отношение к делопроизводству Морского министерства.

Публикация материалов архивного дела позволяет ввести в научный оборот важный источник по истории Архангельского военного порта и военной истории Русского Севера, освещающий состояние российских военно-морских сил на Северном морском театре в изучаемый период и более подробно состояние небольшого военного порта в отдаленной от столицы местности.

Публикацию подготовил Н.В. Манвелов.

РАПОРТ КАПИТАНА 2-ГО РАНГА Н.В. КОПЫТОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ АДМИРАЛУ Н.К. КРАББЕ

20 января 1870 г.

Управляющему Морским министерством
Капитана 2 ранга Копытова

Рапорт

В предписании Вашего высокопревосходительства от 10 декабря прошлого⁴ года за № 11517 мне было поручено осмотреть строевую и хозяйственную часть Архангельского порта; подробные же указания для этого

¹ Алексей Алексеевич Пешуров (1834–1891) – вице-адмирал (1882), в 1860–1865 – командир клипера «Гайдамак», в 1865–1868 – командир корвета «Минин», в 1868–1875 – вице-директор канцелярии Морского министерства, в 1875–1880 – директор канцелярии Морского министерства, в 1880 – товарищ (заместитель) управляющего Морским министерством, в 1880–1882 – управляющий Морским министерством, в 1882–1886 – главный командир Черноморского флота и портов Черного моря и военный губернатор Николаева, в 1886–1890 – главный командир Черноморского флота и портов Черного и Каспийского морей и военный губернатор Николаева, в 1890–1891 – член Государственного совета.

² Николай Карлович Краббе (1814–1876) – адмирал (1869), генерал-адъютант (1858). В 1854–1855 – вице-директор Инспекторского департамента Морского министерства, в 1855–1860 – директор этого департамента, в 1860–1862 – исполняющий должность управляющего Морским министерством, в 1862–1876 – управляющий Морским министерством.

³ Константин Николаевич – великий князь (1827–1892), генерал-адмирал (1831), адмирал (1855), генерал-адъютант (1852), в 1853–1855 гг. – исполняющий должность начальника Главного морского штаба, в 1855–1881 гг. – главноначальствующий флотом и Морским ведомством, в 1865–1881 – председатель Государственного совета.

⁴ Имеется в виду 1869 г.

мною были получены от Инспекторского департамента⁵ 12 декабря за № 11535 и канцелярии министерства 11 декабря за № 7452, почему об осмотре порта, согласно обоих вышеуказанных предписаний, имею честь ныне почтительно донести Вашему высокопревосходительству следующее.

На другой день прибытия в Архангельск мною были осмотрены тамошняя флотская рота и порт, причем рота была в строю в полном сборе вооруженная ружьями, в установленной для нее новой форме, что свидетельствовало о выполнении приказа его высочества генерал-адмирала прошлого года за № 34 относительно преобразования флотской роты из портовой команды; ниже сего изложения подробности осмотра еще полнее выказали, что переформирование роты окончательно и совершенно выполнены⁶. При этом мною было поверено численное состояние чинов, согласно приложенной при сем табели личного состава⁷.

Причины оказавшихся недостатков специалистов те же, что и в командах Балтийского флота, а именно: одновременное увольнение старослужащих – при этом главное затруднение заключается там в неимении мастеровых, как-то: ложника⁸ или плотника, слесаря или оружейника и парусника.

Полной пропорциональности в отношении молодых матросов к остальным нет, ибо все они, за весьма малым исключением, находятся в службе не более трех лет, особенно же их много из набора прошлого года.

Санитаров или людей, обучавшихся в госпиталях уходу за больными, также нет.

Наружный вид команды вполне военный, здоровый и бодрый. Обмундирование их, амуниция и вооружение исправны и в должном виде.

Комиссариатское довольствие⁹ производится только по обмундированию, продовольствие же все покупается на отпускаемые для этого деньги; наличие последних было мною поверено и найдено в должном количестве и налицо. Ротная денежная отчетность также в полном порядке. Следующее обмундирование имеется в роте и роздано нижним чинам.

Все вещи, кроме одно годовых, получают сшитыми по ростам; сшитые одно годовые вещи имеют должный вид.

Оружие холодное и огнестрельное находится у всех строевых нижних чинов, но обучение не производится.

Гимнастике же и фехтованию обучение производится по приложенному при сем распределению времени занятий роты¹⁰ под руководством присланного из Петербурга гимнастера.

Обучение грамотности ведется весьма успешно, и половина из поступивших на службу в прошлом году уже [в] состоянии читать и занимается началами арифметики, и все знают азбуку.

Барабанщики и горнисты учатся под надзором присланных для этой цели из Петербурга барабанщика и горниста с заметным успехом.

Машинисты и кочегары в настоящее время занимаются при исправлении повреждений машины шхуны «Полярная звезда».

Штрафные журналы мною найдены в полном порядке.

Команда на берегу кроме обучения в казармах никаких других занятий не имеет, на вольную¹¹ работу не увольняется.

Продовольствие нижних чинов производится правильно, хорошего качества и в достаточном количестве. Кухонная посуда в порядке, равно как и самая кухня.

Самое здание или казарма содержится в совершенной исправности и полном порядке и опрятности, требующиеся небольшие исправления делаются при ежегодном ремонтировании, но помещение команды тесно, и женатые нижние чины живут на вольных¹² квартирах[,] не получают на это квартирных денег, отчего они нанимают их в подвалах, вообще совершенно сырых и тесных, но еще и затопляемых ежегодно водою при разливе реки, что весьма вредит их здоровью и налагает на них тяжелые издержки. Необходимо, кажется, увеличить казарменное помещение, как ходатайствует об этом командир порта¹³, отделивши для этого, по крайней мере, еще 1/3 занимаемого ныне здания, тем более что эта треть и даже все здание, вероятно, будут без затруднения возвращены городом. Увеличение казарменного помещения будет настоятельно необходимо, когда при Архангельском порте будет состоять еще шхуна «Самоед» с комплектом ее команды, много превосходящим комплект «Полярной звезды».

⁵ Инспекторский департамент Морского министерства ведал вопросами личного состава.

⁶ Так в источнике.

⁷ Табель в архивном деле отсутствует.

⁸ Ложник – мастеровой, занимающийся изготовлением, ремонтом и подгонкой оружейных лож (прикладов).

⁹ Комиссариатское довольствие включало деньги, обмундирование, а также предметы, его составляющие, припасы и материалы для госпиталей.

¹⁰ Документ в архивном деле отсутствует.

¹¹ То есть не относящуюся к деятельности Морского ведомства.

¹² Речь идет о частных квартирах.

¹³ Командиром Архангельского порта в 1868–1871 гг. был Петр Иванович Куприянов (Куприянов) (1821–1899) – контр-адмирал в отставке (1878). В 1856–1858 гг. – командир корвета «Гридень», в 1858–1860 гг. – командующий 33-м Черноморским флотским экипажем, в 1860–1864 гг. – командир 3-го Черноморского флотского экипажа, в 1875–1876 гг. – командир Архангельской флотской роты.

Рота судовому своему, а вследствие этого – и строевому, назначению почти удовлетворяет, но об этом будет сказано ниже; в ней имеются барабанщики, горнист, гимнастер, но оружейников и вообще мастеровых, как выше изъяснено, нет. Специалисты эти инструкторами быть могут, и теперь занимаются обучением нижних чинов каждый по своей части.

Излишек и недостаток противу положенного штатом, с объяснением командира порта, показаны в прилагемом при сем табеле¹⁴. Специалисты же, нужные для шхуны¹⁵, есть из обученных в прошлом плавании, как-то: машинисты, рулевые, марсовые¹⁶, но все это очень молодые матрозы, хотя, по моим расспросам их и отзыву командира шхуны¹⁷, они в состоянии исполнять свои обязанности удовлетворительно.

Порт вовсе не имеет никаких, даже самых малых, средств для исправления судовых повреждений, и командир порта через меня при сем препровождает ходатайство¹⁸ о отводе и приспособлении бывшей кузницы под мастерские для удовлетворения настоящей в них надобности. Требование о устройстве мастерских особенно важно, что в Архангельске с упразднением порта и прекращением деятельности Беломорской компании в настоящее время нет вовсе никаких средств для исправления судов. Так, весьма небольшие требовавшиеся в прошлом году исправления в котлах и питательных трубах шхуны «Полярная звезда» будут исполнены за 1400 руб. сер.; более же значительные, надо думать, и вовсе нельзя будет сделать.

Вольнонаемных на шхуну «Полярная звезда» до сих пор нанималось 21 человек, и в прошлом году они были наняты в последний раз и то только потому, что состав команды был весь почти из вновь поступивших; на нынешний же год командир порта и вовсе не предлагает нанимать вольнонаемных, находя это излишним, но ходатайствует о[б] увеличении комплекта команды шхуны еще 10 человеками.

Хотя до сих пор на промере и описи в устьях Северной Двины вносилось в смету 4 карбаса¹⁹, 4 офицера, 4 унтер-офицера и 40 человек гребцов, но, по показанию командира порта, этого числа людей в действительности совсем не требовалось и на них ничего не расходовалось; работы же по промеру производятся, как и производились до сих пор, лоцманами под наблюдением начальника Гидрографической части (порта. – *Н.М.*) и расчетов на них никаких не делалось. Отчеты же об этих работах представляются ежегодно с годовым отчетом в Гидрографический департамент и отсылаются также, для сведения, коммерческим судам, в Архангельскую таможню. Сведения о том, в каком положении находятся в настоящее время работы по промеру и описи устья Северной Двины, также находятся в Гидрографическом департаменте.

О том, чтобы нижние чины Архангельской (флотской. – *Н.М.*) роты употреблялись по назначениям, им не соответствующим, мною неправильностей никаких не найдено. При чем имею честь приложить ведомость²⁰ летнего расхода людей в порте.

На вопрос об удовлетворительности состава Архангельской флотской роты имею честь донести, что, по мнению моему, число нижних чинов на барказе «Механик» велико, и подшкипер²¹ и 3 рядовых могли бы быть убавлены. Также для развоза на катерах и для хозяйственных надобностей имеются там 59 человек; может быть, что на весельных шлюпках они необходимы, но если бы порт был укомплектован требуемым командиром порта паровым барказом, необходимым для сообщения с судами, стоящими за баром, и сверх того паровым катером для развозов по реке, то на эти обе шлюпки потребовалось бы не более 15 человек; и если положить, что для хозяйственных потребностей и в запас для замещения больных всего вместе еще 10 человек, то рота могла бы быть убавлена по этим двум статьям на 34 человек и 4 человека с «Механика»[,] всего на 38 человек.

Постоянное пребывание одного и того же судна в Архангельске необходимо требует устройства там некоторых мастерских как для дефективных, так и для капитальных со временем исправлений, но как за упразднением порта капитальные исправления корпуса судна будут затруднительны и будут очень дорого стоить, с другой же стороны[,] шхуна без должных исправлений скорее придет в негодность, то казалось бы более полезным посылать в Архангельск[,] как на всякую другую станцию[,] ежегодно новое судно с углублением не более 11 фут для смены предыдущего из числа семи²², годных для этого назначения[,] – таким образом, там было бы всегда судно в полной готовности и постоянно готовое для исполнения всяких поручений в продолжении всей навигации. Плаванья же эти были бы прекрасной практикой для команд этих судов. Мера эта составила бы экономии в том отношении, что тогда в Архангельске не пришлось бы держать постоянно двух шхунских команд, как нуж-

¹⁴ Табель в архивном деле отсутствует.

¹⁵ Для шхуны «Полярная звезда».

¹⁶ Марсовый – матрос, работающий на особой площадке, расположенной на топе (верхушке) одной из составных частей мачты судна.

¹⁷ Командиром шхуны «Полярная звезда» в 1869–1872 гг. состоял капитан-лейтенант Петр Романович Стронский (1829–1894) – контр-адмирал в отставке (1879), в 1863 г. – командир канонерской лодки «Забияка», в 1873–1878 гг. – командир шхуны «Дон».

¹⁸ Ходатайство в архивном деле отсутствует.

¹⁹ Карбас – небольшое беспалубное парусно-гребное судно.

²⁰ Ведомость в архивном деле отсутствует.

²¹ Подшкипер – унтер-офицер, отвечающий за сохранность шкиперского имущества (якорей, цепей, тросов, брезентов, блоков, предметов снабжения шлюпок, канатов, краски и так далее).

²² На начало 1870 г. в составе Балтийского флота, исключая «Полную звезду», числились 4 парусно-винтовые шхуны – «Бакан», «Компас», «Самоед» и «Секстан».

но будет теперь, не понадобится увеличения казарменного помещения, доставки в Архангельск каких-либо материалов, запасов или громоздких и тяжелых частей машин и котлов, все будет брать с собою очередное судно, не нужно будет устройство мастерских с расходами от министерства, будет нужно только здание, в котором зимующее судно могло бы при посредстве своих мастеровых и материалов, короче, своими средствами, произвести потребные дефектные исправления, тем более, что подобное здание бывшей кузницы уже имеется в ограде тамошнего адмиралтейства, и остается только, согласно просьбе командира порта и согласия городского управления, возвратить его в ведение Морского ведомства.

Для выполнения этого предположения потребуется вооружение²³ лишнего судна, ибо в Белом море в плавании шхун не произойдет никакой перемены, в водах же Балтики – незначительная.

Зимовавшая шхуна в Архангельске весною будет отправляться по маякам и, дойдя до Колы или Варгузского залива, сменится там пришедшею к тому времени из Кронштадта другою, которая после сего входит в Белое море и плавает, согласно полученных инструкций. Зимовавшая же возвращается в Балтийское море, где она может быть в половине августа и плавать согласно программе, так что июнь и июль в здешних водах одного такого судна не будет налицо, но в эти месяцы шхуны по большей части остаются в Ревеле²⁴ незанятыми; в случае же надобности легко могут быть заменены каким-либо из находящихся в это время в плавании судов.

Мера эта позволит иметь лучший надзор за нашими берегами, смежными с Норвегией, где в настоящее время норвежцы и другие мореходцы безнаказанно притесняют наших соотечественников[,] и для устранения чего Архангельский губернатор, как говорят, предполагает просить особой присылки военных судов.

В настоящее время котлы шхуны «Полярная звезда», будучи уже довольно старыми и ослабленными частями в них повреждениями, потребуют в скором времени перемены, что, конечно, предпочтительнее всего сделать в Кронштадте, то смена шхуны, подобно вышеизложенному предположению, могла бы на ответ показать его выгоды или невыгоды.

Во исполнение же вышеупомянутого предписания канцелярии (Морского. – Н.М.) министерства относительно возложенного на меня поручения осмотреть шхуну «Полярная звезда» имею честь почтительнейше донести Вашему высокопревосходительству следующее.

Означенная шхуна, будучи отлично выстроенною, хотя существует с 1862 года, до сего времени прекрасно сохранилась и по корпусу не требует почти исправления, исключая небольших наличников на кормовых концах палубной настилки; остальные же все ее члены в совершенно свежем состоянии, нетронутые нисколько гнилью; пояса обшивки у ватерлинии отнято не было, потому, что все что можно было видеть, как-то: оконечности бимсов, набор изнутри – все совершенно цело, течи у нее нет, содержится она в совершенно безукоризненном порядке, и потому все это показывает, что она годна для службы еще на несколько лет без больших исправлений по корпусу, но, к сожалению, нельзя того же сказать о машине.

Машина канонерской лодки, поставленная на шхуну, вообще слабосильна, главное же, что, будучи высокого давления, составляет большое затруднение для управления и подвержена частым повреждениям в котлах. Переходы из пресной воды в соленую, случающиеся для нее при каждом рейсе, одна из первых к этому причин. Котлы, существуя к тому же восьмой год, становятся довольно стары, их дымогарные трубы постоянно текут. Огненные поверхности прожжены и в настоящее время составляют главное исправление; при этом в правом котле делается вырубка для заплатки; в левом же ее предполагают поставить на болтах, не вырубая отверстия. Все питательные трубы также исправляются. По постановке заплатки на место нужно будет вставить новые дымогарные трубы вместо вынутых, которые Архангельский порт ожидает еще из Петербурга.

Все исправления теперь уже делаются, и к открытию навигации будут окончены, ежели дымогарные трубы безотлагательно будут туда доставлены²⁵, в противном случае, конечно, шхуна к открытию навигации не будет готова. – Н.М.).

Потребная в скором времени перемена котлов при годности самого корпуса еще на несколько лет, может быть, даст возможность поставить на шхуну соответствующий ее величине паровой двигатель.

Как мореходное судно оно аттестуется очень хорошо во всех отношениях, исключая ход под парами, ее настоящим командиром. При сем имею честь представить рапорт²⁶ тамошнего корабельного инженера²⁷ о результатах осмотра корпуса шхуны.

Согласно предписания канцелярии министерства, мною было осмотрено помещение Архангельской флотской роты вместе с капитаном 1 ранга Купреяновым, которое оказалось, как я выше имел честь почтительнейше довести, действительно очень тесным, заключающимся в двух камерах, ни помещения для женатых, ни зала для гимнастики, ни места для лазарета, ни для швальни²⁸, но все это при тамошних местных условиях совершенно

²³ В данном контексте – подготовка к плаванию.

²⁴ Современный Таллин.

²⁵ Подчеркнуто автором рапорта.

²⁶ Рапорт в архивном деле отсутствует.

²⁷ В 1869–1872 гг. корабельным инженером в Архангельском порту служил прапорщик (с 1868 г.) корпуса корабельных инженеров Алексей Ефимович Тетерин (1832–1872).

²⁸ Швальня – портняжная мастерская.

необходимо, особенно если число нижних чинов с приходом туда шхуны «Самоед» увеличится. План предполагаемого размещения нижних чинов, составленный в Строительном отделении Морского технического комитета, вполне удобоприменим, и командир порта просит только, чтобы гимнастический зал был бы помещен в среднем этаже, устроенном на сводах; лазарет же он находит более удобным перенести наверх.

При этом капитан 1 ранга Купреянов заявил о необходимости и покорнейше просит о устройстве лазарета на 10 кроватей, так как бывший до сего времени Военный госпиталь в Архангельске с 1-го января упразднен и больных придется отправлять в лазарет батальона местных войск, находящийся за рекою в самом городе; при этом очень часто в продолжении нескольких дней, а при разливе и распутице и очень долго, больные должны оставаться без необходимого для них спокойного помещения просто в казармах. При команде имеется доктор и 3 фельдшера с аптекой, так что недостает только лазаретных вещей на 10 человек и небольшого помещения, чтобы команда в этом отношении была бы должным образом обставлена²⁹ и не имела бы надобности прибегать к лазарету постороннего ведомства, находящемуся за рекой в пятиверстном отдалении. Медик же команды есть единственный в Соломбале³⁰, и к его пособиям почти всегда прибегает вся эта часть города.

Капитан 1 ранга Купреянов просит также, в случае если паровой барказ «Механик» останется при Архангельском порте, выслать туда его оставленные в Петербурге вещи.

При упразднении Архангельского порта вместе с переданными зданиями в другие ведомства была также передана еще не вполне оконченная строящаяся кузница[,] несмотря на то, что она одна осталась внутри ограды, ограничивающей место, вновь отведенное для уменьшенного порта, адмиралтейства. Ее отдали для обучения учеников ремесленной школы, но школа ею до сих пор никогда вовсе не использовалась³¹[,] и со времени ее передачи там ничего не тронуто.

В настоящее время командир порта, озабочиваясь об устройстве необходимых мастерских для исправления приписанных к порту судов, ходатайствует о возврате этого здания в его ведение; ходатайство это, при настоящих местных условиях совершенно справедливо и осуществление его необходимо, тем более, как видно из приложенной при этом переписки, и город не находит препятствий к этому возвращению. Переписку и сведения по этому предмету вместе с планом кузницы при сем имею честь представить³².

Журнал Строительного отделения и проект нового размещения передан мною командиру порта[,] и по окончании составления смет на расходы временные и ежегодные, требующиеся вследствие увеличения казарменного помещения, они тотчас же будут представлены.

О чем Вашему высокопревосходительству имею честь почтительнейше донести.

Капитан 2 ранга Копытов

Января 8 дня
1870 года
№ 1 [3, 1–6]

Ведомость приложенных при сем рапорте бумаг³³:

Табель личного состава Архангельской флотской роты.

Расписание занятий на берегу.

Расписание роты для летнего времени.

Табель потребности чинов для шхуны «Самоед».

Рапорт корабельных инженеров³⁴ прапорщика Тетерина о осмотре шхуны «Полярная звезда».

Копия рапорта командира порта в Инспекторский департамент от 17 июня 1865 года за № 709.

Справка по переписке с Архангельским губернским правлением о здании № 50

Копия с отношения командира порта в Архангельскую думу и две копии ответов ее и Губернского правления о возврате кузницы

Докладная записка командира порта в канцелярию министерства о возврате кузницы в Морское ведомство; при ней приложено: пояснительная записка, три сметных ведомости и план означенной кузницы.

Капитан 2 ранга Копытов

²⁹ Так в источнике.

³⁰ Соломбала – район на островах в дельте р. Северная Двина, где ранее располагалось Архангельское адмиралтейство.

³¹ Так в источнике.

³² Переписка в архивном деле отсутствует.

³³ Все перечисленные ниже документы, за исключением рапорта, в архивном деле отсутствуют.

³⁴ Так в источнике.

РЕЗОЛЮЦИЯ УПРАВЛЯЮЩЕГО МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ АДМИРАЛА Н.К. КРАББЕ

20 января 1870 года

По рапорту капитана 2 ранга Копытова от 8 января

Рапорт рассмотрен в канцелярии и департаментах Инспекторском и Гидрографическом по принадлежности и доложен мне каждому³⁵ по своей части. Считаю, однако, необходимым указать теперь же, что предположение об ежегодном отправлении шхун из Балтийского моря в Архангельск представит большие неудобства. Кроме излишнего расхода на плавание, оно ставит снабжение маяков в зависимость от исправного прихода судна из Балтики и повлекло бы нас лишь тому, что, в видах осторожности, мы имели бы запасы предметов для снабжения маяков и на судне, отправляющемся из Балтийского моря, и в Архангельске. Считаю, равным образом, совершенно излишним иметь в Архангельске команды для обеих шхун. Для местных надобностей достаточно плавание одной шхуны; другая же, т.е. «Полярная звезда», должна остаться при порте единственно для того, чтобы заменить собою плавающую шхуну в том исключительном случае, когда последняя, вследствие каких-либо повреждений, не могла бы развезти на маяки предметов снабжения. Иметь целую команду в готовности во ожидании такого исключительного случая никак не следует, и для такого случайного плавания «Полярная звезда» может получить команду от «Самоеда». При рассмотрении предположений о мастерских следует иметь в виду – нельзя ли все поделки на судах делать при содействии частной промышленности.

Января 19 дня 1870 г.
Н. Краббе

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 410. Оп. 2 Д. 3135. Л. 1–10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

Манвелов Н.В., Гостев И.М. Архангельск в судьбах офицеров и адмиралов Российского Императорского флота. 1850–1917: Биографический справочник. Архангельск: «Северный Паломник», 2020. 504 с.

Приказ Генерал-Адмирала по флоту и Морскому ведомству № 36 от 11 марта 1861 г. // Морской сборник. 1862. № 4: Распоряжения правительства. С. 51–52.

REFERENCES

Manvelov N.V., Gostev I.M. (2020). Arkhangelsk in the fate of officers and admirals of the Russian Imperial Navy 1850–1917: biographical guide. Arkhangelsk. "Severnyy Palomnik", 504 p. (In Russ.)
Order of the General Admiral for the Navy and the Maritime Department No. 36 dated March 11, 1861. Morskoy Sbornik. 1862, no. 4: Orders of the government, pp. 51–52. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2024

Дата рецензирования 01.02.2024

Статья принята к публикации 15.02.2024

³⁵ Так в источнике.

DOI: 10.15372/HSS20240113
УДК 94(571)"19/20"
EDN: TXZXLL

А.А. КРУЖАЛИНА

**«ВИДНЫЙ ЧЛЕН СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
В.Е. МАНДЕЛЬБЕРГ»:
НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ
ОБ УЧАСТИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 1907 г.**

Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1.

В статье на основе уникальных архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, а также мемуарного наследия современников и самого героя статьи, рассматриваются отдельные аспекты общественно-политической деятельности депутата Государственной думы Российской империи II созыва от г. Иркутска – Виктора Евсеевича Мандельберга. Анализируются малоизвестные аспекты революционно-политической деятельности социал-демократического депутата, его взаимоотношения с властями и обществом в период подготовки выборов в Государственную думу Российской империи II и III созывов. Сформулированы выводы, характеризующие практику развития избирательного процесса в Иркутской губернии 1907 г. под воздействием изменений, произошедших в законодательстве о выборах в парламент. На примере биографии В.Е. Мандельберга и связанных с ним лиц дана оценка действиям региональных властей по защите интересов монархии от подрывной деятельности леворадикальных партий.

Ключевые слова: Мандельберг, депутат, Государственная дума, Иркутск, Писаревский, Сибирь.

A.A. KRZHALINA

**«A PROMINENT MEMBER OF THE SOCIAL DEMOCRATIC PARTY
V.E. MANDELBERG»:
UNKNOWN FACTS ABOUT PARTICIPATION
IN THE ELECTION CAMPAIGNS OF 1907**

Irkutsk State University,
1, K. Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

The article is based on the unique archival sources introduced into scientific circulation for the first time. It characterizes certain aspects of the socio-political activities of Viktor Yevseevich Mandelberg, the deputy of the State Duma of the Russian Empire of the 2nd convocation from Irkutsk, during his preparation for the elections to the State Duma of the 2nd and 3rd convocations. The methodological basis of research is the historical and biographical method, which made it possible to illustrate the features of application of the new electoral law of 1907 in practice using the example of unknown pages of V.E. Mandelberg's biography. This method was also used to characterize the actions of representatives of regional authorities to ensure the legality of the electoral process in the region. Based on a comparative analysis of sources and historiography of the issue, the author characterizes the little known aspects of the revolutionary political activities of the Social Democratic deputy and his relationship with the authorities and society. The author dwells in detail on the political activity of V.E. Mandelberg in Irkutsk during the First Russian Revolution, analyzing the degree of his involvement in the process of moderating anti-government protests in the region. The article draws special attention to the analysis of the efforts of the local authorities to prevent Mandelberg from participating in the elections to the State Duma, due to his non-compliance with the apartment qualification. In confirmation of this, numerous records management materials are provided, as well as decisions of the Governor-General, which negatively affected not only the political fate of V.E. Mandelberg himself, but also the persons involved in renting an apartment for him, Tsukasov and Pisarevsky, who were punished for assisting Mandelberg by being expelled from Irkutsk. As a result of the study, conclusions were formulated that characterize the practice of development of the electoral process in the Irkutsk province.

Анастасия Алексеевна Кружалина – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, Иркутский государственный университет, e-mail: kliokrua@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6820-7874>.

Anastasia A. Kruzhalina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Russia, Irkutsk State University.

in 1907 under the influence of changes in the legislation on parliamentary elections. Using the example of the biography of V.E. Mandelberg and related persons, the article provides an assessment of regional authorities' actions to protect the interests of the monarchy from the subversive activities of left-wing radical parties.

Key words: Mandelberg, Deputy, State Duma, Irkutsk, Pisarevsky, Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Биографии первого и единственного депутата Государственной думы Российской империи II созыва от г. Иркутска В.Е. Мандельберга посвящено множество исследований советских и российских историков. Подробно изучена его общественно-политическая деятельность, предшествующая избранию депутатом [Кудряшов, 2015, 2016, 2018; Макаручук, 2021], а также его «погружение» в политическую жизнь Иркутска [Иванов, Курас С.Л., Курас Т.Л., 2021].

Немало дискуссионных публикаций посвящено участию В.Е. Мандельберга в работе II Съезда РСДРП от Сибирского социал-демократического союза. Научная полемика велась вокруг роли Мандельберга на съезде [Кудряшов, 2019; Блинов, 1972], а также значения его личности в становлении организаций революционных партий в Иркутской губернии [Иванов, 2019]. Кроме того, научному сообществу доступна и весьма солидная источниковая база, характеризующая революционно-политическую деятельность Мандельберга, включая его собственные мемуары [Мандельберг, 1910], неоднократно становившиеся предметом исследования преимущественно сибирских исследователей [Родионов, 1996; Кудряшов, 2013].

Особый интерес представляет сотрудничество Мандельберга с периодическими изданиями, такими как «Иркутские дни» и «Восточное обозрение», чему посвящены подробные статьи В.В. Кудряшова [2014 а, б].

Справочные издания также не оставили без внимания персону В.Е. Мандельберга, однако его биографические данные в этих публикациях приведены тезисно и даже с некоторыми неточностями в указании географии его перемещений [Мандельберг, 2008].

В фондах Государственного архива Иркутской области (ГАИО) нами обнаружены уникальные документы, проливающие свет на отдельные стороны революционно-политической деятельности Виктора Евсеевича; их анализу и введению в научный оборот и посвящается данная статья. Источниковую базу исследования составили неизвестные ранее донесения и переписка из фондов Иркутского губернского жандармского и Иркутского городского полицейского управлений, Иркутского охранного отделения а также делопроизводственные документы канцелярий губернатора Иркутской губернии и иркутского генерал-губернатора из фондов Государственного архива Иркутской области, Архива новейшей истории Иркутской области, а также опубликованные мемуары Мандельберга и его современников [Мандельберг, 1910; Попов, 1989]. Выявленные источники позволяют переосмыслить наследие отечественной историографии, посвященной исследованию

общественно-политической деятельности В.Е. Мандельберга, значению его вклада в становление социал-демократии и развитие парламентаризма в Российской империи.

Методологической основой исследования является историко-биографический метод, позволяющий проиллюстрировать на примере неизвестных страниц биографии В.Е. Мандельберга особенности применения нового избирательного закона 1907 г. на практике и охарактеризовать действия представителей региональной власти по обеспечению законности избирательного процесса в регионе.

В.Е. МАНДЕЛЬБЕРГ – ЛИДЕР ИРКУТСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Виктор Евсеевич Мандельберг оказался в Восточной Сибири в качестве ссыльного. В январе 1898 г. его арестовали по обвинению в политической пропаганде и выслали на четыре года под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь. К 1 января 1899 г. врач В.Е. Мандельберг, из купеческих детей, уже числился в списке политических ссыльных г. Нижнеудинска, но по разрешению генерал-губернатора проживал в Иркутске¹.

Здесь он успел сблизиться с местными ссыльными из социал-демократов и уже в 1901 г. вместе с И.М. Роммом, О.О. Шилингером и другими лицами организовал первый в Иркутске комитет РСДРП, а затем вошел в состав Сибирского социал-демократического союза. Сам Виктор Евсеевич отмечал, что именно в Сибири он стал «убежденным революционером... Правительство способствовало тому, что из не вполне ясных стремлений, тенденций – выросло убеждение, из наивного культуртрегера – революционный социал-демократ» [Мандельберг, 1910, с. 33].

По окончании срока ссылки Мандельберг в июне 1903 г. уехал в Брюссель, затем в Лондон, где под фамилией Посадовского принимал активное участие во II съезде РСДРП, представляя Сибирский социал-демократический союз. По итогам съезда В.Е. Мандельберг примкнул к меньшевикам. Противоречия между участниками съезда сказались не только на процессе развития российской социал-демократии, но и на межличностных отношениях делегатов: Мандельберг и его единомышленники «совершенно разошлись с большевиками, перестали здороваться» [Мандельберг, 1910, с. 41].

В начале 1904 г. В.Е. Мандельберг вернулся в Санкт-Петербург и оказался свидетелем Кровавого воскресенья и начала Первой русской революции. Поз-

¹ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–52.

же он уехал в Иркутск, где принял активное участие в революционных событиях — всеобщей забастовке в октябре 1905 г. В фондах ГАИО сохранилось множество свидетельств о том, что Мандельберг принял деятельное участие в организации всеобщей забастовки в октябре 1905 г. Так, в докладе иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова на имя министра внутренних дел от 19 октября 1907 г. указывается, что именно Мандельберг ответствен за устройство всеобщей политической забастовки, «будучи главным руководителем и председателем Иркутского комитета рабочей социал-демократической партии»². Главный начальник края также отмечал, что Виктор Евсеевич активно «участвовал во всех митингах в качестве оратора и именно благодаря его усиленной агитации осуществилась в Иркутске забастовка почтово-телеграфных чинов»³.

Популярность Мандельберга как оратора на различных митингах революционного периода подтверждает и И.И. Попов — издатель газеты «Восточное обозрение» и активный представитель партии кадетов в регионе, указывая на популярность и уважение, которые Виктор Евсеевич снискал в среде однопартийцев и общественности города [Попов, 1989, с. 285–286].

Сохранился обвинительный акт по делу о восстании (военной стачке) части Иркутского военного гарнизона в ноябре — декабре 1905 г., в котором указывается на факт организации собрания руководителей военной забастовки, происходившего на квартире доктора Мандельберга. На собрании присутствовали все члены военно-стачечного комитета и много посторонних лиц⁴. Революционная деятельность спровоцировала принятие властями решения об аресте Мандельберга, однако в списке лиц, арестованных во время «беспорядков» в Иркутске, значится 61 фамилия, а также имеется приписка: «Подлежащие аресту члены стачечного комитета горный инженер Вознесенский и врач Мандельберг, инженер Мономахов и представитель названного комитета Рехневский, бывший студент Левентов скрылись и не были разысканы»⁵.

В фонде Иркутского городского полицейского управления под грифом «секретно» сохранился список лиц, подлежащих розыску по политическим мотивам. В нем под № 8 значится лекарь В.Е. Мандельберг, 34 лет, по кличке «Безрукий»⁶. Отмечены также его особые приметы: среднего роста, плотный, темнорусый с небольшой сединой, левая рука искусственная⁷. Предполагалось, что разыскиваемый находится в Москве, «по обнаружении [предписывалось] обыскать, арестовать и препроводить его к начальнику

Иркутского губернского жандармского управления»⁸. Генерал-губернатор А.Н. Селиванов в своем докладе в МВД сообщал, что «приказано было его арестовать, но Мандельберг скрылся из Иркутска до приведения в исполнение этого распоряжения»⁹. При этом Селиванов распорядился отслеживать появление революционера в регионе, а также постановлением от 16 сентября 1906 г. определил выслать Мандельберга согласно ст. 19 п. 17 Правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении, под надзор полиции в Якутскую область¹⁰.

Из Иркутска Мандельберг отбыл в Европейскую Россию, однако продолжал формально состоять нанимателем квартиры в г. Иркутске по ул. Графа-Кутайсова (позднее ул. Арсенальной), дом Писаревского, 40, кв. 23. В ней он значился прибывшим с 11 августа 1905 г. до отъезда 28 февраля 1906 г., по свидетельству пристава 3-го участка г. Иркутска Селивестрови-ча¹¹. Позднее, уже после третьеиюньского переворота и в разгар опубликования списков избирателей в Государственную думу III созыва, лично министром внутренних дел П.А. Столыпиным телеграммой на имя генерал-губернатора были спущены разъяснения, указывающие на важность организации выборов без вмешательства в борьбу партий и давления на выборы¹². Одновременно с этим телеграмма Столыпина оканчивалась недвусмысленным напутствием: «Правительство твердо и последовательно будет преследовать нарушителей права, прекращать со всей строгостью возникающие беспорядки и стоять на страже спокойствия страны»¹³.

В.Е. МАНДЕЛЬБЕРГ В СПИСКЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ III СОЗЫВА

Принимая во внимание приговор, вынесенный бывшим депутатам Государственной думы II созыва от социал-демократической фракции¹⁴, и активное членство в ней Мандельберга, который, однако, избежал ареста и наказания, так как «ночевал у знакомых» [Мандельберг, 1910, с. 145], региональные власти озадачились не только недопущением его к участию в выборах в Думу III созыва, но и расследованием правомерности его избрания в Думу II созыва.

С юридической точки зрения, расследовать последний факт 1907 г. было уже невозможно, что подтвердил прокурор Иркутской судебной палаты в письме генерал-губернатору от 29 октября 1907 г., указав на то, что «ныне уже не могло бы последовать признание врача Мандельберга неправильно носившим звания депутата, так как проверка прав избранных членов

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 34.

¹⁰ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 238. Л. 65–65 об.

¹¹ Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 18.

¹² Там же. Д. 3357. Л. 84.

¹³ Там же. Л. 91.

¹⁴ 27 депутатов приговорили к лишению прав состояния и ссылке на 4–5 лет в каторжные работы или на поселение.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 34.

³ Там же. Л. 34.

⁴ Там же. Ф. 600. Оп. ОЦ. Д. 102. Д. 12.

⁵ Там же. Д. 16. Л. 155.

⁶ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2768. Л. 35.

⁷ Там же.

Государственной Думы принадлежит самой Думе (ст. 147 положения, изд. в 1906 г., соответствующая ст. 142 того же положения по изменению 1907 г.)»¹⁵.

24 сентября 1907 г. Иркутская городская управа уведомила иркутского губернатора о внесении в списки избирателей бывшего депутата II Государственной думы от г. Иркутска – В.Е. Мандельберга, сославшись на то, что «в Управе нет никаких официальных данных о привлечении Мандельберга к судебной ответственности, влекущей за собой лишение права на участие в выборах»¹⁶.

Одновременно с этим осенью 1907 г. было проведено многоуровневое расследование по делу Моисея Цукасова (купца), занимавшего квартиру в период отъезда Мандельберга из Сибири, и провизора Моисея Писаревского – владельца того дома, где числился проживавшим Мандельберг. Они были причастны к организации проживания Мандельберга в Иркутске и содействовали уплате им квартирного налога в период его отсутствия в Сибири¹⁷.

Данное расследование было спровоцировано рядом обстоятельств. Указания министра внутренних дел и судебный процесс над членами социал-демократической фракции Государственной думы II созыва мотивировали власти минимизировать участие социал-демократов в новых выборах. Утрата Иркутском права иметь персонального депутата привела не только к сокращению представительства региона в парламенте, но и изменению состава съезда городских избирателей Иркутского уезда. В нем теперь могли принять участие лица, владеющие избирательным цензом по г. Иркутску совместно с городскими избирателями уезда.¹⁸ Кроме того, условия подтверждения ценза также изменились. Положение о выборах 1906 г. предусматривало наделение избирательными правами среди прочего как лица, уплачивающего в пределах города не менее года квартирный налог (ст. 38, п. 3), так и лица, не менее года занимающего в пределах города на свое имя отдельную квартиру (ст. 38 п. 5)¹⁹. Редакция положения 1907 г. устанавливала следующие критерии отбора избирателей по квартирному цензу: лица, уплачивающие в пределах уезда не менее года квартирный налог (ст. 252 п. 3), а также лица, не менее года занимающие в пределах городских поселений уезда на свое имя отдельную квартиру (ст. 252 п. 5)²⁰.

¹⁵ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 41.

¹⁶ Там же. Ф. 32. Оп. 5. Д. 12374. Л. 13.

¹⁷ Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 22, 23.

¹⁸ Там же. Л. 39 об.

¹⁹ Положение о выборах в Государственную думу: с разъяснениями Правительствующего сената и Министерства внутренних дел, приложением циркуляров и инструкций министра внутренних дел, приложением циркуляров министра юстиции. СПб.: изд. М-ва внутренних дел, 1907. С. 41.

²⁰ Положение о выборах в Государственную думу: с разъяснениями Прав. сената, Мин. вн. дел, подробным предметным указателем и с приложением учреждений Госуд. совета, Госуд. думы и правил о рассмотрении госуд. росписи / сост. А.Л. Саатчиан. СПб.: Изд. юрид. Кн. магазина И. И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1912. С. 72–73.

Таким образом, в период выборов депутата в Государственную думу III созыва городские плательщики избирательного налога утрачивали избирательное право, если они не входили в состав лиц, занимающих на свое имя в течение года отдельную квартиру²¹.

Провизор Писаревский 11 августа 1905 г. сдал Мандельбергу квартиру сроком на два года и после отъезда последнего 28 февраля 1906 г. из Иркутска не лишил его права нанимателя, хотя временно предоставил помещение сначала родственнику Мандельберга (мужу сестры жены) – купцу Цукасову²², а затем, с 12 июня 1906 г., другому лицу – зубному врачу Марковичу, до возвращения Мандельберга²³. При формировании списков избирателей Писаревский показал, что жилье числится за Мандельбергом²⁴, и засвидетельствовал это нотариально²⁵, указав на факт физического отсутствия последнего в Иркутске²⁶. Таким образом, Мандельберг был абсолютно законно внесен в списки избирателей депутата Государственной думы II созыва как плательщик квартирного налога, что подтверждала квитанция казначейства от 3 мая 1906 г. об уплате квартирного налога за 1906 г. в сумме 33 руб.²⁷, внесенных Писаревским в отсутствие Мандельберга в Иркутске. Кроме того, в момент опубликования избирательных списков по г. Иркутску, 31 января 1906 г., Мандельберг не только юридически значился квартиронанимателем, но и фактически проживал в Иркутске, что подтверждается домоводной книгой²⁸. В связи с этим прокурор Иркутской судебной палаты не нашел нарушений избирательного ценза²⁹.

Это, однако, не оправдывало попустительство должностных лиц в отношении предъявленного Мандельбергу обвинения. Кроме того, решение генерал-губернатора о высылке Мандельберга в Якутскую область также не было учтено при составлении списков избирателей. Данное обстоятельство на основании Положения о выборах в Государственную думу запрещало участвовать в выборах. Сам генерал-губернатор А.Н. Селиванов в докладе от 7 ноября 1907 г. министру внутренних дел оправдывался, ссылаясь на «недостаток опыта, осмотрительности, неосведомленности и отсутствие административного опыта местных административных властей»³⁰.

При формировании списков избирателей в Государственную думу III созыва Мандельберг был вновь включен в них на основании нотариально заверенного подтверждения Писаревского³¹. Однако прокурор

²¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 40.

²² Там же. Л. 73–74.

²³ Там же. Л. 29, 74.

²⁴ Там же. Л. 29.

²⁵ Там же. Л. 20 об., 60.

²⁶ Там же. Л. 23.

²⁷ Там же. Д. 3271. Л. 72 об.

²⁸ Там же. Л. 20 об.

²⁹ Там же. Л. 41.

³⁰ Там же. Л. 74.

³¹ Там же. Л. 108.

Иркутской судебной палаты считал, что при действии нового избирательного закона от 3 июня 1907 г. Мандельберг, как занимавший квартиру фактически с 11 августа 1905 г. по 28 февраля 1906 г. (т.е. меньше года), по квартирному цензу включению в избирательный список не подлежит, в отличие от имевшихся у него прав как плательщика квартирного налога участвовать в выборах в соответствии с предыдущей редакцией избирательного закона от 1906 г. Все вышесказанное разъяснялось в письме прокурора генерал-губернатору от 29 октября 1907 г.³²

31 октября 1907 г. иркутский генерал-губернатор затребовал от иркутского губернатора подтверждение об исключении Мандельберга из избирательных списков³³, повторив аргументы прокурора Иркутской судебной палаты: «в настоящее время городские плательщики квартирного налога утратили избирательное право, если не имеют такого ... в качестве лиц, занимающих не менее года на свое имя отдельную квартиру»³⁴.

Еще раньше, 19 октября 1907 г., Иркутская уездная по выборам в Государственную думу комиссия постановила исключить Мандельберга из числа избирателей, но по другой причине. Поскольку он был привлечен к следствию по ст. 102 Уголовного уложения³⁵, иркутский губернатор в письме от 8 октября 1907 г. в Иркутскую уездную по выборам в Государственную думу комиссию указал на необходимость исключения Мандельберга из списка избирателей, затребовав при этом уведомить его об исполнении³⁶. Факт привлечения В.Е. Мандельберга в качестве обвиняемого подтверждается и секретным письмом иркутскому губернатору от прокурора Иркутского окружного суда, датированным 2 ноября 1907 г. В нем указывается на постановление судебного следователя Иркутского окружного суда от 30 октября 1907 г. о привлечении по делу о революционной деятельности различных мятежных организаций 16 чел., в том числе и В.Е. Мандельберга (под номером 16)³⁷.

Подлинно неизвестно, планировал ли сам Виктор Евсеевич участвовать в выборах в Государственную думу III созыва. Никаких указаний на это не содержат и мемуары самого Мандельберга, он лишь констатирует факт длительной эмиграции, начавшейся по прошествии нескольких дней после третьиюньского переворота [Мандельберг, 1910, с. 145]. Однако в фондах ГАИО обнаружен рапорт пристава 2-го стана Иркутского уезда А. Антипина от 8 января 1908 г., в котором пристав указывает на факт присутствия Мандельберга 7 января 1908 г. в театре Гиллера, где Виктор Евсеевич, по свидетельству пристава, имел разговор с помощником присяжного поверенного П.Д. Альфимова³⁸. На-

чальник Иркутского жандармского управления срочно секретно докладывал об этом генерал-губернатору А.Н. Селиванову 9 января 1908 г. с указанием на принятие мер к задержанию Мандельберга³⁹. Из этого следует, что Мандельберг, очевидно, возвращался в Иркутск в период избирательной кампании в Государственную думу III созыва, а уже после, спасаясь от преследования жандармов, вновь счастливо избежал ареста и эмигрировал за границу, о чем, однако, по каким-то причинам умолчал в своих воспоминаниях [Мандельберг, 1910].

Драматичнее оказались судьбы Писаревского и Цукасова, которых «в виду их политической неблагонадежности» на основании связей с В.Е. Мандельбергом выдворили из Иркутска в трехдневный срок по постановлению иркутского генерал-губернатора от 16 октября 1907 г., запретив пребывать в местностях, состоящих на военном положении и положении усиленной охраны⁴⁰.

Процедура выдворения указанных лиц находилась на особом контроле охранного отделения, о чем свидетельствует запрос его начальника иркутскому полицмейстеру от 1 ноября 1907 г. Согласно его запросу, требовалось предоставить сведения, «выбыли ли из Иркутска, когда и куда именно: иркутский купец М.М. Цукасов и провизор М.Г. Писаревский, подлежащие высылке отсюда на основании постановления генерал-губернатора»⁴¹.

Особенно болезненно эта мера сказалась на аптечном бизнесе Писаревского. Генерал-губернатор Селиванов считал, что Мандельберг имел в Иркутске квартиру «только для того, чтобы быть выборщиком и иметь возможность вновь попасть в депутаты»⁴², не проживая при этом в Иркутске на постоянной основе. По мнению генерал-губернатора, Писаревский и Цукасов не могли не знать о планах последнего, сохраняя за ним жилье, а следовательно, решение Селиванова об их выдворении из Иркутска более чем обосновано.

Проживая после выдворения из Иркутска в Москве, Писаревский многократно⁴³ подавал прошения на имя генерал-губернатора с просьбой разрешить вернуться в Иркутск, аргументируя свою невиновность тем, что соседство с доктором Мандельбергом было выгодно ему исключительно как аптекарю, «политическое его убеждения [Писаревского] не интересовали, знакомства с ним не водил»⁴⁴, кроме того, «глубоко раскаивался, что вообще пустил Мандельберга на квартиру»⁴⁵, «потому что никто не мог предвидеть последующих событий»⁴⁶. О себе в прошениях Писаревский заявлял, что политикой никогда

³² ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 40 об.

³³ Там же. Ф. 32. Оп. 4. Д. 37. Л. 101–101 об.

³⁴ Там же. Л. 100 об.

³⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 71.

³⁶ Там же. Ф. 32. Оп. 5. Д. 12374. Л. 19–19 об.

³⁷ Там же. Л. 126.

³⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 106.

³⁹ Там же. Л. 105.

⁴⁰ Там же. Л. 24.

⁴¹ Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2781. Л. 134–134 об.

⁴² Там же. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3271. Л. 24.35–35 об.

⁴³ Там же. Л. 107–107 об., 110–110 об., 123–123 об., 129–129 об.

⁴⁴ Там же. Л. 107.

⁴⁵ Там же. Л. 129 об.

⁴⁶ Там же. Л. 107.

не занимался и не является «самоубийцей», готовым содействовать избранию в депутаты социал-демократа – «разрушителя собственности и злейшего врага того порядка, при котором существую»⁴⁷. Каждое свое прошение М.Г. Писаревский заканчивал просьбой вернуться в Иркутск «к своей семье и делам, которые гибнут» без него⁴⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает значимость политической фигуры В.Е. Мандельберга в политическом процессе на территории Иркутской губернии в начале XX в. Обнаруженные источники демонстрируют усиление репрессивной политики имперской и губернской администрации в отношении социал-демократов. Под ее воздействием у Виктора Евсеевича не оставалось шансов на участие в легальной политической деятельности в качестве парламентария Государственной думы III созыва Российской империи.

Рассмотренный пример наглядно показывает практику применения избирательного закона Российской империи в редакции 3 июня 1907 г. в отношении одного из оппозиционных политиков начала XX в. Утрата Иркутском статуса города с правом избрания собственного депутата привела не только к сокращению представительства региона в парламенте. После «третьеиюньского переворота» региональные власти постарались минимизировать участие леворадикальных партий в избирательном процессе, вследствие чего и сосредоточили усилия на исключении В.Е. Мандельберга из избирательных списков.

Правительство старалось реагировать незамедлительно. Косвенно ответственность за деяния Мандельберга против верховной власти и «священной особы Императора» (обвинение по ст. 102 Уголовного уложения)⁴⁹ возлагалась властями не только на него самого, но и на представителей его окружения. Жертвами карательных мер региональной администрации стали люди, принявшие участие в обеспечении В.Е. Мандельберга жильем, а вследствие этого и в наделении правами избирателя по г. Иркутску. Это не отличавшийся «политической благонадежностью» купец Моисей Цукасов (родственник Мандельберга), а также «не ангажированный политически» Моисей Писаревский – известнейший в Иркутске провизор; оба они поплатились правом проживания в губернском центре за связи с нашим героем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блинов Н.В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. 214 с.

⁴⁷ Там же. Л. 129 об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. С. 42–43.

Иванов А.А. «Но если в партию сгрудились малые...»: оформление радикальных партий в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Государство, власть и общество: на материалах Иркутской губернии XIX – начала XX веков : кол. моногр. / науч. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 503–532.

Иванов А.А., Курас С.Л., Курас Т.Л. Ссылные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2021. № 71. С. 162–169.

Кудряшов В.В. Воспоминания В.Е. Мандельберга как исторический источник // Тр. Братск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. 2013. Т. 1. С. 129–133.

Кудряшов В.В. В.Е. Мандельберг и газета «Восточное обозрение» // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014а. № 3(17). С. 39–43.

Кудряшов В.В. В.Е. Мандельберг и газета «Иркутские дни» // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск, 2014б. С. 455–463.

Кудряшов В.В. Доктор медицины В.Е. Мандельберг // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 528–535.

Кудряшов В.В. Депутат II Государственной Думы Виктор Мандельберг // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 4. С. 121–127.

Кудряшов В.В. Виктор Мандельберг в Государственной Думе // Сибирская ссылка. 2017. Т. 8(20). С. 504–518.

Кудряшов В.В. Виктор Мандельберг: становление революционера // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4(34). С. 152–155.

Кудряшов В.В. Виктор Мандельберг на II съезде РСДРП // Сибирская ссылка: сб. стат. Иркутск, 2019. С. 367–381.

Макарчук С.В. В.Е. Мандельберг: к историографии сибирского этапа общественно-политической деятельности известного врача (конец XIX–первая четверть XX вв. // История медицины в Сибири: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 17–18 марта 2021 г.) / отв. ред. В.В. Шиллер, С.П. Звягин, З.В. Боровикова, А.В. Палин, Е.В. Бадаев. Кемерово: КемГМУ, 2021. С. 12–21.

Мандельберг В.Е. Из пережитого: воспоминания. Давос: Книгоиздательство «За рубежом», 1910. 145 с.

Мандельберг В.Е. // Государственная Дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348.

Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 383 с.

Родионов Ю.П. О «Сибирских фрагментах» воспоминаний В.Е. Мандельберга // Исторический ежегодник. Омск, 1996. С. 52–56.

REFERENCES

Blinov N.V. (1972). The spread of Marxism and the formation of social democratic organizations in Siberia. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 214 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2019). "But if small people crowded into the party ...": the formation of radical parties in the Irkutsk province in the late 19th – early 20th centuries. *Gosudarstvo, vlast' i obshchestvo: na materialakh Irkutskoy gubernii XIX – nachala XX vekov: kollektiv. monogr.* Irkutsk, pp. 503–532. (In Russ.)

Ivanov A.A., Kuras S.L., Kuras T.L. (2021). Exiled Jews in the political life of the Irkutsk province of the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 71, pp. 162–169. (In Russ.)

Kudryashov V.V. (2014a). V.E. Mandelberg and the newspaper "Vostochnoe obozrenie". *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 3, pp. 39–43. (In Russ.)

Kudryashov V.V. (2014b). V.E. Mandelberg and the newspaper "Irkutskiy dni". *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. Irkutsk, 2014. pp. 455–463. (In Russ.)

Kudryashov V.V. (2017). Viktor Mandelberg in the State Duma. *Sibirskaya ssylka: sb. nauch. stat.* Irkutsk, iss. 8, pp. 504–518. (In Russ.)

Kudryashov V.V. (2019). Viktor Mandelberg at the II Congress of the RSDLP. *Sibirskaya ssylka: sb. nauch. st.* Irkutsk, iss. 9, pp. 367–381. (In Russ.)

Kudryashov V.V. (2018). Viktor Mandelberg: the formation of a revolutionary. *Problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 4, pp. 152–155. (In Russ.)

Kudryashov V.V. (2013). Memoirs of V. E. Mandelberg as a historical source. *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye problemy razvitiya regionov Sibiri*, vol. 1, pp. 129–133. (In Russ.)

Kudryashov V.V. (2016). Viktor Mandelberg – the deputy of the Second State Duma. *Problemy sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 4, pp. 121–127. (In Russ.)

Kudryashov V.V. (2015). Doctor of medicine V.E. Mandelberg. *Irkutskiy istoriko-ehkonomicheskij ezhegodnik: 2015*. Irkutsk, pp. 528–535. (In Russ.)

Makarchuk S.V. (2021). V.E. Mandelberg: on the historiography of the Siberian stage of the socio-political activities of a famous doctor (late 19th – first quarter of the 20th centuries). *Istoriya meditsiny v Sibiri: materialy II Mezhdunar. nauch.–prakt. konf. (Kemerovo, 17–18 marta 2021 g.)*. Kemerovo, pp. 12–21. (In Russ.)

Mandelberg V.E. (1910). From the experiences: memories. Davos, Za rubezhom, 145 p. (In Russ.)

(2008). Mandelberg V.E. *Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii, 1906–1917: entsiklopediya*. Moscow, Ros. polit. entsikl., p. 348. (In Russ.)

Popov I.I. (1989). Forgotten Irkutsk pages: editor's notes. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 384 p. (In Russ.)

Rodionov Yu.P. (1996). On the “siberian fragments” of V.E. Mandelberg's memoirs. *Istoricheskiy ezhegodnik*. Omsk, pp. 52–56. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2024

Дата рецензирования 25.01.2024

Статья принята к публикации 15.02.2024

DOI: 10.15372/HSS20240114
УДК 94:331(47)"1931/1933"
EDN: SQCJSK

М.А. ФЕЛЬДМАН

УДАРНИЧЕСТВО В ПЕРИОД «МИНИ-РЕФОРМ»: ОТ АПОГЕЯ К ЗАБВЕНИЮ (1931–1933 гг.)

Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
РФ, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66

В статье рассматривается второй этап социалистического соревнования (1931–1933 гг.), связанный с появлением в январе 1931 г. первых ударных хозрасчетных бригад. Отмечается усиленное внимание руководства СССР к попытке обновить движение ударных бригад в качестве новой «высшей ступени социалистического соревнования». Серьезным препятствием на пути внедрения хозрасчета и хозрасчетных отношений стало состояние нормирования на промышленных предприятиях. Однако главная проблема заключалась в том, что подлинный хозрасчет на уровне участка, цеха, предприятия, треста и отрасли предполагал полную ответственность за качество продукции вплоть до закрытия или перепрофилирования нерентабельного производства. Мифический рост численности ударников и ударных бригад, а с 1931 г. – хозрасчетных бригад – свидетельствовал о глубине расхождения пропагандистской и реальной картины в промышленности. Окончательное осознание неэффективности ударничества пришло к руководству СССР на XVII съезде партии в феврале 1934 г., где тема движения ударных бригад практически не поднималась.

Ключевые слова: ударничество, рабочие, промышленность, партия, Советский Союз, ударные бригады, хозрасчет, социалистическое соревнование.

M.A. FELDMAN

SHOCK WORK MOVEMENT IN THE PERIOD OF “MINI-REFORMS”: FROM APOGEE TO OBLIVION (1931–1933)

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
66, 8-th of March Str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation

The article considers the second stage of socialist competition (1931–1933), associated with the emergence of the first shock self-financing brigades, which occurred in January 1931. There is increased attention of the leadership of the USSR to an attempt to update the movement of shock brigades as a new “highest stage of socialist competition”. The Supreme Economic Council of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions adopted a special resolution that determined the organizational structure of self-financing brigades. For each self-financing brigade, a production task was submitted – a work order, which determined quantitative and qualitative indicators, specific standards of labor productivity and overhead costs. However, the article notes a repetition of the mistake that was characteristic of the deployment of the shock brigade movement in 1929–1930 – a bet on the maximum possible coverage of workers with the next form of “socialist competition”. The mechanism of social mobilization again worked in isolation from the real possibilities of the economy and workers’ society. The rationing at industrial enterprises became a serious obstacle to the introduction of self-financing and self-financing relations. However, the main problem was that genuine self-financing at the level of a site, workshop, enterprise, trust and branch of production implied full responsibility for the quality of products, up to the closure or re-profiling of unprofitable production. This contradicted the foundations of the Soviet economy, which was oriented toward quantitative indicators and isolation from the consumer, veiled by the myth of a “break even national economy”. The mythical increase in the number of shock workers and shock brigades, and since 1931 – self-financing brigades, testified to the depth of the discrepancy between the propaganda and the real picture of what was happening in industry. The final realization of the ineffectiveness of the shock work movement came to the leadership of the USSR at the January (1933) Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Seventeenth Party Congress in February 1934, the participants of which did not practically raise the topic of the movement of shock brigades.

Key words: shock work, workers, industry, party, Soviet Union, shock brigades, self-financing, socialist competition.

Михаил Аркадьевич Фельдман – д-р ист. наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, e-mail: feldman-mih@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9825-6650>.

Mikhail A. Feldman – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

**АПОГЕЙ УДАРНИЧЕСТВА:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1930–1931 ГГ.**

Своеобразная оценка феномена ударничества на XVI съезде ВКП(б), усиленная жесткой оценкой реального положения в экономике на декабрьском (1930 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) в выступлениях В.В. Куйбышева, Г.И. Ломова, Г.Ф. Гринько, других членов ЦК¹, предопределила вектор последующих действий со стороны партийных организаций: сохраняя формально сведения о «широком» распространении движения ударников, основные усилия направляются на его обновление. Особое внимание уделяется приспособлению движения к особенностям периода «миниреформ» – делаются попытки хотя бы частично вернуться к рациональным методам ведения дел в экономике в период нэпа, отсчет которых историки начинают с проведения (30 января – 4 февраля 1931 г.) Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей представителей ВСНХ и директорского корпуса, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных структур [Хлевнюк, 2010, с. 113].

Было очевидно, что завеса мифологии о триумфах советской экономики, подвигах ударников постоянно разрывалась конкретной информацией о качестве продукции и состоянии хозрасчетных отношений. Критика экономической политики со стороны директорского корпуса, прежде всего руководителей предприятий тяжелой промышленности, прозвучавшая зимой 1931 г. на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности [Первая Всесоюзная, 1931, с. 23–24; 31–34], представляла собой, даже в сглаженном формате, своеобразную форму социального протеста.

Возникшая в результате «мини-реформ» в 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине (и после него) «постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в “командно-административной” модели: деньги играли значительную, хотя и подчиненную роль в советском государственном социализме, а “экономический учет” ставился как вспомогательная цель для каждой экономической единицы. Труд контролировался не только административными приказами, но и посредством стимулирования заработной платы; существовал “квазирынок” для труда» [Davies, 1996, 1973, р. XV]. В конечном итоге основой курса «мини-реформ» являлось признание значимости личного интереса, важности материальных стимулов к труду. Советским людям, прежде всего горожанам, в качестве перспективы предлагался вполне осязаемый набор потребительских благ: комната, мебель, одежда, сносное питание, возможности более разнообразного досуга [Хлевнюк, 2016, с. 179–180].

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф.17. ОП.2. Д.459.Л.18–25. Материалы пленума не публиковались

С начала 1931 г. ударные бригады трансформировались в **хозрасчетные**, официально нацеленные на «введение смет расходования материалов при выполнении конкретных производственных заданий. Повсеместный характер такого процесса, выход большими тиражами популярных брошюр: «Как организовать хозрасчет в бригаде», «Бригада на хозрасчете» и других. [Рогачевская, 1977, с. 113], свидетельствовали о наличии соответствующих партийных директив.

На протяжении 1931 г., казалось, осуществлялся процесс более трезвого понимания руководством Советского государства социально-экономических реалий. Показательно выступление И.В. Сталина на Совещании представителей угольной промышленности 13 мая 1931 г. «Наша социалистическая промышленность рискует остаться без рабочего (!)», – заявил генеральный секретарь ЦК ВКП(б). «В городах у нас плохо кормят – это факт». Советские «рабочие стали разборчивее», требуя достойной оплаты и условий проживания. «В духе критики партийных органов на местах звучали слова: «резолюции принимаются правильные, а все идет по-старому»².

Однако Сталин-практик зачастую расходился со Сталиным-теоретиком. Если в речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Сталин признал, что «благодаря бесхозяйственному ведению дела, принципы хозрасчета оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов» [Речь, 1951], то свое собственное отношение к принципам хозяйствования вождь выразил в письме Л.М. Кагановичу от 6 августа 1931 г., потребовав «буржуазный подход к вопросу о рентабельности – расклевывать» [Сталин и Каганович, 2001, с. 37].

**НОВЫЙ ЭТАП
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ –
ХОЗРАСЧЕТНЫЕ БРИГАДЫ**

Новый этап социалистического соревнования формально связан с появлением в январе 1931 г. первой ударной хозрасчетной бригады на Ленинградском машиностроительном заводе им. Ленина, фактически – с попыткой преодоления повсеместного выпуска бракованной продукции [Социалистическое соревнование, 1973, с. 96]. 11 сентября 1931 г. ВСНХ СССР и ВЦСПС приняли специальное постановление, в котором определялись организационная структура хозрасчетных бригад и порядок их работы. Для каждой хозрасчетной бригады доводилось производственное задание-наряд, в котором указывались количественные и качественные показатели, конкретные нормы производительности труда, накладных расходов. На основе полученного наряда хозрасчетная бригада заключала с администрацией цеха договор, в котором выдвигались

² РГА СПИ. Ф.558 (Фонд Сталина). Оп. 11. Д. 1115. Л. 3, 18, 21, 22, 26.

гались встречные производственные обязательства и требования к администрации о своевременном снабжении рабочих бригад материалами, сырьем и инструментами. От 20 до 60 % достигнутой бригадой экономии ежемесячно выплачивалось рабочим хозрасчетной бригады в качестве премии [Остапенко, 1964, с. 157].

Дальнейшая детализация задания-подряда хозрасчетной бригады приводила к включению в обязательства участие каждого члена бригады в системе технической учебы; полное устранение прогулов и опозданий; кроме того, утверждалась калькуляция расходуемых сырья и материалов, используемых инструментов и оборудования. Администрация брала обязательство не допускать переброски членов бригады на другие участки [Малинин, 1932, с. 24].

В выступлении Н.М. Шверника с отчетом ВЦСПС на Девятом съезде профсоюзов (21 апреля 1932 г.) хозрасчетные бригады характеризовались в качестве «высшей ступени социалистического соревнования». Сила же хозрасчетных бригад, по оценке секретаря ВЦСПС, заключалась в том, что они «сочетали социалистическое соревнование и ударничество с материальной заинтересованностью», а массовость участников – 150 тыс. хозрасчетных бригад с 1,5 млн участниками на 1 апреля 1932 г. – должна была свидетельствовать о глубине поддержки рабочего класса дела социализма [Девятый Всесоюзный..., 1933, с. 70–71]. Заметим, что Шверник привел более «скромные» показатели развития хозрасчетных бригад: в газете «Правда» за 12 апреля 1932 г. говорилось о 155 тыс. хозрасчетных бригад с 1,5 млн рабочих *только в 22 областях СССР*³.

Количество предприятий и цехов «сплошного хозрасчета» неуклонно росло. Так, в Ленинградской области 70 % промышленных рабочих было охвачено хозрасчетными бригадами, как утверждал журнал «Вопросы труда» в мае 1932 г., не замечая, что повторяется ошибка, характерная для развертывания движения ударных бригад в 1929–1930 гг. – ставка на максимально возможный охват рабочих очередной формой «социалистического соревнования». *Механизм социальной мобилизации вновь сработал в отрыве от реальных возможностей и экономики, и рабочего социума.*

Судя по официальным источникам, «высшая ступень социалистического соревнования» неуклонно прогрессировала, и в конце 1932 г. в СССР имелось уже 200 тыс. хозрасчетных бригад, охвативших 40 % рабочих ценовой промышленности, т.е. около 2,5 млн чел.⁴ Однако, как и в случае с первым этапом ударничества (движением ударных бригад), несмотря на примеры отдельных успехов хозрасчетных бригад, в целом движение по созданию хозрасчетных бригад было обречено: декларируемые хозрасчетные отношения в СССР не вписывались в существующую экономическую систему. Показательно в этом

отношении выступление председателя ВСНХ (в ноябре 1930 г.) Г.К. Орджоникидзе на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 30 января 1931 г., который отметил «бесхозяйственное отношение к расходованию сырья и материалов, ставшее подлинным бедствием для советской экономики. Причина такого явления заключалась в том, что хозрасчет в промышленности и в строительстве существовал только “на бумаге” [Первая Всесоюзная..., 1931, с. 12].

Мнение председателя ВСНХ поддержало большинство выступавших, отметивших отсутствие в промышленности и строительстве подлинного хозрасчета. Пожалуй, наиболее отчетливо эта мысль прозвучала из уст директора АМО И.А. Лихачева: «Хозрасчета у нас нет. Оборотных средств нам не дают. Бюджет часто составляется липовый» [Первая Всесоюзная..., 1931, с. 33].

Спустя год, 30 января 1932 г., выступая с докладом на XVII конференции ВКП (б), Г.К. Орджоникидзе вновь констатировал: «...на протяжении последних лет хозрасчет у нас почти полностью пропал [XVII конференция..., 1932, с. 19]. Тем самым представитель высшего партийно-государственного руководства страны, более других внесший вклад в реализацию пятилетнего плана, признал, что многочисленные решения и постановления ЦК и СНК о внедрении хозрасчета не дали никаких результатов. Редкий случай в советской историографии – в весьма сдержанной форме, но тем не менее открыто признавалось отсутствие хозрасчета в промышленности: «после 1932 г. число хозрасчетных бригад стало по ряду причин сокращаться, и прежде всего потому, что их деятельность сковывалась отсутствием подлинного хозрасчета в цехах и на предприятиях» [Социалистическое соревнование..., 1973, с. 99].

Серьезным препятствием на пути внедрения хозрасчета и хозрасчетных отношений стало состояние нормирования на промышленных предприятиях. По обобщающей оценке Наркомата труда (октябрь 1931 г.), «на большинстве предприятий технико-нормировочная работа находится в зачаточном состоянии, что объясняется недооценкой этой работы хозорганами и слабостью технико-нормировочного аппарата»⁵. Установление норм выработки «на глазок» приводило к повсеместной легкости перевыполнения норм рабочими.

В начале 1930-х гг. в экономике СССР сохранялись инфляционные тенденции. Следствием этого наряду с расстройством рынка стал стремительный рост цен на продукты и товары. Согласно официальным данным, собранным Госпланом, в период первой пятилетки, номинальная заработная плата рабочих и слу-

³ Правда. 1930. 12 апр.

⁴ Труд. 1933. 1 янв.

⁵ Из докладной записки коллегии Наркомтруда СССР в Совнарком СССР об организации труда и системе заработной платы. (Не ранее 29 октября 1931) // История индустриализации СССР. 1929–1932. Проект «Исторические материалы». URL: <https://istmat.org/>.

жащих выросла на 126 %. В это же время индекс цен в государственной и кооперативной торговле вырос на 155 %. Другими словами, реальная заработная плата в 1932 г. составляла 88,6 % от уровня 1928 г. [Малофеев, 1964, с. 174]. Однако, по современным оценкам, индекс розничных цен вырос в 1928–1932 гг. в 2,5 раза [Русский рубль, 1994, с. 235] т.е. вдвое быстрее, чем заработная плата. Это означало, что реальная заработная плата в 1932 г. составляла 56 % от уровня 1928 г. По другим оценкам, реальная заработная плата занятых в промышленности за годы первой пятилетки снизилась от 30 до 50 %. Провал постиг все социальные программы первой пятилетки [Davies, 1996, p. 479].

СНК СССР и наркоматы неоднократно принимали постановления, фактически сводящие к минимуму премиальные средства. Например, в феврале 1931 г. постановлением ЦИК и СНК было запрещено выплачивать премию чаще одного раза в месяц [СУ СССР, 1931, № 81, ст. 493]. В результате, например, в Уральской области за перевыполнение производственной программы в 1932 г. было премировано всего лишь 32 рабочих на сумму 1840 руб., в 1933 г. – 269 рабочих на сумму 20 845 руб. [Хозяйственное и культурное, 1934, с. 170]. «С премированием соцсоревнования дело обстоит не совсем благополучно», – признал в докладе ВЦСПС на XVI съезде ВКП(б) Н.М. Шверник [XVI съезд, 1935, с. 651]. Фактическое игнорирование роли материального стимулирования рабочих пагубно сказывалось на попытках реанимировать ударничество.

Многочисленные попытки директивным образом ввести хозрасчет и рациональное расходование денежных средств ни на уровне наркоматов, ни на предприятиях не увенчались успехом. В банковской сфере, поскольку выдачи средств банками происходили автоматически независимо от хода реализации плана и качества произведенных работ, государственная политика только внешне носила централизованный характер. На самом деле наркоматы и экономические ведомства слабо контролировали ситуацию. В инфляционных условиях 1930 – 1931 гг. денежное стимулирование за счет дифференцированной заработной платы и премий приобрело второстепенное значение. На первый план вышли распределение одежды и обуви, усиленные пайки и дополнительные отпуска, выделение жилья в улучшенных бараках [Davies, 1996, p. 49, 52, 53]. Подобное состояние «хозрасчетных» отношений в СССР позволяет понять, почему после описания «эпических» успехов движения хозрасчетных бригад историки советской поры бесстрастно сообщали: «с 1933 г. движение по созданию хозрасчетных бригад пошло на убыль» [Рогачевская, 1977, с. 117].

Только в подстрочнике к тексту в т. 2 «Истории советского рабочего класса» (в 6 т.) отмечалось: движение хозрасчетных бригад пошло на убыль, поскольку «отсутствие подлинного хозрасчета цехов и предприятий существенно снижало эффективность хозрасчета бригад» [История советского ..., 1984, с. 457]. Удивительно точными бывали подстрочники в советскую эпоху!

Проблема заключалась еще в том, что подлинный хозрасчет на уровне участка, цеха, предприятия, треста и отрасли предполагал полную ответственность за качество продукции, вплоть до закрытия или перепрофилирования нерентабельного производства. Но это противоречило основам советской экономики, ориентированной на количественные показатели и оторванной от потребителя, что было завуалировано мифом о «безубыточном народном хозяйстве». Мифический рост численности ударников и ударных бригад, а с 1931 г. – хозрасчетных бригад – свидетельствовал о глубине расхождения пропагандистской и реальной картины в промышленности.

Очередная попытка реанимировать социалистическое соревнование в 1933–1934 гг. вылилась в движение «отличников» – рабочих, стремившихся трудиться без брака, выдавать отличную продукцию [История советского..., 1984, т. 2, с. 280]. Инициаторов движения «отличников» не смущало, что под видом «социалистического соревнования» скрывалось только добросовестное выполнение рабочими своих обязанностей. Приводимые в советской литературе статистические данные были вполне однозначными: на 1 января 1935 г. «отличников» среди всех рабочих насчитывалось всего 2,8 % (!), а среди ударников – немногим больше – 6,7 %. [История советского..., 1984, т. 2, с. 281]. Пожалуй, трудно найти сведения, более четко характеризующие утопичность ставки на «социалистическое соревнование», как и надежды на «кизотовское движение», основанное на спорадической передаче опыта кадровых рабочих молодым работникам.

Ухудшение материально-бытовых условий жизни рабочих в годы первой пятилетки, доминирование карточной системы, низкая оплата труда [Иванов, 1998] вызывали метания огромных масс рабочих в поисках лучшей доли. Высокие показатели текучести рабочих кадров в 1930–1933 гг. стали явным индикатором подлинного отношения рабочих к ударничеству. Так, в 1930–1931 гг. текучесть на предприятиях в промышленности СССР превышала 100 % от среднесписочного состава⁶. Рабочий социум в годы первой пятилетки явно не выглядел послушным, управляемым по приказу и принуждению.

Анализ статистических данных свидетельствует, что ударным бригадам не удалось решить проблему и укрепления трудовой дисциплины, первоначально стоявшую перед движением ударников. О степени социальной апатии, растерянности, охватившей массы рабочих-партийцев, в том числе ударников, говорит такой факт: в ходе партийной «чистки» в 1933 г. половину из числа исключенных «за пассивность» составляли рабочие [Гордон, 1989, с. 176]. Недовольство Сталина и его ближайшего окружения проявилось в ликвидации Наркомата труда в июне 1933 г., в прекращении выхода журналов, освещавших положение рабочих

⁶ Докладная записка Управления снабжения кадрами Наркомтруда СССР в коллегию наркомата об обеспечении народного хозяйства рабочей силой // История индустриализации СССР...

СССР (например, в 1933 г. были закрыты «Вопросы труда»). Не было общесоюзного журнала, который постоянно освещал бы проблемы ударничества; кратковременным оказалось издание региональных журналов указанной направленности (например, «Ударник Урала» выпускался только в 1931–1932 гг.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Движение ударников в советской промышленности – одно из наиболее ярких событий первой пятилетки в СССР. Миф о «небывалом подъеме политической и производственной активности рабочего класса» на долгие десятилетия стал основополагающим в формировании картины создания «социалистического общества».

Судьба первого этапа ударничества стала частью «Великого перелома», фрагментом форсированной индустриализации, разделив вместе с ними место в пропагандистской доктрине о построении «фундамента социализма», а затем и в кризисе политики «бешеных темпов». Ставка на усиленную интенсификацию труда промышленных рабочих без материального стимулирования и системного повышения производственно-технической подготовки обернулась высокой текучестью кадров на предприятиях индустрии в 1930–1931 гг., фактически бегством советских граждан в поиске лучшей доли.

Судьба второго этапа ударничества, став частью «периода мини-реформ», оказалась в зависимости от эффективности системы стимулирования труда на предприятиях промышленности, в экономике СССР в целом. Крах движения ударных бригад не смогли предотвратить ни массовый прием ударников в ряды ВКП(б), ни выборочное премирование «лучших» ударников предметами одежды и обуви. При отсутствии подлинных хозрасчетных отношений аналогичная судьба ожидала и так называемые хозрасчетные бригады. Отторжение движения ударников стало проявлением рабочим социумом собственного понимания социальных проблем. Если административное насаждение ударных бригад дискредитировало движение, то девальвация заработков – лишила его смысла.

Осознание неэффективности ударничества пришло к руководству СССР на январском (1933) Пленуме ЦК ВКП(б) и XVII съезде партии в феврале 1934 г., где тема движения ударных бригад практически не поднималась. Лидеры Советского государства, включая Сталина, в 1933–1934 гг. пришли к выводу о том, что ситуацию могли изменить только последовательные меры по улучшению жизни рабочих; общегосударственная программа обязательного технического обучения всех рабочих советской индустрии; признание значимости личного интереса, важности материальных стимулов к труду. Реализация этих мер привела к временной стабилизации положения в экономике. Однако миф о возможности за счет «скачка» стать в военном и экономическом отношении первой мировой держа-

вой сохранялся в сознании Сталина и его ближайших соратников и нашел свое выражение в 1935 г. в стахановском движении.

Часть ударников осознала необходимость продолжения профессионально-технической подготовки в различных стационарных учебных заведениях и выбрала дорогу к повышению квалификации. Органы государственной власти содействовали такому порыву. Но это уже тема иного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат. 1989. 319 с.
- Девятый Всесоюзный съезд профессиональных союзов СССР: стеногр. отчет. М.: Профиздат, 1933.
- Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопр. истории. 1998. № 5. С. 28–43.
- История советского рабочего класса: в 6 т. / гл. ред. С.С. Хромов. М.: Наука, 1984. Т. 2: Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 гг. 511 с.
- И. Заромский. Производственные коллективы – новая форма организации труда // Вопр. труда. 1930. № 4. С. 18–29.
- Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. (1917–1963 гг.). М.: Мысль. 1964. 439 с.
- Малинин О., Нодельштейн Л. Бригадный хозрасчет в швейной промышленности // Вопр. труда. 1932. № 10. С. 24–31.
- Материалы к отчету ВЦСПС. IX съезду профсоюзов. М.: Профиздат. 1932. 230 с.
- Остапенко И.П. Участие рабочего класса СССР в управлении производством. 1921–1932 М.: Наука. 1964. 208 с.
- Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: стеногр. отчет. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 251 с.
- Речь Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. литературы. 1951. Т. 13. С. 51–80.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
- Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки 1917–1970 гг. М.: Наука. 1977. 352 с.
- Русский рубль: Два века истории. XIX–XX вв. М., Прогресс-Академия. 1994. 323 с.
- Социалистическое соревнование в промышленности СССР. М.: Профиздат. 1973. 368 с.
- XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): стеногр. отчет. М.: Политиздат. 1932. 396 с.
- Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.
- Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ; Corpus, 2016. 464 с.
- Хозяйственное и культурное строительство на Урале / Урал к XVII съезду ВКП(б). – Свердловск: Уралплан, 1934. 209 с.
- Юдин И.Н. Социальная основа КПСС. М.: Политиздат. 1973. 295 с.
- Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London, 1996.
- XVI съезд: стеногр. отчет. М.: Партиздат. 1935. Т. 1. 781 с.

REFERENCES

- Davies R.W. (1996). The industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and progress in the Soviet economy, 1931–1933. Macmillan Press, 612 p.
- (1934). Economic and cultural construction in the Urals. Sverdlovsk, Uralplan, 209 p. (In Russ.)

Gordon L.A., Klopov E.V. (1989). What was it? Reflections on the prerequisites and outcomes of what happened to us in the 30s–40s. Moscow, Politizdat, 319 p. (In Russ.)

(1933). Ninth All-Union Congress of Trade Unions of the USSR: verbatim report. Moscow, Profizdat, 732 p. (In Russ.)

Ivanov Yu.M. (1998). The position of the workers of Russia in the 20s – early 30s. *Voprosy istorii*, no. 5, p. 28–43. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2010). Master of the house. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship. Moscow, ROSSPEN, 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (2016). Stalin. The life of one leader: biography. Moscow, Corpus (AST), 464 p. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. (ed.) [et al.] (1984). The history of the Soviet working class. In 6 vols. Vol. 2. The working class as the leading force in the construction of a socialist society, 1921–1937. Moscow, Nauka, 511 p. (In Russ.)

Ostapenko I.P. (1964). Participation of the working class of the USSR in production management. 1921–1932. Moscow, Nauka, 208 p. (In Russ.)

Malinin O., Nodelstein L. (1932). Brigade self-accounting in the garment industry. *Voprosy truda*, no. 10, pp. 24–31. (In Russ.)

Malafeev A.N. (1964). The history of pricing in the USSR. (1917–1963). Moscow, Mysl', 439 p. (In Russ.)

(1932). Materials for the report of the All-Union Central Council of Trade Unions (VTsSPS). IX Congress of Trade Unions. Moscow, Profizdat, 230 p. (In Russ.)

Rogachevskaya L.S. (1977). Socialist competition in the USSR: historical essays, 1917–1970. Moscow, Nauka, 352 p. (In Russ.)

(1973). Socialist competition in the industry of the USSR. Moscow, Profizdat, 368 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. (comp.) [et al.] (2001). Stalin and Kaganovich. Correspondence, 1931–1936. Moscow, ROSSPEN, 797 p. (In Russ.)

Stalin I.V. (1951). New situation – new tasks of economic construction: speech at the meeting of business executives on June 23, 1931. *Sochineniya*. Moscow, vol. 13, pp. 51–80. (In Russ.)

(1932). The XVII Conference of the All-Union Communist Party (b): verbatim report. Moscow, Partynoe izd-vo, 396 p. (In Russ.)

(1931). The first All-Union Conference of Workers of Socialist Industry: verbatim report: from 30 Jan. to 5 Feb. 1931. Moscow, Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo, 251 p. (In Russ.)

(1994). The Russian ruble. Two centuries of history, XIX–XX centuries. Moscow, Progress-Akademiya, 323 p. (In Russ.)

Yudin I.N. (1973). The social basis of the CPSU. Moscow, Politizdat, 295 p. (In Russ.)

Zaromsky I. (1930). Production collectives – a new form of labor organization. *Voprosy truda*, no. 4, pp. 18–29. (In Russ.)

(1935). XVI All-Russian Congress of Soviets, January 15–23, 1935: (verbatim report). Moscow, VTsIK, [708] p. pag. var. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.08.2023

Дата рецензирования 12.10.2023

Статья принята к публикации 29.01.2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20240115

УДК 027.021:061.12(571.1/.5)

EDN: TAGEZY

Т.В. ДЕРГИЛЕВА

СОТРУДНИЧЕСТВО БИБЛИОТЕК УЧРЕЖДЕНИЙ НАУКИ СИБИРИ В XXI в.*

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

Статья посвящена методической деятельности центральных библиотек Российской Федерации, реализуемой ими более 100 лет. Проведенный анализ методических функций, форм и приемов работы центральных библиотек позволил раскрыть их трансформирование под воздействием политических, экономических и социальных реформ, оказывающих существенное влияние на библиотечное дело России. Показана роль методического центра – Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН в развитии ведомственной библиотечной системы, децентрализация которой потребовала поиска новых форм взаимодействия. Цель исследования – определить эффективный формат сотрудничества библиотек учреждений науки в XXI в. Исследование основано на общенаучных и специально-исторических методах.

Ключевые слова: библиотечные системы, методическое руководство, библиотеки учреждений науки, методическое обеспечение, ассоциация.

T.V. DERGILEVA

COOPERATION OF LIBRARIES OF SIBERIAN SCIENTIFIC INSTITUTIONS IN THE XXI CENTURY

State Public Scientific and Technological Library SB RAS,
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The article is devoted to the methodological activities of the central libraries (CL) of library systems of the Russian Federation. The author considers the influence of the state cultural policy on the development of forms of interaction between departmental libraries. The study substantiates that the 70–80s of the 20th century were the most fruitful period of methodological guidance of the activities of the CL of library systems, but the administrative and command style of management in the country contributed to its transition into a controlling type of activity. Numerous resolutions of the government and the Ministry of Culture of the USSR entrusted the CL with responsibility for librarianship in the country. Democratic changes in society and changes in the legal situation in the field of culture contributed to abolition of the administrative and managerial functions of the CL. The centralization of library systems, the formation of scientific directions in librarianship, and the introduction of information technologies led to the interaction of libraries on mutually beneficial terms. The article shows the leading role of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS) as a methodological center in the formation and development of the libraries of scientific institutions of the SB RAS. The interaction of the libraries of the SB RAS was carried out on the basis of methodological and educational activities, as well as centralized technological processes that the SPSTL SB RAS performed since the opening of the libraries of scientific institutions

*Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Научная библиотека региона в условиях меняющейся научно-образовательной среды», № 122041100189-3.

Татьяна Владиславовна Дергилева – канд. пед. наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: dergileva@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9864-2209>.

Tatyana V. Dergileva – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, State Public Scientific and Technical Library of the SB RAS.

until 2013. The study revealed the problems of the most libraries that arose as a result of decentralization of the library system of the SB RAS. The author argues that combining the efforts of research institutions of the SB RAS in the format of the Siberian Association of Academic Libraries (SAAL) will allow, on a legislative basis, to increase the efficiency of information support for scientific research and preserve the library potential of the SB RAS. The Association was registered by the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation in the Novosibirsk region. The source base comprises legislative documents of the Russian Federation, professional sources of information, including Internet resources.

Key words: library systems, methodological guidance, libraries of scientific institutions, methodological support, association.

ВВЕДЕНИЕ

Методическое направление деятельности центральных библиотек (ЦБ) России получило бурное развитие в 1920-х гг. На федеральные, республиканские, краевые и областные библиотеки было возложено методическое руководство деятельностью отраслевых и ведомственных библиотечных сетей. Появление методического направления в деятельности ЦБ было вызвано малочисленностью квалифицированных кадров в ведомственных библиотеках. На специалистов ЦБ возлагалось оказание дифференцированной помощи библиотекарям в зависимости от их опыта работы и образования. Методисты осуществляли переподготовку и повышение квалификации библиотечных работников, при этом уделялось особое внимание самообразованию библиотекарей [Ванеев, 1976, с. 54–67]. Таким образом, образовательная функция положила начало развитию и других функций центральных библиотек, появление которых происходило под воздействием административно-командного стиля управления в стране на библиотечное дело в РФ. Демократические перемены в обществе, формирование научных направлений в библиотечном деле, централизация и децентрализация библиотечных систем, внедрение информационных технологий способствовали формированию взаимодействия ЦБ с ведомственными библиотеками на добровольных и взаимовыгодных условиях.

Реформирование РАН, децентрализация библиотечной системы Сибирского отделения РАН в XXI в. и связанные с ними деструктивные процессы в библиотеках научных учреждений потребовали от специалистов методического центра – Государственной публичной научно-технической библиотеки (ГПНТБ) СО РАН – создания «Сибирской ассоциации академических библиотек» (СААБ). Объединенные усилия учреждений СО РАН в рамках ассоциации позволят на законодательной основе продолжать сотрудничество научных библиотек в целях сохранения и развития библиотечного потенциала, совершенствования системы информационного обеспечения сибирской науки.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В XX В.

Методическое руководство ЦБ в 1970–1980-х гг. было направлено на централизацию деятельности библиотек, целью которого являлось повышение уровня обслуживания читателей и оплаты труда библиотечных сотрудников, зависящей от статистических показателей работы библиотек. Этот продуктивный период научно-методической деятельности характеризуется созданием и внедрением библиотечно-библиографической классификации, совершенствованием справочно-библиографического аппарата библиотек, организацией единой в стране системы межби-

блиотечного абонементов, депозитарного хранения и учета фондов, стандартизации процессов и терминосистемы библиотечного дела. Немаловажное значение придавалось научной организации труда, унификации нормативных показателей и механизации библиотечных процессов. Совершенствовалась и сама система методического руководства деятельностью сетевых библиотек, так как она являлась предметом постоянного изучения и анализа известных библиотечников страны.

Авторы многих публикаций о методической деятельности ЦБ [Басов, 1990; Бачалдин, 1980; Ванеев, 1976; Матлина, 1989; Столяров, 1997; Суслова, 1998; Фирсов, 1990, 1998 и др.] определили 1970–1980-е гг. наиболее плодотворным периодом. Для тех лет было свойственно распространение множества инструктивно-методических документов, регламентирующих все библиотечные процессы. Большое внимание оказывалось планированию и отчетности библиотек, а постановления ЦК КПСС и Министерства культуры СССР способствовали превращению ее в контролирующий вид деятельности. Так, постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.) обязывало ЦБ участвовать в проведении централизации библиотечных систем, что привело к разработке новых «инструктивных документов, регламентирующих деятельность библиотек» [Руководящие материалы... 1982, с. 25–30]. В результате централизации ЦБ было передано еще больше полномочий в управлении и методическом руководстве библиотеками. Очередное постановление «О совершенствовании организационно-методического руководства библиотеками РСФСР» (1979 г.) предписывало ЦБ контролировать, анализировать и оценивать эффективность работы ведомственных библиотек, подготовленные на этом основании решения утверждались органами управления. Постановление Министерства культуры СССР «Основные направления развития библиотечного дела в стране на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г.» окончательно возложило на ЦБ ответственность за состояние библиотечного дела в стране [Руководящие материалы... 1982, с. 31–36].

Исполнение указаний Министерства культуры СССР реализовывалось контролем ЦБ и инспекторскими проверками, а мероприятия по повышению квалификации нередко использовались для обсуждения библиотекарей, не осваивающих те или иные рекомендации, завышенные требования предъявлялись и к отчетности библиотек [Матлина, 1989, с. 42]. Следовательно, административно-командный стиль управления в стране в те годы не способствовал развитию творческой инициативы библиотекарей, введению новых форм обслуживания и содержания их работы [Фирсов, 1990, с. 10].

В конце 1980-х гг. общая иерархическая система управления в стране подверглась осуждению, а в профессиональных публикациях развернулась дискуссия, положившая начало пересмотру содержания методической работы ЦБ. Постановление Министерства культуры СССР № 84 «О создании нормативной базы для перехода органов и учреждений культуры на новые условия хозяйствования» (06.09.1989 г.) предоставило ведомственным библиотекам право решать многие вопросы самостоятельно: организовывать структуру библиотеки, формировать штаты, планировать работу, распределять бюджет и регулировать оплату труда сотрудников. Таким образом, демократизация общества и изменение правовой ситуации в сфере культуры способствовали отмене административно-управленческих функций ЦБ. В последующие 1990-е гг. произошел переход от методического руководства, строго регламентирующего деятельность библиотек, к более демократичному взаимодействию – научно-методическому обеспечению всех направлений работы ведомственных библиотек. При отсутствии административно-управленческой функции ЦБ получили развитие исследовательский, аналитический, инновационный, информационный и консалтинговый виды деятельности, свойственные большинству крупных библиотек во многих странах мира [Фирсов, 1998, с. 36–38].

СОТРУДНИЧЕСТВО БИБЛИОТЕК УЧРЕЖДЕНИЙ НАУКИ СО РАН

Государственная культурная политика, административное давление Министерства культуры СССР, а также соответствующие распоряжения Президиума СО РАН оказывали непосредственное влияние и на взаимодействие ГПНТБ СО РАН – методического центра – с библиотеками НИУ СО РАН. Так, например, методистов обязали разрабатывать специальные критерии по присвоению статуса «Центральной» одной из библиотек восьми научных центров (НЦ) СО РАН. Специалисты ЦБ осуществляли комплексные обследования работы библиотек (по сути, обычные проверки), оценивали эффективность их деятельности, вели мониторинг статистических показателей по обслуживанию пользователей за год, в зависимости от динамики которых присваивали библиотекам НИУ СО РАН группы по оплате труда руководителей¹. Эти обязанности методисты выполняли до выхода Постановления Правительства РФ № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений» (5.08.2008 г.)²,

¹ Распоряжение об отнесении библиотек научных организаций СО РАН к группам по оплате труда руководителей и специалистов от 27.09.2000 г. № 15000-579.

² Постановление Правительства РФ № 583 от 5 августа 2008 г. «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых в настоящее время осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений» // Министерство труда России. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/government/postan/211> (дата обращения: 8.08.2023).

которое аннулировало категории библиотек и, следовательно, размер заработной платы библиотекарей перестал зависеть от решения методического центра [Дергилева, 2015, с. 77–84]. Таким образом, административные функции ГПНТБ СО РАН были завершены.

Взаимодействие библиотек СО РАН продолжалось на основе централизованных технологических процессов, которые ГПНТБ СО РАН выполняла для библиотек НИУ СО РАН с момента открытия библиотеки по 2013 г. Функциональные отделы комплектовали фонды библиотек НИУ отечественными и зарубежными документами, создавали сводный справочно-поисковый аппарат, обслуживали пользователей библиотек по межбиблиотечному абонементу, принимали на депозитарное хранение документы, списанные из фондов библиотек, предоставляли доступ к лицензионным электронным информационным ресурсам, помогали внедрять компьютерные технологии – в общем, вели активную методическую работу. Специалисты библиотеки разрабатывали организационно-методическую, нормативную и регламентирующую документацию, реализовывали исследовательскую и инновационную работу. Повышение квалификации и переподготовку библиотечных кадров библиотек осуществлял Сибирский региональный библиотечный центр непрерывного образования, функционировавший в ГПНТБ СО РАН. Центром организовывались ежегодные научно-практические конференции, обучающие семинары, стажировки для новых заведующих библиотеками, а для работников с высшим и средним непрофильным образованием с 1964 г. функционировали Высшие библиотечные курсы (ВБК), на которых за 50 лет наряду с библиотекарями СО РАН прошли обучение около 1000 сотрудников библиотек разной ведомственной принадлежности, функционирующих в городах Сибири [Артемьева, 2014, с. 82]. Обучающие мероприятия Центра организовывались в рамках научно-методического обеспечения деятельности библиотек. Однако с 2018 г. образовательные функции Центра были переданы отделу непрерывного профессионального образования, реализующего свою деятельность в режиме онлайн и на коммерческой основе, это привело к сокращению числа обучающихся.

Наиболее значительные изменения в деятельности ГПНТБ СО РАН как методического центра произошли во время реформирования РАН после принятия Федерального закона № 253-ФЗ³. В 2014 г. все научные организации, ранее подведомственные трем академиям – РАН, Российской академии медицинских наук (РАМН) и Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), были объединены и подчинены Федеральному агентству научных организаций России (ФАНО России), а затем – Министерству науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки РФ)⁴. СО РАН стало самым крупным региональным

³ Федеральный закон № 253-ФЗ. «О Российской Академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152351/ (дата обращения: 27.06.2023).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 30.05.2018 г. № 1055-р. «О ликвидации ФАНО России». // Консультант Плюс.

отделением Минобрнауки РФ, в настоящее время в его состав входят около 100 учреждений науки⁵, изменилась и структура библиотечной системы СО РАН.

В научных центрах СО РАН были образованы федеральные исследовательские центры, объединяющие разнопрофильные НИУ и соответственно библиотеки этих учреждений. Другой вариант объединения библиотек – с одним из отделов НИУ, например, с издательским или аналитическим [Дергилева, 2017, с. 207–212]. В результате сократилось число библиотек, изначально входивших в ЦБС СО РАН и в то же время увеличилось их общее количество за счет присоединения библиотек НИУ медицинского и сельскохозяйственного профиля.

Помимо структурной реорганизации РАН Федеральный закон № 253-ФЗ воспрещал объединение финансовых средств и материальных ресурсов, их передачу с баланса одного учреждения на баланс другого, в том числе информационных документов. Функциональные отделы ГПНТБ СО РАН с 2014 г. прекратили выполнять для библиотек НИУ централизованные технологические процессы, в частности комплектование фондов и генерирование сводного каталога, на которых была основана централизация библиотечной системы СО РАН. Весь комплекс технологических процессов библиотекари НИУ СО РАН стали выполнять самостоятельно.

Помимо этого цифровизация науки требует постоянно совершенствования компетенций, приобретать которые имеют возможность сотрудники библиотек лишь отдельных НИУ. Библиотеки испытывают трудности с приобретением новых документов, снабжением современной компьютерной техникой и особенно программным обеспечением (ИР-БИС). Между тем научные сотрудники и специалисты НИУ в последние годы чаще обращаются за информационно-библиотечными услугами виртуально и реже посещают библиотеку лично. В связи с этим в научном сообществе формируется мнение, что с развитием телекоммуникационных технологий библиотека НИУ не настолько востребована, как это было раньше, когда она в институте считалась «лабораторией № 1».

Таким образом, изменились роль и функции всех подразделений библиотечной системы СО РАН. Разрыв функциональных связей и децентрализация библиотечной системы негативно отразились на кооперативном взаимодействии библиотек, но не повлияли на деловые и дружественные связи библиотечных сотрудников СО РАН. С 2017 по 2020 г. ГПНТБ СО РАН осуществляла методическую деятельность в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки, но в последующие годы этот вид деятельности в нем отсутствует. Однако специалисты функциональных отделов про-

должают оказывать помощь библиотекам, так как в определенной степени несут ответственность за информационное сопровождение научных исследований СО РАН и согласно Уставу⁶. Основные направления информационно-методической поддержки библиотек, обоснованные общими целями и интересами научных специалистов, следующие: предоставление удаленного доступа к зарубежным лицензионным базам данных; обслуживание по межбиблиотечному абонементу и доставка документов; депозитарное хранение документов, исключенных из фондов библиотек НИУ; внедрение автоматизированных технологий; повышение квалификации сотрудников библиотек; информирование через сайт ГПНТБ СО РАН о методических разработках и др. [Артемьева и др., 2022, с. 17–23].

Практика показывает, что библиотекари НИУ нуждаются в профессиональной поддержке специалистов ГПНТБ СО РАН, которые ежегодно проводят сотни консультаций по вопросам комплектования документов, подписки на электронные ресурсы, автоматизации библиотечных технологий, повышения квалификации библиотекарей и др. Это свидетельствует о том, что в наши дни наиболее востребована информационно-консультационная поддержка библиотекарей НИУ квалифицированными специалистами ГПНТБ СО РАН⁷.

НОВЫЙ ФОРМАТ СОТРУДНИЧЕСТВА БИБЛИОТЕК СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

В целях сохранения библиотечного потенциала и повышения эффективности информационного сопровождения научных исследований специалистами ГПНТБ СО РАН было предложено учреждениям науки СО РАН создать некоммерческую организацию (НКО) «Сибирскую ассоциацию академических библиотек» (СААБ). «1. НКО – это организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. 2. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей..., а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ»⁸.

Ассоциация организуется на добровольном участии научных учреждений с целью сотрудничества на основе интеграции информационных ресурсов библиотек. Основными задачами ассоциации являются привлечение

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299243/ (дата обращения: 22.10.2023).

Положение о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 г. № 682 // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300363/4401b7bb2b3e14ecf58fdac3c8c498b841b6b2dc/#dst100012 (дата обращения: 23.06.08.2023).

⁵ Организации и сотрудники СО РАН // СО РАН: Официальный сайт. URL: <https://www.sbras.ru/ru/sbras/db> (дата обращения: 25.06.2023).

⁶ Устав Федерального государственного бюджетного учреждения науки Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук: утв. Приказом Министерства науки и высшего образования Рос. Федерации от 26.07.2018, № 392. П. 21.1.4. // ГПНТБ СО РАН: официальный сайт. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/download/archive/Ustav-2018.pdf>. (дата обращения: 25.07.2023).

⁷ ГПНТБ СО РАН: официальный сайт. Библиотечная система учреждений науки, находящихся под методическим руководством Сибирского отделения. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/professionalam/bibliotchnaya-sistema-so-ran/> (дата обращения: 17.08.2023).

⁸ Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О некоммерческих организациях». Ст. 2: Некоммерческая организация // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86accc003448/ (дата обращения: 05.04.23).

внимания руководителей научных учреждений к потребностям и проблемам своих библиотек, содействие внедрению библиотек в цифровую среду и повышению их престижа в научном сообществе. Деятельность ассоциации позволит осуществлять совместное приобретение информационных ресурсов, в том числе за счет использования автоматизированных технологий и продуктов в цифровой среде, что обеспечит научным сотрудникам доступ к их большому количеству; продвижение разработок отечественных специалистов в информационной деятельности, например, создание центра автоматизации на основе единой платформы (ИРБИС) и полнотекстового репозитория (хранилища) трудов сотрудников учреждений СО РАН; организацию коллективного и персонифицированного информационного обслуживания ученых. Продолжится формирование единого страхового (депозитарного) фонда научных изданий на основе фонда ГПНТБ СО РАН, мемориальных библиотек, электронных коллекций, баз данных и др. Решение перечисленных задач будет способствовать сохранению и распространению письменного научного и историко-культурного наследия сибирских ученых. На ГПНТБ СО РАН возлагаются переподготовка и повышение квалификации сотрудников библиотек, а также методическое сопровождение совместной деятельности учреждений науки Сибири.

Разработанный ГПНТБ СО РАН проект по созданию «Сибирской ассоциации академических библиотек» был одобрен 30.03.23 г. директорами НИУ на Президиуме СО РАН⁹, и 7.07.2023 г. ассоциация была зарегистрирована Главным управлением Министерства юстиции РФ по Новосибирской области¹⁰. В настоящее время члены ассоциации разрабатывают концепцию сайта и составляют первичный план ее работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный анализ методической деятельности ЦБ позволил выявить трансформацию основных функций взаимодействия с библиотеками ведомственных систем. Определена последовательность появления функций ЦБ, актуальных для определенного периода развития библиотечного дела РФ. В начале XX в. главными функциями методических центров являлись организационные и образовательные, в 1960–1980-е гг. – административно-управленческие, в конце 1980-х получили развитие научно-исследовательские, инновационные и аналитические функции. С 2000-х гг. до наших дней наиболее востребованными являются информационные и консалтинговые услуги ЦБ.

⁹ Ученые обсудили развитие главной научной библиотеки Сибири // Наука в Сибири. 2023. 3 апр. URL: <https://www.sbras.info/articles/organizaciya-nauki/uchenye-obsudili-razvitie-glavnoy-nauchnoy-biblioteki-sibiri>; Сибирское отделение Российской академии наук: официальный сайт. URL: <https://www.sbras.ru/ru/news/49990> (дата обращения: 27.04.2023).

¹⁰ Сибирская ассоциация академических библиотек официально начинает свою работу // ГПНТБ СО РАН: официальный сайт. URL: <http://www.spsl.nsc.ru/news-item/sibirskaya-associaciya-akademicheskix-bibliotek-ocialno-nachinaet-svoyu-rabotu/> (дата обращения: 9.08.2023).

Проблемы библиотек, вызванные децентрализацией библиотечной системы СО РАН, а также задачи сохранения и развития информационно-библиотечного потенциала СО РАН потребовали объединения усилий всех учреждений науки Сибири. С этой целью специалистами ГПНТБ СО РАН был предложен новый формат равноправного взаимовыгодного партнерского сотрудничества в рамках Сибирской ассоциации академических библиотек. Ее деятельность основывается на принципах взаимодействия библиотек научных учреждений Сибири. Наиболее важными направлениями работы ассоциации являются: формирование единого центра автоматизации, персонифицированное обслуживание специалистов, продвижение научного и историко-культурного наследия, информационно-методическое сопровождение деятельности научных библиотек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемяева Е.Б. Высшим библиотечным курсам ГПНТБ СО РАН – 50 лет // Библиосфера. 2014. № 3. С. 82.
- Артемяева Е.Б., Дергилева Т.В., Еришова Т.Н. Трансформация системы информационно-методического сопровождения деятельности научных библиотек Сибирского отделения Российской академии // Тр. ГПНТБ СО РАН. 2022. № 3. С. 17–23.
- Басов С.А. Управление библиотечным делом: от монополии на власть – к разделению власти // Научные и технические библиотеки СССР. 1990. № 7. С. 3–11.
- Бачалдин Б.Н. Совершенствование системы научно-методического руководства // Сов. библиотековедение. 1980. № 6. С. 14–28.
- Ванев А.Н. Вопросы методического руководства массовыми библиотеками в трудах Н.К. Крупской // Вопр. методического руководства библиотеками страны. М., 1976. С. 54–67.
- Дергилева Т.В. Диверсификация как способ организации функционирования информационно-библиотечной среды научных организаций ФАНО России // Вестн. Том. ун-та. Серия: культурология и искусствоведение. 2017. № 4 (28). С. 207–212.
- Дергилева Т.В. Трансформация научно-методической деятельности центральных библиотек на примере Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии // Вестн. Кем. ун-та культуры и искусств. 2015. № 1 (30). С. 77–84.
- Матлина С.Г. Пути перестройки методики работы с читателями // Актуальные вопросы библиотечной работы. М., 1989. С. 42.
- Руководящие материалы по библиотечному делу: справочник. М., 1982. 208 с.
- Столяров Ю.Н. Возродить профессионализм // Библиотека. 1997. № 1. С. 67.
- Суслова И.М. Методическая работа в поисках будущего // Библиотека. 1998. № 1. С. 38.
- Фирсов В.Р. Научно-методическая деятельность в новых условиях // Эффективность методической деятельности библиотек. Л. 1990. Вып. 2. С. 10.
- Фирсов В.Р. В сфере интересов новации практиков // Библиотека. 1998. № 5. С. 36–38.

REFERENCES

- Artemyeva E.B., Dergileva T.V., Ershova T.N. (2022). Transformation of the system of information and methodological support for the activities of scientific libraries of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Trudy GPNTB SO RAN*, no. 3, pp. 17–23. (In Russ.)
- Artemyeva E.B. (2014). Higher library courses of SPSTL SB RAS – 50! *Bibliosfera*, no. 3, 82. (In Russ.)

Bachaldin B.N. (1980). Improving the system of scientific and methodological guidance. *Sovetskoe bibliotekovedenie*, no. 6, pp. 14–28. (In Russ.)

Basov S. A. (1990). Library management: from monopoly on power to separation of power. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki SSSR*, no. 7, pp. 3–11. (In Russ.)

Dergileva T.V. (2017). Diversification as a way of organizing the functioning of the library information environment of scientific organizations of the FANO of Russia. *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, no. 28, pp. 207–212. (In Russ.)

Dergileva T.V. (2015). Transformation of scientific and methodological activities of central libraries by the example of the State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik Kemerovskogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 30, pp. 77–84. (In Russ.)

Firsov V.R. (1998). In the sphere of interests – innovations of practitioners. *Biblioteka*, no. 5, pp. 36–38. (In Russ.)

Firsov V.R. (1990). Scientific and methodological activities in new conditions. *Effektivnost' metodicheskoy deyatel'nosti bibliotek*. Leningrad, iss. 2, pp. 6–19. (In Russ.)

Matlina S.G. (1989). Ways of restructuring the methodology of working with readers. *Aktual'nye voprosy bibliotечноy raboty*. Moscow, pp. 40–49. (In Russ.)

(1982). Guiding materials on librarianship: handbook: as of March 1982. Moscow, Kniga, 207 p. (In Russ.)

Suslova I.M. (1998). Methodical work in search of the future. *Biblioteka*, no. 1, pp. 36–38. (In Russ.)

Stolyarov Yu.N. (1997). To revive professionalism. *Biblioteka*, no. 1, p. 67–68. (In Russ.)

Vaneev A.N. (1976). Questions of methodological guidance of mass libraries in the works of N.K. Krupskaya. *Voprosy metodicheskogo rukovodstva bibliotekami strany: sb. nauch. tr.* Moscow, pp. 54–67. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.08.2023

Дата рецензирования 20.08.2023

Статья принята к публикации 15.02.2024

DOI: 10.15372/HSS20240116
УДК 930+902(47)
EDN: R0HUOP

Н.А. ТОМИЛОВ

ТРИ РАБОТЫ Б.А. КОНИКОВА ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения,
РФ, 644024, г. Омск, пр. Маркса, 15/1

Обзор трудов Б.А. Коникова – «Иллюстрированной энциклопедии. «Археология Омска» (2016), монографии «Археология в деятельности Западно-Сибирского Императорского отдела – Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации “Русское географическое общество”» (2021), Каталога «Археологическая коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея» (2022), дает представление об уровне развития и изучения археологии Западной Сибири омскими учеными и их коллегами из других научных центров в последней четверти XIX – первые десятилетия XXI вв. Историографическое значение имеет периодизация истории археологии Омска с XVII в. до современности. Репрезентативную информацию для пропосографического анализа можно получить из сведений об ученых и краеведах, в разное время занимавшихся археологическими работами. Научно-практический интерес представляет характеристика археологических коллекций, хранящихся в Омском государственном историко-краеведческом музее.

Ключевые слова: археология, история науки, археологи, периодизация истории омской археологии, каталогизация археологических коллекций.

N.A. TOMILOV

THREE WORKS BY B.A. KONIKOV ON THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHEOLOGY

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology,
15/1, Marx Ave, Omsk, 644024, Russian Federation

Review of the labors by B.A. Konikova Illustrated Encyclopedia. Archaeology of Omsk” monograph “Archaeology in the activities of the West Siberian Imperial Department – the Omsk Regional Branch of the All-Russian Public Organization “Russian Geographical Society” and Catalog «The Archaeological Collection of the Omsk State Museum of Local History» covers only the study of the archeology of Western Siberia by Omsk scientists and their colleagues from other scientific centers in the last quarter of the 19th – first decades of the 21st century. Data on the development of the history of Omsk archeology are given. The periodization of the history of archeology in Omsk from the 17th century and up to modern times is of historiographical significance. Representative information for proposographic analysis is provided by a set of information about scientists and local historians at different times involved in archaeological work. Of scientific and practical interest is the description of the archaeological collections stored in the Omsk State Museum of History and Local Lore.

Key words: archeology, history of science, researchers of archeology, periodization of Omsk archeology, cataloging of archaeological collections.

Работы Бориса Александровича Коникова – известного омского археолога и историка, опубликованные в 2016 – 2022 гг. – Иллюстрированная энциклопедия. «Археология Омска» [2016], монография «Археология в деятельности Западно-Сибирского Императорского отдела – Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации “Русское географическое общество”» [2021],

каталог «Археологическая коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея» [2022] вносят важный научный вклад в изучение истории российской археологии.

В энциклопедии «Археология Омска», включающей 16 разделов, посвященных археологическим памятникам Омска, археологическим культурам Омского Прииртышья,

Николай Аркадьевич Томилов – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, e-mail: n.a.tomilov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8105-0573>.

Nikolay A. Tomilov – Doctor of Historical Sciences, Omsk laboratory of archeology, ethnography and museology, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

характеризуются различные стороны материальной и духовной культуры древнего населения омской земли. Издание сопровождается большим количеством иллюстраций – фотографий, рисунков, карт. В разделе «Археологические памятники Омска» приведены сведения о 75 объектах с данными об их открытии, сборах подъемного материала, раскопках и изучении отдельных памятников и их комплексов. Среди них такие известные объекты, как городище Большой Лог – многослойный памятник с материалами от бронзового века до позднего Средневековья, могильник Ростовка I и городище Ростовка II, относящиеся к эпохе бронзы; Омская стоянка – комплекс памятников с материалами от эпохи мезолита до Нового времени, городище Андреевское I с материалами от поздней бронзы до Средневековья; Омская крепость – памятник с материалами, датируемыми в пределах неолита – раннего железного века, а также с остатками сооружений крепости XVIII в. и другие памятники.

Организаторами раскопок названных памятников в разные времена были московские ученые – В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская, В.А. Могильников, Н.Л. Членова и С.В. Зотова, свердловский археолог В.Ф. Генинг с коллегами, новосибирский исследователь – академик В.И. Молодин, томский, а позднее омский ученый В.И. Матющенко и большая группа омских археологов – Ю.В. Герасимов, М.А. Грачев, Е.И. Данченко, М.Ю. Здор, Б.А. Конилов, М.А. Корусенко, И.В. Морев, О.А. Паустиан, С.В. Прищенко, И.Е. Скандаров, К.Н. Тихомиров. Всего в разделе «Люди омской археологии» помещены сведения о 133 исследователях археологии Омска и организаторах этих работ.

Особую научную значимость имеет разработанная Б.А. Кониловым периодизация истории археологии Омска с XVII в. и до современности, включающая четыре периода с выделением в каждом из них ряда этапов. Его периодизация представляется обоснованной. Вместе с тем второй период следовало бы начать с 1990-х гг., когда в омской науке настало время археологов-профессионалов. В целом предложенная Б.А. Кониловым периодизация имеет огромную ценность. Монографию завершает раздел «Перспективы омской археологии», в котором автор акцентирует внимание на анализе существующих проблем в изучении археологии Омска и поиске путей их решения.

Монография Б.А. Конилова [2021] состоит из двух больших глав. В первой главе характеризуются археологические исследования, проводимые Западно-Сибирским отделом Русского географического общества (1877–1936 гг.). Вторая глава посвящена описанию и интерпретации археологических работ ученых в 1936 – 2020 гг. уже в рамках Омского отдела Всесоюзного географического общества СССР, с 1990-х гг. переименованного в Омское региональное отделение Русского географического общества (РГО).

В рассматриваемой монографии впервые так подробно освещена археологическая деятельность Отдела за весь период его существования. Значительное внимание уделено очеркам о деятельности (отчасти с историографическими оценками) десятков археологов – ученых и краеведов. В приложении к книге помещен Список членов Отдела / Отделения: археологов и краеведов-археологов, включающий 37 фамилий исследователей. Историографиче-

ская направленность работы определяется также тем, что Б.А. Кониловым предложена схема периодизации истории археологических изысканий этой организации. Так, первый период охватывает конец 1870-х – первую половину 1970-х гг., когда в омской археологии преобладал любительский уровень. Вместе с тем автор называет ряд ученых профессиональными, обладавшими знаниями в практической археологии, это: А.В. Адрианов, Д.А. Клеменц, А.П. Плахов, А.В. Попов, А.В. Селиванов, И.Я. Словцов, Н.М. Ядринцев. На втором этапе данного периода, начавшегося по оценке автора монографии, к концу 1930-х гг., развернулась деятельность директора краеведческого музея А.Ф. Палашенкова по выявлению археологических памятников в Западной Сибири и составлению археологической карты Омской области. С середины 1970-х гг., по мнению ученого, наступил период омской профессиональной археологии.

Представляемая монография Б.А. Конилова вышла из печати накануне юбилейного события – в 2022 г. Омскому отделению РГО исполнилось 145 лет. В «Предисловии» к монографии председатель Омского отделения РГО, историк И.И. Крот дал высокую оценку монографии: «Со страниц книги мы наблюдаем широкую панораму открытий, сделанных любителями-краеведами и профессиональными исследователями не только в Среднем Прииртышье, но и на землях далекой Монголии, в Средней Азии, на Крайнем Северо-Западе Сибири, в Минусинской котловине. Борису Александровичу удалось вернуть фокус внимания к уже забытым фигурам и археологическим памятникам» (по: [Конилов, 2021, с. 3–4]).

Третья книга Б.А. Конилова [Археологическая коллекция..., 2022] представляет собой каталог археологических коллекций, хранящихся в Омском государственном историко-краеведческом музее, – всего около 400 коллекций и отдельных находок, основная часть которых связана с территорией Омской области. Среди собранных за 145 лет существования этого музея археологических материалов имеются предметы из Алтайского, Камчатского, Красноярского и Пермского краев, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Сахалинской, Томской, Тюменской и Челябинской областей, Крыма, Казахстана, Киргизии и Монголии. Археологические материалы музея датируются от эпохи верхнего палеолита до окончания Нового времени.

Предваряют основную часть каталога написанные Б.А. Кониловым два раздела – «История формирования и каталогизации археологических коллекций» и «Археологические и исторические эпохи в материалах коллекции». В истории формирования археологических коллекций музея им выделены четыре периода с учетом изменений названия и ведомственной принадлежности музея: 1) 1878 – 1923 гг. – музей – учреждение Западно-Сибирского отдела РГО; 2) 1923 – 1980 гг. – музей – государственное учреждение, в 1923 – 1934 гг. – Западно-Сибирский краевой музей, в 1934 – 1980 гг. – Омский областной краеведческий музей; 3) 1980 – 1992 гг. – Омский государственный объединенный исторический и литературный музей; 4) с 1992 г. по настоящее время – деятельность музея, в том числе и в области археологии, осуществляется в Омском государственном историко-краеведческом музее. Нам представляется,

что предложенная периодизация имеет, скорее, формальный характер. Более эффективной, на наш взгляд, была бы периодизация, основанная на научно-интерпретационном подходе к изучению содержания, объема, уровня, профессионализма в работе с археологическим фондом музея, его дальнейшим развитием.

Книга об археологических коллекциях названного музея может рассматриваться как научное издание. Об этом свидетельствует и большой разнообразный объем приложений: географический указатель, карты мест расположения памятников и артефактов (карты по Омску, Омской области и в целом Евразии), а также хронологический и именной указатели, список экспозиций и выставок с включением археологических материалов.

Представленные работы Б.А. Коникова наряду с работами В.И. Матющенко по истории сибирской археологии, И.В. Захаровой и Н.А. Томилова по истории омской этнографии и шире – этнографического сибиреведения, а также наряду с исследованиями А.В. Жука, А.Н. Блиновой, М.А. Жигуновой, Т.Н. Золотовой, С.Н. Корусенко, Г.М. Патрушевой, Т.Б. Смирновой, Л.В. Татауровой, С.С. Тихонова и других омских исследователей по историографии археологии, этнографии, антропологии, этноархеологии в целом свидетельствуют о том, что Омск – сегодня признанный крупный российский научный центр истории и историографии археолого-этнографических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коников Б.А. Иллюстрированная энциклопедия. Археология Омска / науч. ред. А.В. Жук, отв. ред. Г.Г. Гурьянова. Омск: Омск-бланкиздат, 2016. 408 с.

Коников Б.А. Археология в деятельности Западно-Сибирского Императорского отдела – Омского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (1877–2020 гг.) / отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: Наука, 2021. 168 с.

Археологическая коллекция Омского государственного историко-краеведческого музея. Каталог / сост. Б.А. Коников; под ред. П.П. Вибе. Омск: Омск. гос. ист.-краеведч. музей; СПб.: Любавич, 2022. 167 с.

REFERENCES

Konikov B.A. (2016). Illustrated encyclopedia. Archaeology of Omsk. Omsk, Omskblankizdat, 408 p. (In Russ.)

Konikov B.A. (2021). Archaeology in the activities of the West Siberian Imperial Department – Omsk regional branch of the All-Russian public organization “Russian Geographical Society” (1877–2020). Omsk, Nauka, 168 p. (In Russ.)

Konikov B.A. (ed.) (2022). Archaeological collection of the Omsk State Museum of History and Local Lore. Catalog. Omsk, Omsk, gos. ist. – kraevedch. Muzei, Saint Petersburg, Lubavitch, 167 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.04.2023

Дата рецензирования 25.05.2023

Статья принята к публикации 05.02.2024

EDN: PJJVRN

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВИЧА НИКОЛАЕВА!

23 октября 2023 г. исполнилось 70 лет со дня рождения доктора исторических наук Александра Алексеевича Николаева. После успешного окончания гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета (1976 г.) он поступил на работу в Новосибирский педагогический институт ассистентом кафедры истории КПСС, откуда был призван в ряды Советской армии. После увольнения в запас продолжил трудовую деятельность с 1977 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1991 г. – Институт истории СО РАН), где прошел все ступени научного и профессионального роста: от старшего лаборанта (младшего, старшего, ведущего, главного научного сотрудника) до заместителя директора института по научной работе (2014 г. – ноябрь 2023 г.).

Научные интересы А.А. Николаева касаются истории промышленного и аграрного освоения Сибири, развития кооперативного движения. В 1982 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Роль промысловой кооперации в социалистическом преобразовании мелкой промышленности Сибири (1928 – 1937 гг.)», а в 2000 г. – докторскую диссертацию «Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.)». Его научным руководителем и консультантом был доктор исторических наук, профессор А.С. Московский.

А.А. Николаев – автор 210 научных работ, в том числе трех авторских и четырех коллективных монографий, а также разделов в многотомных изданиях по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Он являлся инициатором и ответственным редактором серии сборников научных статей «Кооперация Сибири» (1994 – 2009 гг.), внес большой вклад в подготовку статей для трехтомной «Сибирской исторической энциклопедии» (2009 г.), в настоящее время успешно координирует издательскую деятельность в институте, является заместителем главного редактора 4-го тома «История Сибири», который готовится к печати в 2024 г.

Исследования в области истории российской кооперации под его руководством неоднократно получали грантовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований. По результатам выполнения проектов было опубликовано несколько документальных изданий, а сборник документов «Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза» (Новосибирск, 1999) был отмечен дипломом и второй премией Росархива на Всероссийском конкурсе научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии за 1999–2000 гг. Значительным является

его вклад в деятельность научных фондов: член экспертного совета по отечественной истории Российского фонда фундаментальных исследований, а также фонда «История Отечества». В 2017 г. осуществлял экспертизу учебников по отечественной истории по просьбе издательств «Дрофа» и «Вентана-Граф».

Научно-исследовательскую работу А.А. Николаев постоянно совмещал с педагогической деятельностью в Сибирском бизнес-колледже и Новом сибирском институте; будучи профессором, читал курсы лекций в Сибирском университете потребительской кооперации (2001–2010 гг.) и Новосибирском военном институте войск национальной гвардии (2018–2020 гг.).

Важное значение А.А. Николаев придает подготовке молодых ученых: является членом Диссертационного совета Института истории СО РАН, членом Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам (с 2016 г.). Его лидерские качества, талант организатора, коммуникабельность проявились на посту заместителя директора по научной работе, заместителя председателя Ученого совета Института истории СО РАН.

С 2007 по 2013 г. А.А. Николаев возглавлял Совет трудового коллектива Института истории СО РАН, активно содействовал улучшению жилищных условий молодых сотрудников, был инициатором проведения культурно-оздоровительных мероприятий в институте.

Успешная научная и научно-организационная деятельность А.А. Николаева отмечена многочисленными грамотами и памятными знаками: Памятным знаком Совета депутатов трудящихся г. Новосибирска «К 120-летию г. Новосибирска» (2013); Почетной грамотой Президиума СО РАН за достижения в области исторической науки (2013); Почетной грамотой Президиума СО РАН за подготовку исто-

рической справки для присвоения г. Новосибирску почетного звания «Город трудовой доблести» (2020); Почетным дипломом Российского фонда фундаментальных исследований за многолетнюю и плодотворную деятельность в экспертном совете по истории, археологии и этнологии (2020); Памятным знаком мэрии Новосибирска «За труд на благо города» в честь 130-летия со дня основания города (2023).

Дирекция, коллектив сотрудников Института истории СО РАН, редакционный совет и редакционная коллегия журнала поздравляют Александра Алексеевича с юбилеем и желают крепкого здоровья, творческих успехов в исследовании и популяризации российской истории!

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов – Список журналов Первой категории (К1), которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.».

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;

- индекс УДК;

- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора, orcid. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;

- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;

- ключевые слова на русском и английском языках (не менее 10);

- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com.

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebovaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректуру авторы читают в фиксированные сроки. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.